

Линнара Руденко

Комиссар Хольмг

Линнара Руденко Комиссар Хольмг. Вархаммер 40 000

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42924136
ISBN 9785005002211*

Аннотация

Вархаммер 40 000 Мир вечной войны.«Бичи Императора». Так называют Имперских комиссаров. Их уважают, боятся и ненавидят одновременно. Их воля нестигаема, а об их подвигах складывают легенды. Но какой надо преодолеть путь, чтобы стать такой легендой? Сколько кадетов из корпуса пройдут завершающий этап обучения и получат комиссарские кушаки? Что значит посвятить свою жизнь без остатка служению Императору и Империи? Первые две книги из цикла о комиссаре Имперской гвардии Атии Хольмг. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

СТАНОВЛЕНИЕ	6
6.637.991.М38	10
ОКРЕСТНОСТИ НЕМОРИСА	10
6.664.991.М38	17
ПАЛУБА КОРАБЛЯ «ДРАГОЦЕННЫЙ»	17
6.666.991.М38	36
ОКРЕСТНОСТИ НЕМОРИСА. ПОЛТОРА ДНЯ ДО ВЫСАДКИ	36
6.670.991.М38	39
РЭКУМ. ДЕНЬ 1	39
МЕЖДУ РЭКУМОМ И НЕМОРИСОМ. ДЕНЬ2	46
МЕЖДУ РЭКУМОМ И НЕМОРИСОМ. ДЕНЬ 2. ПОСЛЕ ЗАКАТА	69
ОКРЕСТНОСТИ НЕМОРИСА. ДЕНЬ 3	72
РЭКУМ. ДЕНЬ 3. УТРО	77
ОКРЕСТНОСТИ НЕМОРИСА. ДЕНЬ 3	83
РЭКУМ. ДЕНЬ 3	85
РЭКУМ. ДЕНЬ 3. ПОСЛЕ ЗАКАТА	87
ОКРЕСТНОСТИ НЕМОРИСА. ДЕНЬ 4	91
РЭКУМ. ДЕНЬ 4	102
СТАНЦИЯ ВОКС-СВЯЗИ. ДЕНЬ 4	103
РЭКУМ. ДЕНЬ 4. ВЕЧЕР	107

ОКРЕСТНОСТИ НЕМОРИСА. ДЕНЬ 4	111
СТАНЦИЯ ВОКС-СВЯЗИ. ДЕНЬ 4	117
РЭКУМ ДЕНЬ 4. ПОСЛЕ ЗАКАТА	122
НЕМОРИС ДЕНЬ 4. ПОСЛЕ ЗАКАТА	124
ОКРЕСТНОСТИ НЕМОРИСА. ДЕНЬ 5	126
РЭКУМ. ДЕНЬ 5	127
РЭКУМ ДЕНЬ 5. ПОСЛЕ ЗАКАТА	131
РЭКУМ. ДЕНЬ 6	134
РЭКУМ. ДЕНЬ 6. ПОСЛЕ ЗАКАТА	140
РЭКУМ. ДЕНЬ 7	144
МЕЖДУ РЭКУМОМ И НЕМОРИСОМ. ДЕНЬ 7	153
РЭКУМ. ДЕНЬ 7. ПОСЛЕ ЗАКАТА	158
НЕМОРИС. ДЕНЬ 8	163
РЭКУМ. ДЕНЬ 8	167
РЭКУМ. ДЕНЬ 8. ПОСЛЕ ЗАКАТА	171
РЭКУМ. ДЕНЬ 9. ПЕРЕД РАССВЕТОМ	174
НЕМОРИС. ДЕНЬ 9	180
РЭКУМ. ДЕНЬ 9. ПОСЛЕ ЗАКАТА	186
Конец ознакомительного фрагмента.	189

Комиссар Хольмг Вархаммер 40 000

Линнара Руденко

© Линнара Руденко, 2019

ISBN 978-5-0050-0221-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СТАНОВЛЕНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

То, что несет нам испытания, приведет нас к триумфу; то, что причиняет боль нашим сердцам, подарит нам счастье. Настоящее счастье – идти вперед, учиться и совершенствоваться. Но ничто не дается просто так. Ошибки, невежество и недостатки. Мы должны пройти сквозь тьму, дабы дотянуться до света.

© Примарх Фулгрим

*Когда последний наш час наступит,
Мы все, без сомненья, умрем.*

© Песня II-ого тысячелетия. Эльфице

Если выжечь всю землю, дотла, то ничто не будет мешать, наслаждаться зрелищем бесконечного неба. Но, кто это делает?

© Неизвестный человек 21 века

Он стоял на коленях. Глаза были закрыты, но он продолжал взирать, и в этот момент, видел ими неимоверно больше, чем, если бы просто смотрел на тех людей, что сейчас его окружали.

«Склонитесь пред Бессмертным Императором, ибо Он

наш Заступник. Восторгайтесь Бессмертным Императором, ибо велика жертва Его во имя Человечества»

Почти все, кто стоял сейчас в Храме, был ранен. Большинство настолько серьезно, что у них не хватало сил стоять на прямых ногах, и они, преклонив колена, опирались на лазганы или автоганы, а некоторые, просто держались за стену или за своего, менее обессиленного, товарища. Те, чьи ранения были настолько серьезны, что у них не хватало сил стоять даже так, лежали небольшими группами у самых стен и между колоннами, поддерживающими высокий купол Храма. Их тихие стоны сопровождали слова проповедника, разносящиеся с амвона, уподобляясь траурному хору.

«Восхищайтесь Бессмертным Императором, ибо строго Он вас наставляет. Благоговейте пред Бессмертным Императором, ибо во веки веков Он надзирает за вами»

Измощенные лица людей, покрытые сажей и маслами, пеплом высохшей крови и черными разводами от пота и редких слез, были обращены к проповеднику. Некоторые из собравшихся здесь людей тихо вторил словам молитв, разносящимся по Храму до самых хоров, и произносимых столь хрипло, словно их выкрикивал старый ворон. В величественной и мрачной атмосфере, воцарившейся под сводами Храма Императора, голос проповедника, сорванный до этой грубой, неестественной хрипоты, звучал треснувшим колоколом, и в то же время, дотрагиваясь до самых сокровенных струн души, каждого, находящегося здесь, человека.

«Почитайте Бессмертного Императора, ибо священна мудрость Его. Превозносите Бессмертного Императора, ибо неодолимо и извечно могущество Его»

Рваные, обожженные одежды, что покрывали измученные тела людей, являли сквозь многочисленные прорехи бинты с пунцовыми пятнами на них. Ближе всех к амвону, на котором стоял старый, седой служитель Бога-Императора, лежали, покрытые кусками материи те, кто уже отдал свой долг Великому Пастырю человечества, и чьи страдания теперь уступили место строгой простоте смерти. Могло показаться, что она пронизала ощущением собственной неизбежности всех здесь собравшихся. Осознание близкого, наверняка ужасного и кровавого конца было запечатлено на лице каждого человека. И тех, кто был обречен встретить его обессиленным, лежащим в полузабытьи, и тех, чья жестокая агония вынуждала молить о скорейшем приближении последнего вдоха, и тех, кто намеревался остатком своей жизни принести гибель врагам Его, и покинуть этот мир под предсмертные проклятия уничтожаемых еретиков.

«Прославляйте Бессмертного Императора, ибо видит Он все. Восхваляйте Бессмертного Императора, ибо нескончаемо владычество Его»

Но, помимо грязи и крови, страданий и усталости, ненависти к противящимся Воле Его, страха, перед неизбежной смертью сиял Свет. Этот Свет был повсюду. Он озарял серд-

ца и души, освещал изнуренные лица людей, одухотворяя их; и превращал убранство Храма и людей, что были внутри, в некое живое полотно, достойное того, чтобы быть запечатленным рукой художника.

В этот момент он, окончательно, осознал, что его окружают уже не люди. Нет. Души людей. Тех, кто, фактически, уже умер. Души людей, что уже перешагнули за грань между жизнью и смертью.

«Славься Бессмертный Император, Повелитель наш и Наставник»

И Свет на их лицах, был отблеском Золотого Трона, перед которым, им всем, предстояло предстать. Совсем скоро.

Авель вздрогнул всем телом и открыл глаза.

6.637.991.M38

ОКРЕСТНОСТИ НЕМОРИСА

«Я пишу эти строки, без надежды, что их кто-нибудь прочтет. Это моя последняя исповедь. Пусть Император смилостивится, над моей грешной душой. Я боюсь. Я никогда в жизни, так не боялся, как в эти, последние, несколько недель. Все считают меня сумасшедшим. Но это не так! Клянусь Императором, это не так! Я нормален, насколько может быть нормальным, человек, который не спит уже шестнадцать ночей. Я не могу заснуть. Стоит мне закрыть глаза, как передо мной встает ужас грядущего. Я вижу страшные картины, где горят люди. Много людей. Они умирают от обширных ран, сделанных самым разнообразным оружием, некоторых названий, которого, я, даже, не знаю. Еще людей разрывают когтями страшные монстры. Они рвут несчастных и обгладывают их, еще теплые, тела. Я вижу, как простые люди сами превращаются в таких же монстров, и начинают убивать своих же собратьев. Вчера, я не смог удержаться от крика, когда увидел на улице одного человека. Я не знаю его имени. До вчерашнего дня, я не встречался с ним, а может просто, не обращал на него внимания. Но, несколько ночей назад, я увидел его в своем сне. Он стоял в центре како-

го-то круга, потом, вдруг, завыл и начал меняться. Из круга вышел уже не он, а один из тех жутких монстров, что сняться мне каждую ночь. Я и не думал, что этот человек, реально, существует, пока не увидел его воочию вчера. Бригадир сказал, что отстранит меня от работы, если я не приду в норму. Я знаю, что это невозможно. Невозможно „прийти в норму“ увидев все то, что увидел я. Со мной, все кончено. Я уверен. Когда я был маленьким, моя мама говорила, что во снах открывается будущее. Она умерла, когда мне исполнилось семь лет. Опухоль в мозгу. Так сказал отец, и запретил мне вспоминать о ней. Все эти годы, я следовал его воле, и только сегодня, понял, что он мне солгал, тогда. Моя мама была псайкером. И, как ни старался, оградить меня, от этого, отец, я наследовал ее дар. Или проклятие. Теперь, я понимаю это, так же отчетливо, как и собственную, скорую смерть. Но, я умру лучше, чем многие из тех, кто сегодня, переживет меня. И хуже, чем многие, что умерли до меня. Жаль, что уже поздно, что-то менять».

Запись на инфопланшете дрогнула и потемнела. Покрывшийся трещинами монитор пискнул последний раз и умер, на несколько секунд пережив своего хозяина, лежащего на дне глубокой штольни. Из разможенного, об острые камни, черепа, вытекла небольшая лужица крови и исчезла, поглощенная суровым, каменистым дном.

Ферро Сильва, проходящая по документам как рудодо-

бывающий мир 632—4/R, была планетой с поселениями-колониями, и обладала таким крохотным размером, что ей, должно быть, более приличествовало называться спутником. Множество шахтерских городов, связанных между собой сетью дорог, стали последним местом жительства для «переселенных лиц и к ним приравненных», как значилось в отчетах Администратума.

Некогда, обнаруженная планета обладала богатыми залежами руды и редких минералов, а так же, как тогда казалось, была неиссякаемым источником клатрата. Кристаллического газа со сложной химической составляющей. Тогда же на добычу этих ценных для Империи ресурсов было брошено множество рабочих, от простых шахтеров, до специально обученных специалистов, никогда не спускающихся на нижние уровни.

Долгие столетия процветания вывели рудный мир в список особо ценных планет сектора, однако, на момент повествования, Ферро Сильва уже не растерял былую респектабельность.

Истерзанная за столетия многочисленными шахтами, кавернами и котлованами, с загубленной атмосферой, планета отсчитывала последние часы, в преддверии того, когда последние представители рода людского покинут ее умерщвленную поверхность, забрав последние запасы клатрата, вырванные из ее недр.

Все еще остававшийся на планете клатрат, был сконцен-

трирован в последнем шахтерском городе, носящем имя Неморис. Оттуда, на больших, уродливых транспортах кристаллические газогидраты доставлялись в центральный город. Там они поступали в последнюю стадию переработки для длительного хранения и транспортировки, перед отправкой в космопорт, построенным настолько близко к Рэкуму, насколько это было уместно.

Сам Рэкум, как и вся прочая планета, растеряв свой лоск и привлекательность, медленно угасал, постепенно превращаясь в брошенный город-призрак.

Изначально, город был поделен на два больших сектора, административный и рабочий. Административный центр, мог в свои лучшие дни, по красоте и вычурности зданий, соперничать с каким-нибудь городом-курортом с райского мира. На возведение одного только Храма Императору были потрачены средства, полученные за три года непрерывных поставок сырья, на пике их добычи, а время, затраченное на возведение сего архитектурного изыска, исчислялось полуторами десятками лет. Округлый купол, выполненный из железных конструкций с огромными полупрозрачными витражами, венчало несколько тонких шпилей, уходящих так высоко вверх, что их острия терялись где-то в кучных стадах серых облаков, этой извечной брони небес Ферро Сильва. Архитектор и мастера, вложившие в строительство Храма силы и усердие, души и значительную часть своих жизней, смогли сочетать в нем странную неземную лег-

кость, несколько выбивающуюся из привычной готической традиции, и исключительную надежность с точки зрения фортификации. Будучи способным стать неприступной крепостью, и выдержать не одну атаку врагов, Храм воспринимался неземной обителью, под сводами которой, мог остановиться на отдых Сам Спаситель человечества. Благодаря грамотно размещенным осветительным рампам, самых разнообразных размеров и мощностей, цветные мозаики, иллюстрирующие судьбоносные вехи времен становления Империи, расцветали во всем своем великолепии, создавая при этом иллюзию, словно свет падает с самих небес.

В относительной близости от Храма Императора, расположился небольшой храмовый комплекс, на территории которого, помимо прочего, разместился приход Сестер Госпитальер из Ордена Феникса. Основанный здесь несколько столетий назад, во времена расцвета Ферро Сильва, сейчас приход насчитывал всего шесть Невест Императора, во главе которых стояла Палатина Штайн, занимающая этот пост, уже более пяти лет.

Третьим по величине в Рэкуме был губернаторский Дворец. Первое, основное и единственное впечатление, которое он производил, было то, что он очень и очень хрупкий. Изящные балконы, лестницы и колонны, которыми изобиловало данное строение, казались, вырезанными не из камня, а из непрозрачного стекла. Глядя на их переплетения, создавалось впечатление, что они готовы рассыпаться в любой мо-

мент, стоит к ним отнестись, с грубой небрежностью.

Окруженный зданиями, большинство из которых были оставлены своими бывшими владельцами, когда стало понятно, что более на Ферро Сильва делать нечего, Дворец Губернатора теперь совершенно казался чуждым самому месту, в котором располагался. Его утонченная грация резко контрастировала с грубыми бараками, в которых обитали простые рабочие, и которые плотной сетью казенных, однотипных строений, покрывали вторую часть города.

Эти два, столь разительно отличающиеся между собой сектора, были разделены высокой стеной, которая хотя бы как-то примиряла их между собой, делая переход от возвышенной высокопарной роскоши к грубому и суровому существованию не таким гротескным. А так же, защищала жизнь, правящей верхушки в верхнем секторе, от рабочих, проживающих и трудящихся в нижней части города.

Что же касалось Немориса, то на его узких, замусоренных улицах нельзя было встретить ни возвышенных, ни величественных строений, ни, даже, просто, красивых. Это был мрачный рабочий поселок, задыхающийся от собственной функциональности и минимализма. А единственной его достопримечательностью, в силу того, что, Неморис располагался на возвышенности, и, некогда находился, почти в точном центре, относительно прочих поселений, комплексов и шахт, была вышка ретранслятора, обеспечивающая связь на большей части поверхности Ферро Сильва. Однако те-

перь, когда подавляема ранее природа получила возможность воспрянуть и вернуть себе былую власть, густой лес, окружил вышку со всех сторон так, словно намеревался поглотить этот символ власти и контроля людей, над изрытой ими, планетой.

Заостренные, словно громадные пики, верхушки деревьев, тонули в лучах заходящего солнца, когда с планеты вырвалось астропатическое сообщение, которое впоследствии было получено и расшифровано на палубе корабля «Драгоценный». И из которого следовало, что губернатору с Ферро Сильва, этого, забытого всеми мира, срочно требуется помощь.

6.664.991.M38

ПАЛУБА КОРАБЛЯ «ДРАГОЦЕННЫЙ»

Инквизитор Алонсо Барро удобно расположился в небольшом кресле и закрыл глаза. Перед его мысленным взором начали проплывать пульсирующие пятна разнообразнейших цветов и конфигураций. Образуемые ими узоры, сменяли друг друга, словно в калейдоскопе, но по-прежнему, не вызвали, хотя бы маломальских, ассоциаций.

«Померещилось» – Подумал Барро.

Он уже готов был оставить просмотр информационного поля, и, открыв глаза, вернуться к изучению материалов дела, которым он занимался, когда, размытые кляксы, мигающие буро-желтыми оттенками, начали складываться в послание.

«Ведана». – Мысленно позвал он.

Образ сухопарой женщины без возраста на бледном лице, перечеркнутом серой повязкой, скрывающей глаза псайкера, мгновенно предстал перед его внутренним взором.

«Ты тоже это видела?»

Образ, молча, склонил голову.

Даже, общаясь телепатически, Ведана предпочитала отвечать жестами, а не словами.

«Переведи» – Потребовал инквизитор.

«Ей требуется помощь»

На этот раз в голове Алонсо прозвучали слова.

«Ей?» – Уточнил Барро.

«Послание составлено женщиной. Она в замешательстве.

Она боится»

Алонсо Барро почувствовал, как усталость вязкой волной разливается по его телу.

«Жду тебя» – Мысленно ответил он Ведане, и распахнул неприятно потяжелевшие веки.

Приглушенный заранее, свет, не смотря на приготовления, больно резанул по глазам. Так всегда бывало, когда Барро практиковался в слушании эфира, и молодой инквизитор приложил ладони к глазам. Он просидел так не более минуты, и отнял руки от лица, услышав, как открываются двери, ведущие в кабинет.

– Переведи полностью послание. – Обратился Алонсо к вошедшему псайкеру. – У меня не хорошее предчувствие.

Высокая, можно даже было бы сказать, вытянутая женщина, более походящая на скелет обтянутый кожей, с удлиненными руками и ногами, едва заметно сутулясь, кивнула.

«Еще распоряжения?» – Послала мысль Ведана.

Если бы Барро, в этот момент, посмотрел на ее лицо, то увидел бы, как оно посветлело еще больше, из просто бледного, приобрета почти прозрачный, словно подсвечиваемый изнутри, голубоватый оттенок.

Но инквизитор только покачал головой, не бросив в сторону псайкера даже мимолетного взгляда, сконцентрировавшись на информации в планшете:

– Выясни у корабельного астропата. Возможно, он, так же, уловил послание. Сообщи мне сразу, как только будет готова расшифровка.

Ведана склонила голову, и, молча, покинула комнату.

Алонсо поморщился, когда она покидала его каюту своей тихой, чуть пришаркивающей походкой. Тонкими аристократическими пальцами, он помассировал виски, прогоняя усталость и полностью, возвращаясь в реальность. К делу, которым он занимался уже полгода, и разгадка которого каждый раз, когда он был на волоске, чтобы подобраться к ее сути, ускользала от него, оставляя лишь горы информации сомнительной ценности. И связать воедино обрывочные сведения, находившиеся в руках инквизитора, пока ему не удалось.

Когда, через три четверти часа, Ведана, вновь вошла в каюту инквизитора, Барро был полностью поглощен изучением текущего дела. Алонсо вновь начал испытывать тот специфический внутренний зуд, который возникал у него всякий раз, когда молодой инквизитор приближался долгожданной разгадке очередного расследования. Оторвавшись от данных, выводимых на дисплей инфопланшета, Барро требовательно посмотрел на псайкера. Та, не увидев, но уловив на себе этот взгляд, слегка вздрогнула, и вопреки своим

предпочтениям, воспользовалась обычной речью.

– В послании говорится, – начала она, медленно произнося слова, – что губернатор планеты, внезапно, оставшись без связи, предполагает бунт среди рабочих, или иную, нештатную ситуацию, справиться с которой, не имеет возможности и ресурсов. Она просит помощи любого войскового подразделения, которое могут направить на Ферро Сильва для решения конфликта. На этом понятная часть переданного послания, заканчивается, и следует размытый рисунок из неосознанных страхов. Астропат, передавший данное сообщение находился под влиянием варпа.

На последних словах по телу девушки произошло нечто, напомнившее судорогу, после которой Ведана согнулась, и осталась стоять скрюченной, с выгнутой в дугу, спиной.

– Поясни. – Барро ощутил тревогу в словах псайкера, и ее внешний вид сейчас говорил, что Ведана переживает сама тот страх, который владел астропатом в момент передачи им послания.

– По ощущениям... – Ведана затряслась, словно ее скрутил приступ безмолвного кашля. – Как будто, кто-то смазал послание в середине его передачи. Кто-то помешал.

Она замолчала, вновь сотрясшись в судороге. Потом, приложив видимые усилия, медленно разогнулась, и, оставшись стоять, неестественно вытягиваясь, чтобы снова не согнуться, и от того, казавшись еще выше и тоньше, выдохнула:

– Умышленно помешал.

– Ты пробовала связаться с отравителем?

«Да» – Ведана перешла к мысленному диалогу, и на лицо ее опустилось выражение облегчения, словно она освободилась от тяготящего ее, каторжного труда. – «Кто-то или что-то блокирует информационное пространство»

Алонсо Барро задумался. Неприятное ощущение, возникшее у него несколько часов назад. Перед тем, как «Драгоценный» вывалился из Имматериума в секторе Сторкциум, от услышанного только что, усилилось.

«Что говорит астропат корабля?»

«То же самое. Он не смог выяснить из послания более моего»

Инквизитор поднялся. Широким, чуть отрывистым шагом, он измерил каюту, обустроенную под кабинет, со стенами отделанными древесиной, сочетающейся с пластиковыми панелями. Он обошел удобный письменный стол с двумя когитаторами на нем, и ряд стульев с высокими прямыми спинками, отделка которых была настолько же строга, насколько изящна. Коснувшись двумя пальцами небольшого вокс передатчика, активировав его, Барро заговорил:

– Макс. Свяжись с навигатором и капитаном, я хочу знать, как далеко мы находимся от Имперского мира №632—4/R. И, еще раз, поговори с астропатом. Возможно, совместно, у вас получится выйти на связь. Мне необходимо подумать.

Псайкер кивнула и молча, вышла за дверь, оставляя инквизитора размышлять над полученной информацией в оди-

ночестве.

Едва шлюзовые двери закрылись за ее сутулящейся спиной, от стены отделился невысокий мужчина, ниже ее ростом, лицо которого было скрыто капюшоном. Бесшумно он сделал шаг вперед, и в безмолвии последовал за Веданой, добавляя к ее чуть пришаркивающей походке, собственную мягкую, прихрамывающую поступь.

«Что нас встретит там»

Мысль, посланная Веданой своему спутнику, не была вопросом, но ответ все равно позвучал, отозвавшись в голове женщины мгновенной вспышкой, что невозможно уловить глазами, но которая оставляет в их глубине саднящее жжение.

«Забвение»

Шел четвертый час тренировки, когда Гай Тумидус поднял руку, останавливая бой.

– Плохо. – Он подошел к одному из кадетов.

Клавдия Шульц, стоя с покрасневшимся лицом, по которому скатывались капельки пота, вытянулась перед Лордом-Комиссаром Тумидусом.

– Очень плохо, кадет. – Его голос, был, как и всегда, бесцветным, при этом настолько властным, что ни у кого не могло даже возникнуть мысли о том, чтобы его послушаться. – Сто отжиманий, потом продолжить спарринг.

– Комиссар не имеет права на усталость. – Продолжил Гай

Октавиан Тумидус, переведя взгляд своих пристальных глаз с Шульц, и поочередно вонзая его в остальных кадетов. – Вы всегда должны быть образцом спокойствия, уверенности, стойкости, как и полноты физических и духовных сил. Иначе, вы не комиссары.

– Лонгин, Кимдэк, Конг, – в наступлении. Морзус – в глухой защите. – Скомандовал Лорд-Комиссар Тумидус, выдержав небольшую паузу. – Остальные, в произвольном порядке разбиться на пары и продолжать тренировку.

Кадис встала в защитную стойку и принялась отражать удары. Она не заметила, как получила режущий удар в правое плечо, осознав его только тогда, когда китель начал намочать от крови.

– Поменялись. – Скомандовал Гай Тумидус. – Конг в защите. Лонгин, Кимдэк, Морзус атакуют. Вторая группа: Хольмг, Доу, Рэмм – нападение, Шульц – в защите. Раннер, сто отжиманий.

Только когда тренировочное время подошло к концу, Гай Тумидус, отрывисто бросил:

– Кадет Морзус, после посещения медицинского отсека доложите мне о своем состоянии. У остальных есть тридцать семь минут для личных нужд. В семнадцать сорок пять, тактические занятия. Все свободны.

Покинув палубу, на которой располагались тренировочные залы, Гай Тумидус направился в личную каюту. Подой-

дя к дверям, Лорд-Комиссар обнаружил возле их шлюзовых створок, корабельного сервитора с датапланшетом, в негнущихся коротких манипуляторах, в которые были превращены, некогда человеческие, руки.

Сообщение исходило от инквизитора, находящегося на борту «Драгоценного», и следовавшего тем же курсом, на один из миров системы Син.

Еще до того, как взгляд Лорда-Комиссара не упал на имя, которым было подписано сообщение, у него в душе, уже поднялось неприятное чувство, не сулящее в перспективе ничего хорошего. Когда же Гай Октавиан Тумидус прочитал имя Алонсо Барро, в его памяти мгновенно пробудились события пятилетней давности, которые едва не поставили точку, как в его карьере, так и в жизни, вообще. На крохотную долю секунды, Октавиан мысленно поежился, отчетливо почувствовав, как во всем теле заныли кости. Однако Лорд-комиссар довольно быстро отмахнулся от нахлынувших воспоминаний. Сейчас это не имело значения, так как инквизитор вряд ли приглашал его к себе по вопросу, связанному с их предыдущей встречей.

Еще раз, перечитав короткое послание, Гай Тумидус вошел в отведенную ему каюту, там, придал себе максимально официальный вид, и двинулся на встречу с инквизитором.

Уже подходя к просторным апартаментам, занимаемым инквизитором, Октавиан заметил полковника Райта. Следом за ним, шел его начальник штаба, имени которого, Гай Ту-

мидус не помнил.

– Тоже, получили приглашение, Лорд-комиссар? – Подходя ближе, поинтересовался полковник.

– Получил. – Коротко ответил Тумидус.

– Есть информация, о чем конкретно, пойдет речь?

– Абсолютно.

– Ну, как говорят мои танкисты: войдем в контакт – сразу все узнаем.

«Еще добавляют: не узнаем – умрем в святом неведении» – Подумал Гай Тумидус, и вслух произнес.

– Думаю, полковник, сейчас нам все пояснят.

С этими словами он широко распахнул дверь, ведущую в апартаменты инквизитора Барро, и прошел вперед.

В большой каюте, куда пригласили всех собраться, было просторно и свежо. Не будучи любителем высоких температур, Алонсо Барро всегда следил, чтобы температура в предоставляемых ему, помещениях, не поднималась выше, установленной им, отметки. Кроме того, он любил большие пространства, и отдавал предпочтение огромным, наполовину пустым кабинетам, больше походящим на званые залы, в противовес маленьким и уютным кабинетам, какие были столь обожаемы его наставником, Теодором Ренвелем.

Алонсо Барро встретил офицеров, стоя посреди кабинета, перед большим художественно оформленным столом, который сочетал в себе красоту и функциональность, как большинство вещей, которыми обладал инквизитор.

Войдя, Тумидус отметил, что за последние несколько лет Алонсо Барро мало чем изменился внешне, если не считать более властного выражения на лице, и двух небольших складок, образовавшихся над переносицей; как и то, что рядом с инквизитором нет никого из его слуг или охраны.

Когда официальные приветствия, и славящие Бессмертного Императора и Империум возгласы были завершены, а офицеры, следуя приглашению Барро, заняли места вокруг стола, расположившись на стульях, инквизитор, заняв одно из кресел, начал зачитывать послание, перехваченное его личным псайкером, и астропатами «Драгоценного». Все это время, Гай Тумидус, не отрываясь, смотрел на Барро. Он находил в его знакомых чертах все больше отличий от того Барро, с которым ему довелось встретиться пять лет тому назад. Несмотря на всю свою молодость, теперь он выглядел намного старше своего возраста, словно прошло не пять лет, а двадцать. И без того заостренные черты лица, приобрели теперь более выраженный, хищный оскал. И хотя, взгляд Алонсо Барро с первого знакомства показался Тумидусу лишенным всяческих эмоций, сейчас он казался еще более, ледяным и смертоносным. Более скромная одежда аколита, теперь сменилась на инквизиторские одеяния. Впрочем, вычурности в костюме Алонсо Барро не прибавилось. Роскошь, и затраченные на пошив платья средства угадывались в качестве сукна, оторочке и пуговицах, столь ровно отстающих друг от друга, что их рядам могла бы позавидовать лю-

бая из армий, и, разумеется, в качестве пошива. Но никак не в аляповатой крикливости стиля, каковым иногда страдают аристократы, в том числе, занявшие инквизиторские посты.

Когда Барро закончил цитировать полученное им с Ферро Сильва послание, он внимательно оглядел присутствующих:

– Наш корабль находится в максимальной близости от точки перехода в систему Балок, в которой расположен мир Ферро Сильва. Оказать запрашиваемую помощь, для нас не составит особого труда. Но, перед тем как высказать свое мнение, относительно сложившихся обстоятельств, я хотел бы узнать, что, на этот счет, думаете вы сами.

Собравшиеся офицеры переглянулись. Подобный вопрос, заданный представителем Инквизиции, вполне мог быть провокационным, с целью выявить уровень лояльности у офицеров. Как и вся ситуация могла оказаться на поверку придуманной для этой самой проверки. Первая минута прошла в напряженном молчании, пока первым не заговорил, вставая, полковник Райт.

– Скажу прямо, инквизитор. – Его голос был громким, с едва пробивающейся хрипотцой, но очень приятным для слуха. – Если бы дело касалось крупной войсковой операции, то сил, которые находятся под моим командованием, было бы недостаточно. Батальон укомплектован частично. Из трех рот, полная всего одна. Вторая рота укомплектована не полностью. Третья – чуть более чем на пятьдесят процен-

тов. В дополнение к этому взвод «Адских Гончих» и два «Атланта». Это все, чем мы располагаем на данный момент. Основная часть личного состава, собрана после прохождения лечения в госпиталях Ушбелы. Недобитки, так сказать. Однако я считаю, что этих сил, достаточно, чтобы оказать планетарному губернатору необходимую поддержку. Насколько понятно из сообщения, речь идет о демонстрации силы гражданскому населению и рабочим из бывших осужденных. Моим гвардейцам не помешает размяться, перед тем, как влиться в основные силы.

– Ваша позиция ясна. – Кивнул инквизитор. – Что скажете вы?

Алонсо посмотрел на комиссара Гвинеро.

– Инквизитор, я согласен с полковником. – Без особого рвения в голосе, ответил Карро Гвинеро, поднимаясь со своего места.

Про себя, Барро отметил, что вставая, комиссар старался не перегружать правую ногу, предположив, что тот еще не полностью оправился после недавнего ранения.

– Что ж. – Задумчиво произнес инквизитор и посмотрел на Гая Тумидуса. – А ваше мнение, Лорд-Комиссар.

– Любое дополнительное испытание, для моих кадетов пойдет им только на пользу, инквизитор.

– Что ж, теперь, у вас будет такая возможность: устроить им небольшой экзамен, несколько раньше запланированного.

– С удовольствием воспользуюсь вашим предложением, инквизитор.

– В таком случае, рад всем вам сообщить, что я связался с командованием подсектора, и санкционировал запрос на право реквизировать части Имперской Гвардии для осуществления расследования или выполнения задачи, находящейся в приоритете у Священной Имперской Инквизиции. Капитану корабля «Драгоценный». Предписано после того, как мы покинем его борт, следовать прежним курсом в систему Син, чтобы обеспечить доставку груза, осуществление которого не от него возложено. Так же, я запросил транспортное средство, которое доставит нас в систему Син после того, как мы окажем здесь запрашиваемую помощь. Кроме того, на случай непредвиденной ситуации, мной отправлен запрос, по которому на Ферро Сильва прибудет группа штурмовиков Инквизиции, чтобы оказать необходимую поддержку, как на поверхности, так и с орбиты, если в том возникнет необходимость. Так же, заранее хочу предупредить о возможных затруднениях. – Инквизитор едва заметно улыбнулся. – Из полученного сообщения, следует, что связь на планете затруднена, либо, полностью отсутствует. Попытки моего астропата, равно, как и корабельного, связаться с принимающей стороной на Ферро Сильва не увенчались успехом, поэтому, подробности происходящего, мы получим только на месте, после чего. Скорее всего, мы окажемся отрезанными от внешнего мира, после того, как высадимся на поверх-

ность. Кроме того, вокруг планеты замечено небольшое возмущение варпа, так что, будьте готовы к неожиданностям.

Алонсо Барро выдержал небольшую паузу, после чего продолжил.

– По предварительным подсчетам, силы Имперской гвардии должны прибыть на Ферро Сильва через двадцать пять стандартных суток. Так что, у вас будет достаточно времени, чтобы размяться перед настоящим сражением, и оказать необходимую помощь местному губернатору.

– А вы, господин инквизитор? – Гай Тумидус испытующе посмотрел на Барро.

Тот ответил легким кивком головы:

– Ваша наблюдательность по-прежнему с вами, Лорд-Комиссар. – Октавиан не уловил ни в голосе, ни во внешности инквизитора, ни малейшего изменения, однако был уверен, что тот раздосадован его вопросом. – Я буду занят на Ферро Сильва вопросами не входящими в вашу юрисдикцию. Но не сомневайтесь, мое занятие, как и ваше, послужит благу Империи.

Барро, вновь выдержал паузу, на этот раз, совсем короткую.

– Экипаж корабля, уже, проинформирован мной, относительно нашего дальнейшего курса, и на данный момент занимается всеми необходимыми расчетами. В течение нескольких часов мы покинем варп-пространство. А через двадцать шесть часов прибудем на орбиту Ферро Сильва.

На этих словах, Алонсо Барро резко поднялся с кресла, в котором сидел, своим видом показывая, что разговор окончен:

– Не смею вас более задерживать, господа. – Произнес он, обводя взглядом собравшихся.

– Что вы об этом думаете, Лорд-Комиссар? – Обратился полковник к Гаю Тумидусу, когда дверь, позади них, закрылась.

– Мы служим Императору, там, где это потребуется, полковник.

– Согласен с вами, Лорд-Комиссар. – Август Райт кивнул.

– Из разговора я понял, что инквизитор знал вас раньше, Лорд-Комиссар. – Слегка прихрамывая, к разговаривающим присоединился комиссар Гвинеро. – Вы, действительно, знакомы с ним?

– Немного. – Неохотно ответил Тумидус, и мысленно добавил: – «Пять лет тому назад, Алонсо Барро, был одним из тех, кто меня пытал»

Потом, помолчав немного, произнес:

– Насколько я могу судить по нашему предыдущему общению, он верный слуга Империи.

– Думаю, это лучшая рекомендация, Лорд-Комиссар. – Заметил полковник Райт. – Особенно, если она исходит от такого слуги Империи, как вы.

– Безусловно. – Холодно ответил Гай Тумидус, и, чув-

ствуя, вновь появляющуюся ломоту в костях, поспешил вернуться к себе в каюту.

Он хорошо помнил тот день, когда за ним пришли. Тогда, он все понял в течение нескольких секунд. Однако зная, что, в чем бы его ни обвиняли, ему нечего скрывать, и нечего бояться, спокойно выложил все имеющееся у него оружие, сложил руки за спиной, и вверил себя в руки правосудия, с твердой убежденностью в благоприятный исход. Даже, когда ему сообщили, в чем состоят обвинения и кто их выдвинул, он не утратил ни надежды, ни веры. Два долгих месяца разбирательств и упорных давлений на психику, никоим образом не пошатнули его, и ничуть не повлияли на показания, которые Октавиан повторял раз за разом, со скрупулезной точностью. Так что, в какой-то момент, его обвинители зашли в тупик, и, как водится, перебрав все гуманные методы допроса, перешли на следующий уровень.

И по сей день, Гай Тумидус не был уверен, чем бы окончилось для него разбирательство, если бы не молодой аколит Алонсо Барро, подающий большие надежды в области сканирования мозга, к которому он попал в качестве допрашиваемого. Через трое суток, которые Лорд-комиссар всегда вспоминал с содроганием, юный дознаватель, предложил провести подозреваемому сканирование, высказав предположение, что, хоть данная процедура, крайне, болезненна и может привести к гибели допрашиваемого, она даст наи-

более полный отчет о его действиях и, либо полностью подтвердит все обвинения, либо окончательно их опровергнет. В качестве оператора, аколит Барро предложил свою кандидатуру, уверяя, что легко сможет справиться с поставленной задачей. В конечном счете, его предложение приняли, и тогда, Алонсо Барро всерьез «занялся» Гаем Тумидусом.

Тот день Октавиан помнил смутно. Отчетливо запомнилось, лишь, начало «процедуры». Его привели в чистую, хорошо убранную комнату. В противовес тем камерам, где его допрашивали ранее, здесь не было в полу решеток и углублений для стока крови, как не было и больших, каменных «разделочных» столов с отвратительного вида, глубокими желобами, расходящимися от центра и уходящими по бокам до самого пола. При этом в комнате находился всего один сервитор, к тому же, без разнообразных приспособлений, от одного вида, которых, начиналась ломота в зубах. Сервитор стоял у большой кушетки, снабженной зажимами для рук, ног и головы и покрытой тонкой, едва заметной, металлической сетью.

«Устраивайтесь поудобнее. Нам предстоит много работы». – Сказал тогда, стоящий за его спиной, Барро.

Гай лег на кушетку, показавшуюся ему ледяной, и сервитор начал закреплять на ее поверхности, его тело прочными металлическими зажимами таким образом, чтобы исключить любую возможность, хотя бы малейшего движения. Когда последний зажим был закреплен, и Октавиан оказался

надежно зафиксированным, сервитор откатился в угол комнаты, а его место у кушетки занял Алонсо Барро.

«Это будет долгий день» – Мелодично произнес он, поворачивая какой-то рубильник, и на этом, ясные воспоминания Гая Тумидуса заканчивались.

Все остальное, оставалось для Лорда-Комиссара, как в тумане, по сей день. И, не смотря на то, что он регулярно предпринимал попытки восстановить в памяти данные события, все они заканчивались лишь сильнейшими головными болями, да ломотой во всех костях, от которой не помогали даже сильнодействующие обезболивающие, какие только были у Октавиана в наличии.

Тот день получился, как и предсказывал Барро, одним из самых длинных в жизни Гая Тумидуса. Воспоминания, из тех, что у него остались с тех пор, были отрывочными, и каждое было связано с новой гранью боли. Столь сильной, что даже одно только воспоминание о ней, каждый раз становилось тяжелым испытанием. Но, как бы то ни было, в тот долгий день, Гай Тумидус успел сделать три вещи: осознать, что он, еще, не разучился плакать, полностью обелить себя в глазах Священной Инквизиции, и впасть на четверо суток в кому.

Когда к нему вернулось сознание, (память о последних месяцах, восстановилась лишь по прошествии нескольких лет, и до сих пор, Октавиан не был уверен, что этот процесс завершен полностью), первым его посетителем, оказался все

тот же Алонсо Барро. Как ни в чем, ни бывало, бывший аколлит, а ныне полноправный инквизитор, поздравил Гая Тумидуса с окончанием судебного разбирательства, сообщил, что с того сняты все обвинения, и поблагодарил за оказанное следствию, содействие. На этом, Алонсо Барро попрощался с Октавианом, пожелав тому скорейшего выздоровления и возврата к службе, на благо Империи, ни единым словом не упомянув того, по чьему обвинению Тумидус был арестован и что с этим человеком случилось. И только через несколько месяцев, будущий Лорд-Комиссар узнал, что Аиаким Селтус, его друг детства, еще со времен Схолы Прогениум, был казнен за ересь, попытку дискредитировать в глазах Святой Инквизиции верного слугу Империи и богохульство на Святой Трон Терры.

Последний пункт, был присовокуплен к предыдущим обвинениям, после недели упорных допросов.

6.666.991.М38

ОКРЕСТНОСТИ НЕМОРИСА. ПОЛТОРА ДНЯ ДО ВЫСАДКИ

Он пытался сопротивляться, когда большие, сильные лапы схватили его и кинули вперед, в размытое кружево, пульсирующей воронки. За те несколько секунд полета, что ему пришлось пережить, он, толком, не успел испугаться, и теперь, озадаченно озирался, глядя на мерцающую зеленую рожу, скалившуюся на него от воронки, с другой стороны. Не дожидаясь, что будет дальше, он поспешил скрыться в ближайших зарослях. Уже, почти, спрятавшись среди высоких деревьев, краем глаза, он заметил чьи-то фигуры, стоящие неподалеку. С виду, они походили на «ума», что было, конечно, само по себе не плохо. В конечном счете, любопытство гретчина оказалось столь велико, что он, осторожно, подобрался к фигурам поближе. Однако, не ближе, чтобы победившее в схватке с осторожностью, любопытство, вступило в конфликт с инстинктом самосохранения.

Да, это, действительно, были «ума». Почему-то они выглядели слабыми и больными, что внутренне немного насторожило гретчина. «Ума» выглядели не аппетитно, и от них вряд ли можно было ожидать хорошей «дакки». «Ума» было

пятеро. Они стояли перед кругом со странными знаками, начерченными внутри, и монотонно что-то распевали. Потом «ума» еще некоторое время стояли, молча, пока один из них, самый тощий, не похожий на жожака, не заговорил. Гретчин не понимал, что говорил «ума», но по его виду и интонации голоса, догадался, что тот чем-то остался недоволен. Другой «ума» ответил первому, и в его голосе послышалось раздражение и злость. Остальные трое «ума» молчали, пока первые два спорили. Однако спор этот так и не перерос в полноценное выяснение правоты, когда в ход идут кулаки или оружие. В конечном счете, так и не разобравшись между собой, когда проспорившая сторона расплачивается зубами и кровью, все «ума» развернулись и зашагали прочь.

Гретчин поскреб свой лоб, и, решив, что сможет, держась от «ума» на расстоянии, проследить за ними. Он направился по их следам, то и дело воровато озираясь, и всегда готовый задать стрекоча.

Они добрались до стойбища «ума» к ночи. Стойбище показалось ему довольно большим. Глядя на плотно застроенное стойбище, гретчин рыгнул от удовольствия, и тут же вспомнил, что не ел с утра. Данный факт его серьезно опечалил. Гретчин задумался и пришел к выводу, что, надо бы, что-то поймать и схарчить. Увлеченный своими поисками, но, так и не встретив ничего, что могло бы согдиться для ужина, он сам не заметил, как вернулся к исходной точке своего путешествия. Обнаружив там своих сородичей, он ни

сколечко не удивился, а скорее обрадовался. Перспектива, идти одному, в стойбище «ума», казалась ему неприглядной и глупой затеей, но теперь их было много. Очень много. Гретчин поскреб лапой светло-зеленое пузо, из которого доносилось жалобное урчание. Глядя на то, как из мерцающего марева воронки, вылезает все больше и больше орков, он, даже, подумал, что «ума» может и не хватить на всех. Но потом он себя успокоил. Вряд ли, здесь только одно стойбище «ума». Наверняка есть и другие. Они найдут их и тогда... Гретчин почувствовал, как во рту скапливается горькая слюна. Тогда «ума», точно, хватит на всех.

6.670.991.M38

/Расчетное время до прибытия основных сил 554 часа/

РЭКУМ. ДЕНЬ 1

Хильдегад Витинари сдержанно прошла из угла в угол большой залы. Последние штрихи в ее облике, которые могли выдать внутреннюю неуверенность были устранены. Следы бессонных ночей, беспокойства и депрессии, которая сопровождала губернатору на протяжении последнего полугодия, были глубоко и надежно спрятаны под маской величия, что перешла к юной Хильдегад от ее покойного отца вместе с должностью, привилегиями и обязанностями губернатора рудо-добывающего мира Ферро Сильва. Под этой же маской, Витинари скрыла и радость от того, что ее, в буквальном смысле крик в пустоту, услышан, и что поддержка в лице сил Имперской Гвардии и представителя Ордо Еретикус пришла столь быстро.

В какой-то момент, Хильдегад усомнилась в правильности того, что вообще отправила сигнал SOS, и что ее панические настроения всего лишь следствие все углубляющегося подавленного состояния, не отпускаявшего ее на протяжении уже долгих месяцев. Однако Витинари успокоила себя тем, что, в конечном счете, прямая обязанность Импер-

ской Гвардии защищать бесконечные миры Империи, как от угроз внешних, так и внутренних. Что же касается присутствия самого инквизитора, то губернатор напомнила себе, что в своем послании не просила вмешательства и помощи Святой Имперской Инквизиции, следовательно, и не вводила ее представителя в заблуждение, относительно серьезности той проблемы, которая по ее мнению нависла над Ферро Сильва, и его решение прибыть на рудный мир, является следствием только его желания. Хотя, признаться, когда Хильдегад Витинари увидела, входящего в приемную залу инквизитора, ее сомнения, относительно отправленного ею сигнала о помощи, вспыхнули с новой силой.

По мнению Алонсо Барро, тот прием, что устроила им губернатор, получился скромным, и свелся к ознакомлению с местными, геофизическими особенностями планеты и причинами, которые вынудили Хильдегад послать через астропата призыв о помощи.

Из пояснений Витинари следовало, что разработки клатрата, весьма ценного минерала, некогда активно ведомые на планете, теперь, были почти полностью остановлены, все рабочие эвакуированы, производства вывезены, а на Ферро Сильва осталось только два поселения, причем, довольно далеко отстоящих друг от друга. Неморис, так называлось второе поселение, изначально, так же планировалось закрыть и эвакуировать, поскольку залежи клатрата, пролега-

ющие в его окрестностях, истощились, почти, до нуля. Но, расположенная поблизости станция связи, изменила заданные приоритеты, и Неморис, в отличие от прочих поселений, оставили доживать свои дни, сократив, правда, численность проживающих в нем рабочих, до возможного минимума. Оставшимся там бедолагам была обещана скорая эвакуация, как только, из Рэкума будет отправлен последний рейс с кристаллическим газом, подлежащего вывозу из запасников, раскинувшихся под Рэкумом огромным резервуаром. Данные резервуар был результатом самой первой разработки клатрата, стены которого были укреплены, а сам резервуар был приспособлен под огромный бассейн, куда свозился весь газ, добытый на Ферро Сильва. Учитывая все обстоятельства, последний рейс, который бы вывез остатки кристаллического газа, который как раз, к тому времени должны были подготовить к транспортировке, планировался не позднее конца текущего года. А до тех пор, Неморис должен был обеспечивать связь на планете, поддерживая станцию в рабочем состоянии, и продолжать выжимать остатки клатрата из последней рабочей шахты, расположенной на самом краю поселения. В самом Рэкуме, снизив мощности перерабатывающего завода, продолжалась обработка кристаллического газа; как поступающего из Немориса, так и того, что уже был доставлен в Рэкум ранее, и до которого только сейчас дошла очередь к переработке перед отправкой.

Оба поселения, и Неморис, и Рэкум, выходили на связь

друг с другом, крайне редко, каждый, занимаясь своими делами, по сути, брошенные Империем на произвол судьбы. Общение между поселениями происходило не чаще одного, раза в неделю, а то, и реже. Кроме того, бывали случаи, когда вмешивался, по выражению губернатора, «человеческий фактор». Так что, когда Неморис, в очередной раз, не вышел на связь, губернатор не усмотрела в этом ничего странного или не обычного. В этом месте, инквизитор отметил про себя, как низко пал уровень дисциплины в обоих поселениях, и решил, что лично проследит за тем, чтобы все виновные в халатности и не исполнении своих непосредственных обязанностей, были наказаны со всей строгостью Имперского закона. Размышляя об этом, Алонсо Барро пришел к выводу, что и сама губернатор, насколько бы милой и приятной в общении, она ни была, так же, должна понести ответственность за расхлябанность и беспечность, в которой погрязла эта крохотная планета.

«Миленькая, – почему-то с грустью, подумал инквизитор, глядя на, еще по-детски, припухлые щечки Хильдегад, – даже, можно сказать, хорошенькая. На редкость очаровательный цветок, для такого захолустья». И в его голове, тут же, родилась пара идей, как бы он мог, лично, наказать незадачливого губернатора. Однако Алонсо Барро довольно быстро отогнал подобные мысли, как не достойные представителя Имперской Инквизиции, взяв на заметку, разве что одну, исключительно оригинальную, из посетивших его идей.

Помимо прочего, от пристального взора инквизитора не ускользнул тот факт, что Лорд-комиссар на протяжении всего приема не смотрел в его сторону, избегая встречаться с ним взглядом, и, предпочитая, так же, как и сам Алонсо, больше внимания уделять Витинари и ее пояснениям. Что, впрочем, не мешало предположить по его поведению и тем вопросам, что Гай Тумидус адресовал губернатору, что и у него в голове, так же, как у Барро, складывалось определенное представление, относительно возможности применения к молоденькой Хильдегад, разнообразных, дисциплинарных взысканий.

Когда, наконец, губернатор закончила пояснять текущую ситуацию, к ней обратился полковник Райт.

– Скажите, губернатор, – озвучил он, возникший у всех присутствующих, вопрос, – что заставило вас предположить возникновение бунта в Неморисе?

При этом вопросе, все присутствующие обратили свои взгляды на Хильдегад Витинари, отчего не ее щечках, неожиданно, вспыхнул румянец.

– Но как же? – Она на минуту замолчала, собираясь с мыслями. – Что еще могло произойти, если не бунт и выход из-под контроля всех этих преступников?

Услышав этот, простой и незамысловатый ответ, на лицах офицеров появилось задумчивое выражение, словно каждый начал, тут же, придумывать возможные варианты, причем, по тому, как серьезнели и хмурились их лица, варианты бы-

ли, один красочнее другого.

– Ну, тут ведь, как. – Наконец, многозначительно произнес полковник Райт, вспомнив присказку (не раз слышимую им от собственных солдат) о том, что, произойти может все, что угодно, кроме того, что угодно Императору.

– Вы можете относиться к моим опасениям, как угодно, – Хильдегад Витинари чуть понизила голос, отчего тот стал казаться более внушительным, – но я, действительно, опасюсь, что, произошло нечто не хорошее. Мы здесь, как в ловушке. Вокс-связь не работает, Неморис молчит. После того, как большая часть производства была вывезена с планеты, у нас не осталось, даже, наземного транспорта. К тому же, мой астропат говорит, что он перестал слышать.

Хильдегад Витинари замолчала, и тяжело вздохнув, продолжила еще тише:

– Вы единственные, кто его услышал.

– Губернатор, как давно, ваш астропат послал сигнал о помощи? – Обратился к Витинари Алонсо Барро.

– Пять дней назад.

– И за это время, ни кто не вышел с ним на связь?

– Нет. – Хильдегад Витинари покачала головой. – И это, очень меня беспокоит. Мы оказались отрезаны от всего мира.

– Губернатор, – вступил в разговор начштаба подполковник Кнауф, высокий мужчина средних лет, с начинающими седеть, висками, – не думаю, что положение вещей, столь уж,

мрачно.

– Наши гвардейцы мигом восстановят порядок, если он нарушен, и устранят поломку, если все дело в ней. А мне кажется, – добавил он, стремясь придать своему голосу, как можно более успокаивающее звучание, – именно это и произошло.

– Вы думаете, станция вышла из строя? – С сомнением произнесла губернатор.

– Предположительно, да. – Ответил за Кнауфа полковник Райт. – Ваши опасения, как человека не военного, попавшего в нештатную ситуацию, я могу понять, но не разделить.

Услышав объяснение, Хильдегад Витинари признательно посмотрела на полковника, и улыбнулась, после чего, беседа потекла еще более непринужденно, и к концу вечера, все сошлись на мысли, что причиной, повлекшей за собой молчание Немориса, стала поломка на станции связи, и устранение ее, не займет много времени. Уточнив, насколько далеко Неморис отстоит от Рэкума, было решено отправить туда утром третью роту капитана Роглева. Предполагалось, что дорога до Немориса займет около XX часов, что позволит, при удачном стечении обстоятельств и незначительной, легко устранимой поломке, наладить связь, самое позднее, к началу следующих суток.

Слушая дальнейший разговор, все больше выходящий за рамки официального, инквизитор Алонсо Барро, задавался вопросом, не допустил ли он ошибку, запросив военной

поддержки на Ферро Сильва. Но, взвесив все обстоятельства, решил, что это, все же наилучшее решение, поскольку, сконцентрировав внимание на всеми забытой, планете, он, скорее всего, добьется того, что умирающие шахты будут закрыты, оставшиеся ценности вывезены, а люди эвакуированы туда, где их труд будет более полезен для Империума.

«К тому же, – размышлял инквизитор, – все эти стройные, логичные объяснения, высказанные сегодня, не отвечают на вопрос, почему планета, вдруг, оказалась закрытой для астропатических сообщений». Что же касается последнего утверждения, то в этом Алонсо Барро был уверен на сто процентов. Едва они спустились на планету, он дал приказ двум своим псайкерам держать канал связи открытым, и немедленно сообщить, если только они услышат чье-то сообщение, или если, хоть кто-то услышит их. Но, ни в этот вечер, ни ночью, ни, даже, утром, когда с первыми лучами солнца, из Рэкума, в сторону Немориса, выдвинулось пять Химер, псайкеры не обнаружили никого. Эфир, по-прежнему, был пуст и глух, не неся в себе ни малейшего намека, на чье либо присутствие.

МЕЖДУ РЭКУМОМ И НЕМОРИСОМ. ДЕНЬ 2

Дорога, если так можно было назвать то истерзанное неровностями и выбоинами полотно, по которому они еха-

ли, петляла среди высоких остролистных деревьев. Движение ее узкого, извивающегося, тела, не поддавалось никакой логике, причем настолько, что, в нескольких местах, она пересекала сама себя. Несколько начинающиеся ответвления уходили в сторону. И заканчивались тупиком, упираясь в мощные стволы деревьев или земляную насыпь, где камни перемежались с твердыми кусками почвы, образуя уродливую пародию на застывшие в изваянии волны, какие бывают на морях водных миров. Капитан Роглев, предупрежденный о том, что начавшиеся ветви дорог, могут закончиться в самый неподходящий момент непроходимым тупиком, всячески игнорировал любые ответвления от основной дороги, и придерживался официально проложенного маршрута, и не поддавался искушению сократить путь, даже там, где это было возможно.

Некогда, покрывавший дорогу рокрит раскололся, и теперь походил на безобразную мозаику, со множеством отсутствующих частей. Так что, дорога вся была в ямах и рывинах, и гусеницы Химер сейчас только довершали начатое до них, перемалывая под собой то, что еще не было разрушено и сломано.

Сидя в командирской «Химере», то и дело, бросая косые взгляды на двух кадет-комиссаров, что были отправлены с его ротой в Неморис, капитан Роглев, в общем, пребывал не в лучшем настроении. Отчасти этому поспособствовала дорога, на которой Химеры трясло больше обычного, отче-

го Сол Роглев несколько раз, особенно сильно приложился обо что-то головой, отчасти тот факт, что едва они покинули пределы Рэкума, вокс-связь перестала работать, и все их многочисленные попытки, устранить данную неисправность не возымели успеха. Находившиеся рядом кадет-комиссары, своим молчанием и каменным выражением на лицах, так же, не добавляли повода для радости или приподнятого настроения. А когда у Сола разыгралась изжога, то он и вовсе едва сдержался, чтобы не помянуть «добрым словом» всех Свя-тых Императора и варпово семья; и только непосредственная близость, сразу аж, двух комиссаров, заставила его промолчать.

Так что, когда, приблизительно, на середине пути, одна из Химер встала, как вкопанная, перестав подавать признаки жизни, капитан, не удивился, а только с горечью подумал, что верно говорят: уж если перестает везти, то сразу и во всем.

Роглев постучал по вокс-бусине, убедился, что связи, как не было, так и нет, и, высунувшись из люка, сделал размашистый знак рукой, приказывая колонне остановиться.

– Полчаса привал! – Скомандовал он, вылезая на броню, и спрыгивая оттуда на потрескавшееся рокритовое покрытие. – Второе отделение – охранение по периметру!

– Что с «Красавчиком»? – Капитан подошел к замершей бронемашине.

– Нервничает, капитан. – Ответил, уже выбравшийся,

к этому времени из брюха «Химеры» Ким, и широко улыбнулся. – Сейчас разберемся.

– Отставить шуточки. – Капитан строго посмотрел на командира отделения. – У тебя двадцать минут, чтобы все исправить.

– Есть, капитан. – Бодро ответил Ким, и обернулся к экипажу. Гвардейцы, выбравшиеся из душной кабины, и, полной грудью вдыхавшие влажный воздух пасмурного дня, посмотрели на сержанта. – Бойцы! – Возвестил сержант отделения. – Задача поставлена! Если через девятнадцать минут «Красавчик» не начнет двигаться самостоятельно, то, через двадцать, мы понесем его на вытянутых руках. Это ясно?

– Так точно, сержант. – Рывкнули гвардейцы, и тут же принялись искать возможную причину остановки боевой машины.

Тем временем, оба кадет-комиссара, успевшие присоединиться к лейтенанту, теперь молчаливо следили за тем, как будет развиваться ситуация. Они вопросительно переглянулись между собой, и, не сговариваясь, посмотрели на часы.

Роглев заметив это движение, ничего не сказал. Он, лишь, обреченно вздохнув, пошел прочь, оставляя Кима разбираться с поломкой, моля про себя Бога- Императора, чтобы тот проявил Свою Милость, и чтобы поломка «Химеры» оказавшись незначительной, поддалась починке в полевых условиях. Когда, через восемнадцать минут, боевая машина взревела, и голос мотора прозвучал чисто, словно «Хи-

мера», только что сошла с конвейера, Сол Роглев сложил на груди аквилу, и, вознеся Бессмертному Пастырю человечества короткую благодарственную молитву, мысленно пообещал посетить Храм Императора при первой же возможности. Не ушел от его внимания и тот факт, как кадет-комиссары, вновь, переглянулись, на этот раз, уже одобрительно. И, вскоре колонна тронулась вперед, тарактя двигателями, продолжив в конец разбивать гусеницами рокритовое полотно дороги на Неморис.

«Химеры» следовали одна за другой, интенсивно наращивая темп. Большинство гвардейцев, в подобной ситуации, предпочло бы передвигаться на броне, а не трястись в тесных и душных утробах бронемашин, однако, еще накануне вечером, полковник Райт предупредил, что к их батальону прикомандирован отряд кадет-комиссаров. Он поздравил всех с «выпавшей, на их долю, честью» и пожелал удачи. После чего, созвал всех капитанов и лейтенантов на небольшой командный инструктаж, с которого последние вернулись хмурыми и озадаченными. Капитан Роглев, на роту которого, было возложено, по прибытии в Неморис, установить причины, повлекшие потерю связи и сделать все возможное для их устранения, так же, участвовал в командной планерке. Придя с нее, он собрал всех своих подчиненных, от взводных до рядовых, и коротко заявил, что «расслабон, выебон и декупаж окончены». Правда, у большинства гвардейцев

последнее определение вызвало замешательство, в то время как меньшинство, и вовсе, приняло его за витиеватое аристократическое ругательство. Тем ни менее, на вопрос, всем ли все понятно, и те и другие, бодро ответили «Так точно», правильно уловив сам концепт.

Мотор «Красавчика», все еще двигавшегося замыкающим, ритмично урчал, однако, Уэбб, сидящий за штурвалом, продолжал хмуриться. Когда он, в очередной раз, прислушавшись к мерному рокотанию двигателя, покачал головой, Ким настороженно поинтересовался:

– Что-то не так?

– Не пойму. – В голосе Уэбба зазвучало сомнение. – Вроде, все то, а ощущение такое... как будто что-то неправильно. Странно, как-то.

Юджин, стрелок-ветеран, единственный выживший из всего предыдущего экипажа, косо посмотрел на молодого водителя:

– Ага. Самое время, сейчас, поговорить о странном. У нас, как раз, появилась парочка новых комиссаров.

– Не комиссаров, а кадетов. – Поправил его Уэбб. – Ты нашивки их видел?

Уэбб ни как не мог привыкнуть к ворчанию Юджина, и с удовольствием поправлял его, если только, ему выпадала подобная возможность.

– Видел. А ты в курсе, что в случае чего, их полномочий,

на твою, персонально, задницу, может оказаться больше, чем предостаточно. И пойдешь ты...

– Так, – прервал его Ким, – отставить подобные разговоры. А то, не приведи Император, и вправду, накличете. У всех, тогда, жопы болеть будут.

– Так, что с «Красавчиком»? – Повторил свой вопрос Ким, чуть понизив голос, насколько это позволял шум работающего двигателя.

Но, Уэбб только покачал головой, так ничего и, не ответив, а через пятьдесят семь минут, «Красавчик» громко чихнул, и встал намертво с заглохшим мотором.

Выбравшись их «Красавчика», сержант Ким увидел одного из кадет-комиссаров, шагавшего, в их сторону от головы колонны, которая продолжала двигаться по тому, что осталось от дороги, в сторону Немориса. Подойдя, кадет-комиссар остановился перед самым носом боевой машины, и принялся изучающе вглядываться в лица гвардейцев, выгружающихся из брюха «Химеры» и строящихся в линию. Быстрым шагом Ким подошел к нему и отдал честь.

– Кадет-комиссар, разрешите доложить. – Обратился он.

– Докладывайте, сержант.

– Транспортное средство №1788/534 заглохло. В данный момент экипаж ищет причины неисправности для дальнейшего их устранения. Командир экипажа Савелиус Ким.

Высокий, худощавый кадет посмотрел на приземистого сержанта сверху вниз:

– Поторопитесь с ремонтом. У нас приказ: устранить неполадку и самостоятельно прибыть в Неморис.

– Так точно, кадет-комиссар. – Ким отсалютовал и поспешил присоединиться к остальному экипажу, уже начавшему искать причину поломки.

Кадет-комиссар обернулся к построившимся гвардейцам, приданным к борту в качестве десанта:

– Те, кто разбирается в технике и может быть полезен при починке – шаг вперед!

Из строя вышли два гвардейца.

– Вы, двое – присоединиться к ремонтным работам. Как только обнаружите, в чем неисправность – сразу, доложить. Остальные! Рассредоточится по периметру и вести наблюдение! Не расслабляться!

Получив от гвардейцев короткие подтверждения получения приказа, Джонас перевел взгляд вверх, где в пробе-ле между высокими пиками леса белесым бельмом нависало небо. По его невзрачной поверхности медленно тяну-лись всклокоченные облака, грязно серого цвета. Светило, столь радушно показывавшее себя в день их высадки на Фер-ро Сильва, теперь скрылось, и было едва различимо через толщу безрадостных, туманных облаков, затянувших небо от края и до края, покуда хватало глаз. В воздухе витал при-вкус сырости и прохлады, и тягостного ощущения надвига-ющейся бури. Неприятная, тревожная тишина окутала ка-дет-комиссара, и он еще раз обозрел окрестности, словно

стремился найти источник возникшего беспокойства. Однако в окружавшем его пейзаже не было ничего, что могло бы дать какой либо намек, на причину нарастающего в душе чувства тревоги. Бойцы, заняв боевые позиции по периметру, зорко следили за подступами к занимаемой их отделением, местности. Экипаж «Красавчика» и два добровольца из рядовых гвардейцев, прилагали усилия к возвращению боевой машины в строй. И все же...

– Странное ощущение. – Произнес едва слышно Кимдэк. – Как будто, что-то не так.

Если бы в эту минуту, кадет-комиссара Джонаса Кимдэка, услышал водитель «Химеры» №1788/534, Уэбб Торрингтон, он бы, несомненно, с ним согласился. Но Уэбб был далеко и не слышал. Он лишь ощутил, что невнятное чувство тревоги, поселившееся в нем сегодня, с самого утра, усиливается. Особенно, когда он, наконец, осознал, почему остановился «Красавчик», и что починке это не поддается.

По мере приближения к Неморису, лес все сильнее наступал на дорогу, делая ее все уже, словно хотел полностью отвоевать ее у людей. Деревья, растущие у самого края дорожного полотна, вгрызлись своими могучими корнями в изломанный рокрит, желая вырвать из его каменной плоти еще больше кусков. Их длинные, многочисленные ветви, усыпанные узкими, удлинненными листьями, миртового цвета, походившими на заостренные наконечники пик, уходили высоко

вверх, закрывая собой мрачное серое небо, оставляя лишь узкую его полоску.

Под привычную тряску, и сопровождающий ее бесконечный гул двигателей, глядя в монитор, на котором желтыми точками обозначалась растянувшаяся колонна двигающихся машин, Сол невольно подумал, что не далек тот день, когда молчаливая и терпеливая, зеленая армия Ферро Сильва, окончательно разрушит эту дорогу.

«Но вечен, лишь Бог-Император». – Напомнил себе капитан.

Резкий толчок заставил Сола подпрыгнуть, обрывая мысль и возвращая из меланхоличной задумчивости в реальность. Если б не окружавшие их, со всех сторон, высокие стволы, уходящие к серому, с фиолетовыми прожилками, небу, Неморис был бы, уже, виден. Роглев нахмурился и посмотрел на хронометр. Час сорок три минуты, прошло с тех пор, как они оставили «Красавчик» позади. Становилось очевидным, что отставший экипаж, не успеет нагнать основные силы, до их прибытия в Неморис, на что, в глубине души, Сол очень надеялся. Капитан попробовал активировать бусину вокс-связи, но в эфире по-прежнему царила гробовая тишина. Связи не было.

«Видимо, что-то серьезное» – подумал Сол, сам не до конца осознавая, к чему, больше, относится его мысль, к отсутствию связи или к поломке машины.

В задумчивости, он посмотрел на сопровождающего его

кадет-комиссара. Тот сидел по правую сторону, очевидно, поглощенный собственными мыслями. Среднего роста, с округлым, почти мальчишеским, лицом, и рыжими, слегка топорщащимися, волосами, он напомнил лейтенанту самого себя, многими годами раньше.

«Почти мальчик» – Подумал Сол, но, тут же покачал головой.

Этот «мальчик», имел предостаточно полномочий. И, не так важно, что пока его опоясывает не красный кушак, символ полноправного комиссара, а черный, кадетский.

«Для нас особой разницы нет» – Сол вспомнил, как стал свидетелем тому, как много лет тому назад, когда он сам только получил нашивки сержанта, приданный их роте кадет-комиссар казнил одного из гвардейцев. *

– Повтори. – Кимдэку потребовалось усилие, чтобы не выказать своего удивления от услышанного.

Уэбб вздохнул, понимая, как сейчас должна выглядеть ситуация для комиссара, и повторил, ранее сказанную фразу:

– Машина полностью исправна, кадет-комиссар. «Красавчик» просто не хочет ехать.

На секунду воцарилось молчание. В это мгновение, Уэбб, почти ощутил неприятный холод ствола у своего затылка и, решив, что самое время объясниться, быстро заговорил вновь:

– Понимаете, это все Машинный Дух. «Красавчик» –

очень странная Химера. Три года назад, в одном из боев, его раскурочило так, что восстановлению, он не подлежал. Его предыдущий водитель, чудом выживший в том сражении, был знаком с одним из шестеренок... Виноват. – Уэбб нервно сглотнул подкативший к горлу ком. – С полковым технопровидцем. И упросил его, уж не знаю как... Короче, восстановить «Красавчика», прям таки по кусочкам. Можно сказать из полного хлама.

Уэбб замолчал, переводя дух, не спуская, при этом, глаз с кадет-комиссара, который продолжал смотреть на него в упор, и, не мигая от напряжения, продолжил.

– В общем, машину починили спустя полгода. Но, за три дня до этого, бывший водитель «Красавчика» погиб. Сгорел в танке. В другом. Но, машину-то, все равно, починили. Набрали новый экипаж. Кадет-комиссар, я управляю «Красавчиком» уже полтора с лишним года, и могу точно сказать одно: с самого первого дня, как я сел за его штурвал и вплоть до сегодняшнего, Красавчик ни разу не ломался. По крайней мере, в привычном понимании этого слова.

– Поясни. – Ровный, без тени эмоций, голос Кимдэка, заставил Торрингтона резко моргнуть.

«Ну, этот, хоть, выслушает меня, прежде чем застрелить». – Про себя подумал Уэбб, а вслух ответил:

– Кадет-комиссар, было несколько случаев, когда «Красавчик» нам, буквально, жизнь спасал.

– Подробнее. – Голос Кимдэка был все так же спокоен

и суров.

– Однажды, «Красавчик» остановился, прямо перед минным полем. Сообщение, что дальше дорога заминирована, и надо двигаться в объезд, мы получили через десять минут, пока пытались разобраться, почему машина не встала. Несколько раз, у него падала скорость, прямо, перед арт-обстрелом. И это спасало нам жизнь. В общем, чтобы там технопровидцы с ним не учинили, но Дух Машины, который живет в «Красавчике», он, он... – Уэбб развел руками, не зная, что сказать дальше.

– И ты считаешь, что Дух Машины, хочет нас о чем-то предупредить? – Медленно произнес кадет-комиссар, закладывая руки за спину, и чуть покачиваясь на носках.

– Так точно, кадет-комиссар. – Уэбб вытянулся по стойке смирно, на всякий случай, читая про себя литанию Императору о прощении грехов перед близкой смертью.

На лице Кимдэка отобразилось задумчивое выражение. В его чуть прищурившихся глазах заиграло любопытство, а сам он, медленно обошел водителя химеры, словно хотел осмотреть того со всех сторон. Уэбб покорно закрыл глаза, и открыл их только тогда, когда понял, что кадет-комиссар вернулся на прежнее место, и снова смотрит ему в лицо.

– Что ж, пойдем, посмотрим, что с этой «Химерой» не так. – Кимдэк снял перчатки, и потер ладони. – Я немного разбираюсь в технике и, думаю, смогу определить, исправна машина или нет.

Густонаселенный участок леса, наконец, закончился, и дорога начала расширяться, оставляя «узкое горлышко» позади. Деревья теперь отступали далеко от рокритового полотна дороги, оставляя перед собой буфер из неровной бугристой земли, покрытой проплешинами посеревшей от пыли, болезненного, грязного цвета, низкорослой травы.

Капитан Роглев посмотрел на дисплей, где зеленые ромбы «Химер» двигались по пунктирной линии, обозначающей маршрут. До Немориса оставалось совсем немного.

«И связи нет» – Обреченно подумал Сол, продолжая смотреть на монитор.

Там, один из ромбов вырвался заметно, вперед, оставляя остальные ромбы у себя за спиной.

«Барри!» – Нахмурился про себя Роглев, глядя, как борт №696/3, возглавляющий колонну, устремился вперед, продолжая развивать скорость, все больше увеличивая дистанцию между собой и остальными «Химерами».

«Может, чуть замедлиться, чтобы у ребят было больше шансов нас нагнать» – Подумал капитан, бросая косой взгляд на сидящего рядом, кадет-комиссара. Было сложно предположить, как тот отнесется к подобному приказу в сложившейся ситуации, и, Роглев уже собирался обратиться к будущему комиссару с вопросом, когда бросив взгляд на дисплей, увидел, что Барри остановился.

«Да что...». – У Сола еще не успела окончательно сфор-

мироваться мысль, когда слух резанула очередь из тяжелого стаббера.

Звук, который, если хоть раз слышал, никогда не забудешь и, ни с чем на свете, не спутаешь.

Рефлексы капитана включились молниеносно.

– Машина, к бою! Главное орудие развернуть! Десант, высадиться! – Успел крикнуть Роглев, перед тем, как его голос полностью потонул в грохоте прогремевшего впереди взрыва.

– Что-нибудь нашли, кадет-комиссар? – Осторожно поинтересовался Ким, заглядывая Кимдэку через плечо.

– Ничего. – Джонас отряхнул руки. – И связи нет.

Он нахмурился, принимая решение.

– Отделение! Стройся! – Громко выкрикнул он.

– Слушай мою команду! – Кадет-комиссар окинул быстрым взглядом выстроившихся перед ним гвардейцев.

– Ты, ты и ты, – Джонас указал на троих солдат, – останетесь здесь, охранять бронемашину. Остальным, приготовиться к марш-броску. Задача не поменялась: мы идем к Неморису. Готовность пять минут.

Кимдэк достал инфопланшет и вывел на дисплей карту местности, определяя оптимальный маршрут. Пока он занимался вычислениями, к нему подошел сержант Ким.

– Разрешите обратиться, кадет-комиссар.

На мгновение, Кимдэк оторвал взгляд от инфопланшета,

вопросительно взглянув на сержанта:

– Обращайтесь.

– Я слышал ваш разговор с Уэббом, кадет-комиссар.

– И? – Бросил Джонас, уже не глядя на собеседника, и не отрываясь от изучения карты.

– Все, что он вам сказал – правда, кадет-комиссар. – С легкой неуверенностью в голосе произнес Ким. – Наверное, мне надо было обратиться с этим вопросом, к техножрецам, еще раньше.

– Да, вам следовало поступить именно так, сержант. – Перебил его Кимдэк, отрываясь от инфопланшета. – Мы вернемся к данному вопросу позже, а пока, первоочередная задача: добраться до Немориса, доложить о случившемся, и вызвать «Атлант», для транспортировки неисправного борта №1788/534 обратно в Рэкум. Вам все ясно, сержант?

– Так точно, кадет-комиссар. Предельно.

– Подождите. – Остановил сержанта Кимдэк, когда тот собрался уходить, понизив голос, так, чтобы их не могли слышать остальные. – Я понимаю вашу заботу о своем человеке, сержант, но лучшее, что вы можете сделать, сказать ему, чтобы держался «на глазах». Чтобы у меня не было оснований, подозревать его, в чем-либо.

– Так точно. – Так же тихо, ответил Ким.

– И сам далеко не отходи. – Добавил кадет-комиссар.

Ким понимающе опустил голову, и, отдав коротко честь, направился к Уэббу, стоящему неподалеку. Он что-то ти-

хо сказал молодому водителю, от чего тот сначала посмотрел на командира, а потом перевел встревоженный взгляд на кадет-комиссара. Но Кимдек уже развернулся в противоположную сторону, отдавая приказ одному из гвардейцев. Уткнувшись взглядом в синее сукно кадетской шинели, Уэбб Торрингтон склонил голову, тяжело при этом, вздохнув. А через минуту послышался приказ к выдвижению в Неморис.

Стрелок, до отказа, вдавил гашетку огнемета, и, поток огня окатил ряды наступающих орков, расчищая пространство вокруг Химеры. По округе разнесся рев, охваченных пламенем, ксеносов. Через откинувшуюся заднюю аппарель гвардейцы спешно покидали десантный отсек, тут же вступая в бой с зеленокожими.

Кальяс Рэмм выставив мощность своего лаз пистолета на максимальное значение, стрелял по нахлынувшим из-за деревьев, оркам. Он израсходовал более половины заряда батареи, когда резкий звук справа заставил его повернуться. Рэмм успел отследить, как огромный орк вскинул на плечо лаунчер, и выстрелил. Все дальнейшее, произошло со скоростью порыва ветра...

Правый борт «Химеры», с установленной на нем аппарелью, вспыхнул белым огнем термического заряда «Щит», но направленная фугасная струя уже прожгла пластину в броне, и головка кумулятивной ракеты, влетев в салон сде-

танировала. В поистине адском пламени, стационарные емкости огнемета продержались не более секунды, и, струи зеленоватого огня рванули во все стороны, выламывая панели обшивки изнутри. А еще, через несколько секунд, из обезображенной машины выпал воющий комок пламени и бросился бежать. Через пару метров он упал, сраженный метким выстрелом Кальяса Рэмма, едва успевшего откатиться от пылающей Химеры, и затих...

Чадила обшивка салона. Но, едкий запах горящего пластика перебивал другой запах. Сладковатая вонь, тлеющей плоти. Человеческой плоти...

Оставшиеся в строю Химеры, зажатые в стальные тиски, наступающих бесконечным потоком, ксеносов, стремились подавить противника массированным огнем, устроив тем настоящий ад. Безобразные тела орков падали, сраженные разрывными снарядами сдвоенных болтеров, и образовывали целую гряду. Но из леса продолжали прибывать все новые, и новые орды зеленокожих, заполняя собой пространство настолько, что затмевали собой все. Изо всех сил, гвардейцы пытались подавить огнем, многократно превосходящего численностью, противника, однако становилось понятно, что шансов на победу у них нет. Уже совсем скоро, после начала столкновения, из полусотни бойцов, в живых осталось, не более половины. Пробившиеся через завесу подавляющего огня в рукопашную, ксеносы накидывались на гвардейцев с чоппами, вступая в ближний бой, где обладали явным пре-

имуществом. Огромные, монструозного вида, они превосходили людей размерами и мышечной массой, и их удары обрушивались на головы бойцов сверху вниз.

Глядя на то, как огромный ноб разрубил оказавшегося перед ним гвардейца надвое, один из обороняющихся не выдержал:

– Они нас сомнут! – Истерично заорал он, прижимая руки к вискам, роняя свое оружие на землю.

Но, не успел, брошенный им лазган коснуться земли, как раздался выстрел, и тело гвардейца рухнуло рядом с его оружием.

– Капитан! – Кадет-комиссар подхватил оружие гвардейца, и тут же навел его в набегающую толпу зеленокожих, стреляя в них, почти в упор.

– Здесь, кадет-комиссар! – Отозвался Сол Роглев.

Голова капитана была в крови, которая продолжала сочиться из рваной раны, оставленной, вскользь задевшим его снарядом, чиркнувшего чуть выше левого виска.

– Бери последнюю из «Химер» и уходи.

– Но...

– Доберитесь до Рэкума, и сообщите о столкновении. Сделайте все, возможное и невозможное, капитан. Но командование должно узнать о противнике.

– Есть.

Пригибаясь под шквалом болтерного и лазганного огня, Сол рванулся к «Химере», находящейся в конце колонны.

Прямо перед ней, на глазах у капитана, взорвался от прямого попадания в боеуклад «Барс». И, теперь, замыкающая колонну «Химера» спешно пятилась назад, уходя от града осколков, и разлетающихся под воздействием взрывной волны, элементов. Роглев едва успел упасть на землю, чтобы избежать случайного попадания. Над его головой с леденящим душу свистом, пронесся настоящий смерч, и Сол почувствовал волну обдавшего его жара. Спустя секунды он уже вскочил обратно на ноги, делая взмахи руками, сигналив водителю «БГ». «Большой Грокс», прозванный так, из-за грузности своего водителя, а так же из-за массивного бульдозерного отвала, предназначенного для расчистки проходов для тяжёлых боевых танков, остановился. Роглеву понадобилось меньше минуты, чтобы запрыгнуть на броню, и откинуть верхний люк.

– Полный назад! – Закричал он водителю, запрыгивая внутрь.

Боевая машина взревела, подаваясь назад массивным корпусом, а в следующее мгновение, грохот от взорвавшегося снаряда заложил Солу уши, и он упал, тяжело приложившись обо что-то головой. Еще не придя в себя после оглушения, Сол оглянулся и увидел лежащего стрелка. Несколько осколков попали гвардейцу в лицо, превратив его в кровавое месиво. Быстро заняв место погибшего, Роглев начал ожесточенно посылать одну за другой, очереди, в казавшихся бескрайним зеленым морем, орков, по мере того, как «БГ»

отходил от места сражения. Очередной залп из тяжелых орудий, снова заставил «Химеру» вздрогнуть, однако, благодаря маневру водителя, им удалось избежать второго прямого попадания.

Сол не услышал, как перекрывая звуки битвы, закричал Кальяс Рэмм: «— Мы верные слуги и воины Его! Ни в одном из миров нет того, что заставит нас отступить!»

Он лишь увидел, как орки прорвали мертвую зону, созданную плотным заградительным огнем и остервенело рванулись в рукопашную. Сквозь клубы дыма, черными знаменами, развивающимися над горящими, умирающими «Химерами», ливень крупнокалиберных снарядов, и вырывающиеся языки пламени, капитан Роглев разглядел, как кадет-комиссар, выхватив силовой меч, устремился навстречу огромному орку, бегущему на самом острие атаки. Последнее, что увидел Сол в прицел турели, пока их «Химера» скрывалась за изгибом дороги, как, стоя на груди поверженных тел и уклонившись от мощного замаха чоппы, кадет-комиссар Кальяс Рэмм нанес орку полный ненависти, решимости и веры, удар.

То и дело вздрагивая, «БГ» все дальше отходил по дороге. Сол оставил тяжелое орудие, и подошел к водителю. Он сделал это как раз вовремя, чтобы увидеть, как голова у того медленно откинулась назад, а слабеющие пальцы разжались на штурвале. Капитан склонился над водителем и увидел торчащий из его груди осколок снаряда. Водитель нату-

жено дышал, и на его губах, уже начала появляться розоватая пена. Он попытался что-то сказать, но издал только прерывистый хрип и, закатив глаза, затих.

Он нанес один удар и, почти тут же, второй. Кровь в его жилах кипела. Еще никогда в жизни, он не чувствовал в себе такой силы. Такой твердости. Он знал, что Император смотрит на них в этот час, и, буквально, кожей ощущал на себе Его строгий и любящий взгляд. Рэмм, испытал воодушевление, свой личный триумф, когда под его неистовым натиском, силовая броня орка треснула, и грозная машина взревела от гнева. Кальяс замахнулся для очередного удара, и, в этот момент, из кучи тел, за его спиной поднялся недобитый орк. В следующее мгновение кадет-комиссар почувствовал, как круша позвонки, в его спину входит искривленное лезвие. Ноги, сами собой начали подкашиваться, лишая тело опоры. В мановение ока, Кальяс Рэмм понял, что, уже через мгновение, будет лежать с перебитым позвоночником, поверженный, не в силах, даже, пошевелиться. Но, у него было это мгновение! Бесконечный промежуток между прошлым и будущим, именуемый, Здесь и Сейчас!

Время остановилось...

С невероятной четкостью во взоре, он видел прорубленную щель в броне и направил свой завершающий удар, именно, туда. Он рассчитал все. Силу, угол наклона, инерцию. Ведь у него было так много времени. Так много време-

ни у него, еще, никогда не было. И больше, уже, никогда не будет. Секунда, самой настоящей, самой реальной жизни, какую только можно прожить. Время Рождения, Триумфа и Бессмертия.

...Клинок вошел между пластинами брони и пронзил орчье сердце...

...Секунда, длиною в целую жизнь, закончилась...

В следующее мгновение Кальяс упал под тяжестью, навалившегося на него мертвого тела, чтобы больше никогда не встать, и, навсегда закрыв глаза для света дня, узреть Свет Императора.

Он знал, что рано или поздно, это должно было случиться. И весь его опыт, говорил, что это случиться, скорее, рано, нежели поздно. Что чудом является уже то, что этого не произошло до сих пор. Подбитая «Химера» должна была остановиться, и капитан Роглев молился лишь об одном: чтобы это случилось, как можно ближе к Рэкуму. Но, он точно знал, что этим молитвам не суждено сбыться. Он только надеялся, что деформированный взрывом, едва шевелящийся каток дотянет до того места, где они оставили «Красавчика», что едва держащаяся «гуся», не сорвется до этого времени, и что поврежденный, уже начинающий дымиться, мотор не заглохнет на половине пути. А еще, он молился, что «Красавчик» благополучно отремонтирован, что его экипаж еще не выдвинулся, и не двинется к Неморису до самого утра,

и он застанет их на том же самом месте, где их оставили. И что, если все эти события сольются воедино, они смогут быстро добраться до Рэкума и предупредить о возникшей угрозе и ее масштабах.

«Бессмертный Бог-Император, – молился про себя Сол, выжимая из раненой машины последние силы, – взгляни с добротой на своего слугу и солдата. Мне сейчас так нужна Твоя помощь»

Ответом на эту молитву стало то, что, когда покореженный трак, наконец, разорвался, остановился каток и поврежденный мотор, это огромное механическое сердце бронемашины, затих, окончательно перестав стучать, до того места, где встал на починку «Красавчик», оставалось не более десяти километров.

МЕЖДУ РЭКУМОМ И НЕМОРИСОМ. ДЕНЬ 2. ПОСЛЕ ЗАКАТА

Отряд из одиннадцати человек двигался по сумрачному лесу. Трава, цвета густой болотной жижи, доходила высотой до груди, так что, глядя со стороны, могло создаться ощущение, что люди не идут, а плывут, по густому, почти черному, морю. Морю, которое, как казалось, никогда не закончится.

Двигаясь форсированным маршем, Кимдэк, хоть и устраивал кратковременные привалы, постоянно подгонял людей, поддерживая заданный темп. Отряд продолжил движение,

и когда начались сумерки. И, даже наступившая вскоре ночь, не принесла ожидаемой остановки. Единственным послаблением стало то, что, после нескольких падений и одной вывихнутой кисти, Кимдэк позволил снизить скорость передвижения. Сам же он, не смотря на крошечную темноту, и в отсутствии каких бы то ни было ночных светил, двигался быстро и четко, словно шел по только что выметенному плацу, а не по дремучему, ночному лесу.

Наверное, Император и впрямь услышал его молитвы. По крайней мере, так подумал Роглев, когда сквозь окутавший его мрак ночи, он начал различать очертания «Красавчика».

«Император защищает» – Взмолился мысленно капитан, складывая на груди аквилу, обретая еще больше уверенности и спокойствия, едва до его слуха донесся оклик часового, увидевшего приближающуюся фигуру.

– Капитан Роглев. Личный номер 6934951. – Отозвался Сол. – Где командир экипажа?

– Докладываю, капитан. – Бодро рапортовал гвардеец, разглядев в свете фонаря подошедшего Сола. – Сержант Ким с личным составом, в соответствии с приказом, совместно с кадет-комиссаром выдвинулись в Неморис. Наряд из трех гвардейцев оставлен для охраны неисправного транспортного средства. За время несения дежурства...

– Давно? – Сол перебил гвардейца, не дав тому догово-

ритель.

Тот мысленно что-то прикинул:

– Пять часов назад, капитан.

Роглев сфокусировал взгляд на дежурном, затем, медленно перевел его на «Красавчика», а с него высоко вверх, где во мраке темноты притаилось пасмурное небо, роняющее вниз одинокие, пресные слезы. Там, взгляд капитана застыл на мгновение, пока одна из холодных капель, редко падающих на землю, не попала в глаз. Сол опустил голову, и капля соскользнула из уголка глаза, оставив после себя слабое покалывание, и нарушенную четкость линий во взоре.

– Лишь Император вечен. – Прошептал Роглев, и тяжело вздохнул, понимая, что лимит выпавшей на его долю удачи, закончился.

Устало оттерев ладонью вспотевший лоб, Сол почувствовал под пальцами кровь.

Гвардеец, с которым он только что разговаривал, подошел еще ближе.

– Вы ранены, капитан? – Спросил он, озабоченно взглянув на размазанный кровавый след на лице капитана.

– Пустяки. Слегка зацепило. – Роглев, медленно переступая, приблизился вплотную к «Химере», коснувшись ее холодной брони разгоряченным лбом.

«Я никогда не понимал шестеренок». – Подумал он. – «Все их обряды и молитвы, всегда, были для меня загадкой. Возможно, раньше, во мне не было достаточно веры, но сей-

час».

Сол решительно залез в «Химеру», сел на место водителя и, пожив руки на штурвал, закрыл глаза.

«Лишь Император вечен». – В который раз, повторил себе капитан. – «Все остальное, рано или поздно, кончается».

Но, вопреки здравому смыслу, внушавшему, что боевая машина «мертва», и без вмешательства шестеренок не сделает ни единого движения, и у нее не заработает ни один прибор, Роглев зашептал то, что со стороны могло показаться литанией или молитвой.

«Машинный Дух, если ты слышишь меня, если ты способен отозваться на мольбы простого человека, столь далекого от технопровидцев с их знаниями, то прошу тебя, мне сейчас очень важно, чтобы „Красавчик“ увез нас в Рэкум».

ОКРЕСТНОСТИ НЕМОРИСА. ДЕНЬ 3

Промозглый холод ночи сменился пасмурным утром. Нескончаемый мрачно-зеленый океан теперь был еще более вязким из-за обильно выпавшей росы. Приминаемые и раздвигаемые людьми тонкие стебли травы, быстро поднимались и сходились обратно, так что, уже через несколько минут нельзя было предположить, будто здесь кто-то прошел.

– Семижильный. – Кивнул Уэбб Киму в сторону кадет-комиссара, устало разгребая травяные волны широкими, размашистыми движениями.

– Ему положено. – Ким неопределенно повел плечами. – Работа такая.

– Угу. Знаем мы таких работничков. – Заметил, бредущий невдалеке, Ларн.

Среднего роста, и, телосложения скорее худощавого, нежели плотного, Ларн являлся обладателем тонких, аристократичных черт лица. Однако выражение самого лица было таким, что его владельца можно было принять, разве что, за изрядно опустившегося, хорошо пьющего, младшего офицера.

– И что у них за работа. – Продолжил Ларн, уныло бредя вперед. – Помяните мое слово, этот всех нас переживет.

– Если не заткнешься, тебя, точно переживет. – Отозвался Ким и, понизив голос, добавил. – Ты главное отойди подальше, чтобы то говно, которое у тебя вместо мозгов, нас не зацепило, когда тебе башку прострелят.

Не ответив на высказывание, Ларн замолчал, обиженно засопев. Он продолжил идти дальше, гребя руками, словно большими несуразными веслами, делая это теперь более отрывисто, с плохо подавляемой злобой, в каждом движении. Так продолжалось еще несколько часов, пока, наконец, море травы не закончилось, уступив место мелким колючим кустарникам, то и дело, цепляющимся за ноги идущим.

Серое, выцветшее, словно старая гимнастерка, небо покрывали монотонные облака, за которыми угадывался слабый свет солнца, медленно придвигающийся к точке зенита.

Заприметив удачное для привала место, сержант Ким подошел к Кимдэку.

– Разрешите обратиться, кадет-комиссар.

– Обращайтесь. – Молодой офицер приподнял фуражку, оттирая пот со лба, тыльной стороной руки.

– Люди устали, кадет-комиссар. Хорошо бы привал устроить.

– Привал, говоришь.

– Так точно.

Немного размыслив, Кимдэк кивнул:

– Хорошо. Выставляй окружение.

– Сделаем. – Губы Кима начали расплзаться в улыбке, но он быстро спохватился. – Так точно, кадет-комиссар.

– Ступай.

Ким быстро определил дежурных, после чего распорядился «резво придумать рекафа». Тем временем Кимдэк, достав инфопланшет, начал сверяться с картой. Судя по ней, их группа находилась, приблизительно, в десяти километрах к юго-западу, от искомого поселения.

Кимдэк все еще изучал карту местности, когда к нему подошел сержант с двумя дымящимися кружками горячего напитка.

– Выпьете, кадет-комиссар? – Ким протянул одну из кружек.

– Не откажусь. – Кимдэк принял напиток.

– Красиво тут. – Неожиданно произнес Савелиус Ким,

сделав несколько глотков. – Но, дома...

Он замолчал, не договорив.

– Зачем мы здесь, кадет-комиссар? – Нарушил повисшую в прохладном воздухе паузу Ким, и посмотрел на Джонаса.

Не задержав надолго свой взгляд на высокой, и еще по-мальчишечьи жилистой фигуре будущего комиссара, сержант сосредоточился на кружке, которую держал в руках. От казенной, пласталевой емкости исходил приятный пар, и разносился приятный, согревающий запах.

– Здесь? – Кимдэк повернул голову и посмотрел на сержанта. – В Неморисе?

– Нет, кадет-комиссар. Не в Неморисе. – Ким, как-то совсем по-домашнему, качнул головой. – В принципе, здесь. На этой планете. В этой системе. Что мы делаем здесь, так далеко от дома?

Кимдэк моргнул веками, отмеряя краткий миг обдумывания вопроса. Он уже открыл рот, чтобы ответить, когда из-за деревьев раздался крик. Вскакивая с места, от неожиданности, Джонас едва не выронил кружку с рекафом из рук. Следом за ним, обдав расплескавшимся рекафом край рукава, подскочил Ким, глядя, как на небольшую полянку, где расположились гвардейцы, выбегает Ларн.

– Там. – Нескладный гвардеец указал рукой в направлении, откуда выбежал.

– Что, гвардеец? – Кимдэк быстрым шагом подошел к Ларну.

– Там. – Повторил тот.

– Что, «там»? – Уже строже спросил Джонас.

– Тело. – Лицо Ларна слегка побледнело.

– Тело? – С некоторым пренебрежением в голосе переспросил кадет-комиссар.

– Да. – Ларн сглотнул. – Похоже, на тело орка.

– Орка? – Переспросил Ким.

В ответ Ларн закивал.

– Разберемся. – Пренебрежение в интонациях Кимдэка сменилось на удивление, и кадет-комиссар решительно зашагал в сторону, куда показывал Ларн.

Ким и Ларн последовали за ним, и на ходу, испуганный гвардеец давал пояснения сержанту:

– Я отошел, ну, в общем, от лагеря, а тут, это.

Шагающий впереди Кимдэк, резко остановился. Прямо, перед собой, он увидел зеленокожее тело. Кимдэк начал тщательно осматривать местность. Судя по нескольким поваленным и поломанным деревьям, здесь произошла финальная часть драки, которая, судя по уходящему в глубину леса следу, началась намного дальше, и закончилась здесь, гибелью одного из участников. Массивное тело орка было покрыто рваными ранами, которые уже облюбовали мухи и прочие мелкие падальщики. Что касалось судьбы второго участника драки, то тут ничего определенного сказать было нельзя. Только то, что по окончании разборки, он смог самостоятельно покинуть место побоища, забрав с собой

все оружие, поскольку ничего, хотя бы отдаленно напоминающее вооружение, поблизости обнаружено не было. То, что дерущихся было двое, Кимдэк, так же, не сомневался, как и в том, что драка была между двумя орками. Об этом явственно свидетельствовали, как характеры повреждений, на теле убитого, так и следы на местности. Один из таких следов, отчетливо показывал, как два огромных тела, катались по земле, вцепившись друг в друга.

Сержант подошел к Кимдэку, почти вплотную:

– Что теперь, кадет-комиссар?

– Поднимай людей, сержант. Немедленно обследовать окрестности. Радиус два километра. Предупреди, чтобы были предельно осторожны. Как только, что-то обнаружат, сразу докладывать.

– Вокс-связь не работает, кадет-комиссар. – Напомнил Ким.

– Ногами доложат. – Отрезал Кимдэк, и обернулся к Ларну, – Остаешься здесь. Я выясню, куда ведет эта тропа.

– Исполняйте. – Бросил он через плечо, и аккуратно, стремясь производить как можно меньше шума, двинулся вперед по тропе.

РЭКУМ. ДЕНЬ 3. УТРО

Инквизитор Ордо Еретикус, Алонсо Барро, стоял на коленях, сложив на груди знак аквилы и закрыв глаза. Храм

был пуст, если не считать сервиторов, занимавшихся рутинной уборкой, регулярно проводимой между службами. Лишь изредка, тишину, окутавшую мысли инквизитора, нарушало их слабое жужжание, когда биомеханические рабы передвигались от колонны к колонне, по огромному залу. Слабые лучи еще не окрепшего в своем восхождении, светила, уже начали освещать полупрозрачные витражи, расположенные под самым куполом, где разноцветная мозаика стекол, складывались в коленопреклоненных святых, молчаливо взиравших сверху на собирающуюся внизу паству. Сквозь закрытые веки, Алонсо Барро ощутил слабое утреннее тепло, изгоняющее промозглую сырость, оставшуюся с ночи. И, подобно этому, с каждым, вознесенным им, словом молитвы, сомнения и страхи, что прикладывали усилия вцепиться в душу, испарялись под Его всевидящим оком, развеянные Светом и Силой Его.

Алонсо Барро почти закончил свою беззвучную молитву, когда услышал позади, чуть прихрамывающие, отдающие шорохом на грани слышимости, шаги.

– Бессмертный Владыка галактики, – прошептал инквизитор, – обрати Свой взгляд на Ферро Сильва. Даруй живущим здесь милость Твою и покровительство.

Со спины раздался дребезжащий голос псайкера:

– Господин инквизитор. – Он выдержал почтительную паузу. – Я, по-прежнему, никого не чувствую. Мы в изоляции, и нас никто не слышит.

Алонсо открыл глаза. Поднявшись с колен, и резко развернувшись, инквизитор посмотрел на псайкера, буравя его взглядом:

– Ты недостаточно стараешься. – Голос Барро хлестнул, подобно плети.

Худощавый, если не сказать, тощий человек, сложил руки на груди и отрицательно мотнул головой, при этом вздрогнув, как будто слова инквизитора, в самом деле, полоснули его по обнаженной коже.

– Инквизитор. – Псайкер еще ниже опустил голову, покрытую капюшоном, от чего слова, сказанные им, стали звучать еще глуше, а хрип в его голосе усилился. – Я делаю все, что в моих силах.

– Пробуй еще. – Барро продолжил сечь склонившегося перед ним человека фразами, как кнутом. – Пробуй, до тех пор, пока у тебя ни получится!

Псайкер склонил голову настолько, что его выпирающий, заостренный подбородок уперся в худую грудь, с выступающими ребрами.

– Тебе сохранили жизнь, чтобы ты мог служить Императору. Так докажи, что ты достоин оказанной милости!

На этих словах псайкер вздрогнул так, словно по его телу прокатилась волна судорог, и упал перед Барро на колени, продолжая прижимать склоненную голову к груди. Инквизитор сделал два размеренных шага, и остановился возле скрючившегося человека, почти касаясь кончиками сво-

их сапог его поношенного балахона распростершегося сейчас по каменным плитам пола. Задержавшись возле колена-преклоненного псайкера на три удара сердца, и, не удостоив его взглядом, Алонсо Барро прошел к выходу из Храма, покидая его величественные своды.

Оказавшись за пределами Храма Императора, Барро увидел, как через площадь возле Храма, к нему спешно приблизился гвардеец. Остановившись на почтительном расстоянии, он, коротко отсалютовав, доложил.

– Господин инквизитор. Вам. – Гвардеец протянул инквизитору инфопланшет.

Алонсо быстро пробежал глазами текст, и перевел взгляд на гвардейца:

– Где расположился штаб?

– Приказано Вас сопровождать, господин инквизитор. – Гвардеец снова отдал честь.

Барро кивнул и последовал за гвардейцем, в указанном им направлении. Покинув Храмовый комплекс, и пройдя совсем немного, они остановились перед небольшим двухэтажным зданием.

Неизвестно, что размещалось в нем ранее, и для каких целей оно было построено, изначально, но оно пустовало, и показалось Гаю Тумидусу наиболее подходящим для того, чтобы, временно, использовать его под комиссариат. Второй этаж Лорд-Комиссар сразу определил под казарму для кадетов, а весь первый этаж отдал, непосредственно, под сам

комиссариат, оставив себе, под личные нужды, небольшую комнату, в которой едва поместилась, специально принесенная для него, кровать. В соседней комнате, снабженной, для каких-то неведомых целей, широким окном во всю стену, Гай Туמידус устроил себе кабинет. Само окно было выполнено из ударопрочного, непроницаемого стекла, сквозь которое невозможно было разглядеть, что происходит внутри, зато, позволяющего смотреть изнутри на небольшой плац перед самым окном. Это, как нельзя отвечало требованиям Октавиана. В остальных помещениях разместился штаб командования, экстренное совещание которого началась еще до рассвета, сразу после того, когда в Рэкум прибыл капитан Роглев, с подробным докладом о столкновении с многочисленными силами ксеносов, и гибели почти всего личного состава третьей роты.

– Господин инквизитор, сюда. – Гвардеец быстро поднялся по облупившимся ступенькам, и открыл перед инквизителем дверь, пропуская его вперед.

Миновав лестницу на второй этаж, и не особо длинный коридор, Алонсо Барро подошел к просторной комнате, с распахнутой настежь дверью, из которой раздавались громкие голоса, и у входа в которую, дежурил один из кадет-комиссаров. В самом центре комнаты, стояло несколько составленных вместе столов, на которых были расстелены допотопные, бумажные карты, над которыми, склонились

офицеры, активно обсуждая создавшееся положение.

– Господин инквизитор! – Раздался зычный голос полковника Райта, стоило Алонсо Барро перешагнуть порог. – Прошу вас.

– Значит, орки? – С ходу, без обиняков, констатировал Алонсо.

– Так точно, господин инквизитор. Судя по донесению, очень большая орда.

– Я бы хотел, чтобы вы еще раз перечислили все силы, которые на данный момент находятся в вашем распоряжении. – Глухо произнес Барро, подходя к столу, чтобы лучше рассмотреть имеющиеся карты. – Что мы можем противопоставить орде зеленокожих?

– Если говорить по-простому, то на данный момент, у нас двадцать шесть машин класса «Химера», четыре машины класса «Адская Гончая», и два тягача «Атлант». Большая часть «Химер» оснащена спаренными болтерными установками. Экипажи машин полностью укомплектованы. Численность десанта, вместе с младшим командирским составом, составляет пятьсот восемьдесят человек. Кроме того, в нашем распоряжении две роты солдат из местных сил планетарной обороны.

Барро перевел взгляд на Максимилиана Хариуса, капитана батальона, оставленного на Ферро Сильва в качестве СПО. Тот, выдержав пристальный взгляд инквизитора, гордо приосанившись.

– Не сомневайтесь, господин инквизитор. – С уверенностью произнес он. – Мои молодцы проявят себя как должно, и дадут отпор ксеносам.

Оставив данное высказывание без ответа, Барро вновь посмотрел на полковника Райта.

– А противник? – Все так же глухо, как и до этого, спросил Алонсо.

– По предварительным данным, – на секунду Райт замолчал, – имеет некоторый численный перевес.

И та многозначительная пауза, которую выдержал подполковник, дала более точный и красноречивый ответ, чем если бы он предоставил в этот момент точные цифры о количестве противника.

ОКРЕСТНОСТИ НЕМОРИСА. ДЕНЬ 3

Они стояли посреди огромной вытоптанной поляны, которая еще недавно служила лагерем для зеленокожих. Никаких сомнений в том, что здесь останавливались орки, не возникало.

– Сколько же их тут было. – Выдохнул Уэбб, озираясь по сторонам.

– И что теперь, кадет-комиссар? – Ким посмотрел на кадет-комиссара.

– Продолжим путь. – Кимдэк поправил фуражку. – Наша цель не изменилась. Добраться до Немориса и выявить,

а по возможности, устранить, причины неполадок со связью.

– Все равно, не пойму, откуда здесь взялись зеленокожие? – Уэбб покачал головой. – Взяться им, вроде бы, неоткуда.

– Настолько хорошо изучил ксеносов, гвардеец? – Кадет-комиссар пристально посмотрел на водителя, так что Уэбб весь внутренне сжался.

– Никак нет, кадет-комиссар. – Уэбб кратко отсалютовал и отошел.

– В таком случае, – Кимдэк повысил голос и перевел взгляд на построившееся отделение, – объявляю пятиминутную готовность. Через пять минут выступаем. Соблюдать предельную внимательность. Обо всем подозрительном докладывать немедленно. Боевая готовность номер один.

Через полтора часа, когда часа солнце начало клониться к закату, Кимдэк остановился, сверяя с инфопланшетом пройденный ими маршрут, и в очередной раз, отмечая про себя, как быстро на этой планете сменяются день и ночь.

– Сержант. – Негромко позвал Кимдэк.

– Здесь, кадет-комиссар. – Отозвался Ким.

– Останавливаемся на ночевку. Командуйте.

– Так точно, кадет-комиссар. – Ответил сержант, и громко скомандовал. – Стоп, машина!

Пока сержант распределял дежурства и обязанности между гвардейцами, Кимдэк внимательно смотрел на него и размышлял. Уже не первый раз, у Кимдэка возникал вопрос,

почему, учитывая его возраст, и явный опыт, как боевой, в чем кадет-комиссар не сомневался, так и в управлении личным составом, Ким, до сих пор, сержант. Кимдэк решил, что выяснит это, при удобном случае. Позже, перед тем, как устроиться спать, он задал этот вопрос сержанту.

– Не понравилось мне в капитанах. – Хмуρο ответил Савелиус, не желая вдаваться в подробности, но тут же, спохватившись, добавил. – Статья 6912/55в, кадет-комиссар. Драка.

– Значит, удачно отделался, сержант. – Заметил Кимдэк, прекрасно зная, насколько редко старших офицеров просто понижают в звании, предпочитая использовать гораздо более жесткие меры наказания.

Однако на это замечание Ким ничего не ответил, благо-разумно, предпочтя промолчать.

РЭКУМ. ДЕНЬ 3

Сцепив руки за спиной, как это делал иногда Гай Тумидус, Авель следил за тем, как согнанные рабочие занимают-ся укреплением стен, надежным кольцом охватывающих Рэ-кум.

– Это бесполезно! – Внезапно воскликнул один из ра-бочих, одетый в перемазанный чем-то серым, комбинезон, и с порванной курткой, обвязанной вокруг пояса за потре-панные рукава. – Нас всех уничтожат! Просто, уничтожат! Я

слышал про них! Орки никого не щадят! Они...

Почти мгновенно, голову говорившего разорвал болт. Авель Лонгин обвел суровым взглядом, столпившихся вокруг убитого, людей:

– Это – участь каждого, кто будет паниковать, бездельничать или призывать сдать. Понятно всем?

Вытянувшиеся лица людей ответили красноречивее, чем любые слова. Кадет-комиссар кивнул:

– Возвращайтесь к работе. – Он поднял мешок со шлаком, брошенный паникером, и водрузил на гору таких же мешков. – И, пошевеливайтесь! Если, до вечера, укрепления не будут готовы, будете работать ночью!

Рабочие быстро отошли от трупа, заниматься, каждый, своим делом, и упорно делая вид, будто только что, ничего не произошло. Не смотря на это, Авель перехватил несколько косых взглядов, брошенных на него притихшими людьми. Про себя Лонгин отметил, что страх в глазах рабочих хоть и усилился, зато придал их действиям скорости и отточенности. И возведение укреплений продолжилось с еще большим рвением со стороны занятых в этом людей, чем до этого.

Новость о том, что отряд, отправленный в Неморис, подвергся нападению со стороны орков, и что из семи Химер, вернулась только одна, не смотря на все приложенные старания, быстро распространилась по Рэкуму. Впрочем, как отметил Гай Тумидус, избежать этого, было фактически,

невозможно. Особенно, учитывая тот факт, что укреплять стены и сооружать новые укрепления, выгнали всех рабочих, без исключения. Глядя, как среди людей нарастает беспокойство, и по опыту зная, насколько легко оно может перерасти в неуправляемую панику, Октавиан приказал разделить город на сектора и в каждый направил по паре кадетов, чтобы те пресекали любое распространение нежелательных и упаднических настроений. Патрули были усилены, а у Храма Императора, всем Храмовом комплексе, здания Экклезиархии, Дворца губернатора, и комиссариата, теперь, постоянно дежурили гвардейские разводы, так же, усиленные.

РЭКУМ. ДЕНЬ 3. ПОСЛЕ ЗАКАТА

За то время, пока полковник Райт описывал ей сложившуюся ситуацию, губернатор не проронила ни звука. И, только тогда, когда он сказал, что вводит в Рэкуме военное положение со всеми вытекающими из этого последствиями, она сухо ответила: «Разумеется. Я вас прекрасно поняла».

Да, она действительно, поняла. Ее, попросту, отстранили от власти, «беря ситуацию под военную юрисдикцию». Подобный подход не удивил Хильдегад Витинари. Скорее, ее удивило, а отчасти просто позабавило, что подобное произошло с ней, чего она совсем не ожидала. Совсем не так она представляла себе ситуацию, когда посылала запрос о помощи. И теперь, вернувшись в свои покои, Хильдегад уста-

ло повалилась на изящную кушетку, закрыв лицо руками. Силы, поддерживающие ее до сих пор, оставили губернатора. Ей захотелось кричать. Накопившаяся за последние дни усталость безуспешно искала выход в нарастающей глубоко внутри истерике. Но Хильдегад Витинари отлично знала, что ее воли хватит на то, чтобы сдержаться, не смотря на ту волну отчаяния, которая сейчас поднялась в ее душе, захлестывая все остальные эмоции, мешая мыслить рассудительно и поступать обдуманно. На то, чтобы ни кто не догадался, как она устала, как хочет побыть сейчас слабой. Никто и никогда. Она отняла дрожащие руки от лица. Медленно, силы возвращались, и шторм, обуревающий Витинари изнутри, стихал, оставляя после себя вымученную опустошенность, вперемешку с осколками несбывшихся ожиданий. Хильдегад возвращала себе едва не утраченные ею позиции душевной безмятежности. Так было всегда, так будет и теперь. И завтра. И через десять лет. Хотя, нет. Вряд ли, она проживет так долго, учитывая то, что она совсем недавно услышала.

Полчища орков, появившиеся на планете неизвестно откуда. Варпшторм, окутавший планету, и оборвавший тем самым, связь с внешним миром. Полное отсутствие понимания происходящего. А еще, сны. Жуткие иррациональные, сковывающие волю и затуманивающие разум сны, терзающие по ночам. Сны, о которых она боялась рассказывать. Даже просто вспоминать о них в течение дня! Каждое пробуж-

дение для Витинари начиналось с того, что она заставляла забыть себя те ужасы, что явились ей в ночи, старательно вымарывая из памяти абсолютно все увиденное во сне. Это началось относительно недавно, но Хильдегад казалось, что кошмары, терзающие ее по ночам, и становящиеся все ужаснее, и настойчивее раз от раза, преследуют ее уже так давно, что она и сама перестала помнить, когда все это началось. А единственным словом, которое приходило бы на ум в определении времени, было бы слово «всегда».

Губернатор встала и обхватила себя руками за плечи, чувствуя озноб во всем теле. Эта проклятая планета вытягивает из нее последние силы. Хильдегад подошла к высокому зеркалу, висящему на одной из стен. Бог-Император, она ужасно выглядела! Витинари слегка помассировала припухшие веки. Необходимо поспать. Хотя бы, немного. Печальная улыбка коснулась уголков ее рта. Все чаще, она просыпалась в середине ночи, чтобы потом, до утра пить крепкий, с приятной горчинкой рекаф, в страхе перед тем, чтобы снова закрыть глаза и провалиться в пучину фантазмагорий, заменивших ей сны. Но, сегодня она все же полагала выспаться. Хильдегад нащупала в глубине кармана небольшую капсулу со снотворным, обнаруженным ею совсем недавно, когда она перебирала вещи, оставшиеся после смерти отца. Небольшая, потерянная инструкция, найденная вместе капсулами, тщательно упакованными в водонепроницаемый контейнер, гласила, что это редкое и довольно качественное сно-

творное. И единственное, о чем сожалела губернатор это то, что само название препарата стерлось до такой степени, когда прочитав его было, уже совершенно невозможно. Однако у Витинари родилась надежда, почти тут же переросшая в твердую уверенность, что это лекарство должно помочь. Что препарат так вовремя обнаруженный, надолго усыпит ее, и поможет уйти во сне за ту грань, за которую не проникают сновидения, а значит, куда не доберутся и жестокие кошмары.

Хильдегад Витинари неспешно прошлась по большой, просторной комнате, совмещенной со спальней, ступая по мягкому с тонким ворсом ковру, надежно заглушавшему ее поступь. Она прошла мимо изящного трельяжа, ножки которого были выполнены в форме перевитых между собой лоз, и мимо невысокого кофейного столика, выполненного в той же манере, тем же мастером. Проходя мимо тянувшихся к самому потолку, длинных драпированных складками, штор, губернатор чуть замедлила шаги, раздумывая, не распахнуть ли розово-карминовый бархат, чтобы впустить в покои дневной свет. Но почти тут же, Хильдегад отбросила эту мысль. Она устала, и хотела выспаться после всех тех бессонных ночей, что преследовали ее в последнее время, после кошмаров, от которых стынет кровь в трепещущих от волнения, венах, после разговора с полковником Райтом, и его снисходительного тона, словно он говорил не с действующим губернатором, а с несмышленной девочкой.

Витинари вернулась на кушетку, достала из кармана драгоценную капсулу и небольшой, специальный ключ. Вскрыв им капсулу, губернатор мечтательно посмотрела на ее содержимое. Аккуратно, чтобы не пролить ни одной капли, губернатор выпила бесцветную, чуть горчащую на вкус, жидкость, мысленно отдаваясь во власть того, что должно было подарить ей отдых, покой и забвение от всех забот и тревог ее измотавших.

Хильдегад не заметила, как уснула, тут же, не сходя с места, не раздеваясь и не сняв обувь. Ей ничего не снилось, и, когда она, спустя несколько часов, проснулась, то могла бы поклясться перед самим Императором в том, что спала крепко, спокойно, и без сновидений. Но, это было бы лишь частью правды, а значит, это была ложь.

ОКРЕСТНОСТИ НЕМОРИСА. ДЕНЬ 4

Ночь выдалась еще более холодной, чем предыдущая, и утро задалось не лучше. Шагая через пасмурный, отдающий сыростью лес, чувствуя не проходящий озноб по всему телу и стойкое желание согреться, Ким был убежден, что остальные гвардейцы, испытывают то же самое. Сержант медленно повел вокруг себя чуть уставшим взглядом, и задержал его на Джонасе Кимдэке. Кадет-комиссар выглядел так же, как в начале пути, как будто, пройденные километры по пересеченной местности, почти без сна, и в полной бое-

вой выкладке, его не коснулись. Подтянутый, в синей шинели аккуратно застегнутой на все пуговицы, он выглядел так, словно не чувствовал холода, прекрасно выпался и хорошо отдохнул.

«Может и правда, семижильный?» – Подумал Ким про себя, одновременно прикидывая, что метров через шестьсот, они уже должны выйти на тракт, ведущий в Неморис, до которого оставались считанные километры.

С этой мыслью сержант проделал последние метры пути, пока их отряд не вышел к рокритовому полотну. Туда, где их взорам открылась картина недавнего побоища.

Над одной из «Химер», еще вился слабый сизый дымок. Еще две чернели совсем рядом, своими мертвыми остовами. Вокруг раскуроченных машин лежали тела гвардейцев, павших в неравном бою. Некоторые из тел были разорваны пополам, у некоторых отсутствовали конечности. Ожесточенная схватка, которая произошла здесь, явно закончилась победой зеленокожих, которые устроили по ее окончании триумфальный при. Столь же дикий, пугающий своим звериным уродством, как и их атака, начавшаяся внезапно и стремительно. О последнем факте свидетельствовало то, что шедшая во главе колонны «Химера» сгорела вместе со всем имеющимся десантом, так что ни один член экипажа не успел вырваться наружу.

Уэбб отвел глаза от распахнутого верхнего люка боевой машины, из которого торчал обгоревший до неузнаваемости

человек.

– Император защиты. – Выдохнул он, следуя за кадет-комиссаром, стараясь, не рассматривать останки внимательно.

Кимдэк, напротив, тщательно осмотрел место боя, восстанавливая в голове произошедшее. Если идущая впереди «Химера» была подбита настолько стремительно, что никто из гвардейцев, не успел ее покинуть, то шедшие за ней машины приняли бой. Внимательно осматривая место, где разыгралось кровавое столкновение, Кимдэк продвигался к самому его эпицентру. Там, перед одной из «Химер», выросла такая гора из мертвых орков и погибших гвардейцев, что они образовали настоящий вал, который можно было бы использовать как редут.

Пока Кимдэк шел по обезображенным, растерзанным и уничтоженным огнем и взрывами, телам, он продолжал искать глазами Кальяса Рэмма, не смотря на то, что он понимал всю тщетность данных попыток. В такой мешанине и нагромождении, как фрагментов, так и целых тел, невозможно было найти кого-то конкретного, разве что, случайно, тем не менее, Джонас точно был уверен, что Кальяс где-то здесь, среди этих тел.

Кимдэк поднялся на самую высокую точку, не рукотворной гряды, чувствуя, как под его сапогами перекатываются тела ксеносов, на которые он наступал. Вал, из них образованный, доходил до самой башни «Химеры», с которой были вырваны орудия, как ценного трофея. Должно быть, это сде-

лали орки, после того, как окончательно расправились с последними выжившими. Изуродованная машина подверглась разграблению и разбору на части, признанные мекками зеленокожих, пригодными к дальнейшему использованию. Джонас перевел взгляд с «ободранного скелета» «Химеры», в который она превратилась, на поле брани, окидывая его от начала и до конца.

– Ты первый. – Тихо прошептал Кимдэк. – Как всегда.

Кадет-комиссар повернулся, когда к нему подошел сержант Ким:

– Дозорные выставлены, кадет-комиссар. – Доложил он. – Вокруг все тихо. Следов присутствия ксеносов не обнаружено.

– Не снижать бдительности. – Строго произнес Кимдэк. – Боевая готовность номер один.

– Так точно. – Ким отсалютовал кадет-комиссару.

Но в последний момент, вместо того, чтобы отойти, напротив, сделал шаг, еще ближе подойдя к Джонасу.

– Ищете его? – Внезапно, понизив голос, спросил Ким.

– Нет. – Сержанту показалось, что Кимдэк ожидал этого вопроса, и ответил чуть быстрее, чем можно было предположить.

Он едва заметно качнул головой, словно внутренне не соглашаясь с услышанным, и продолжил.

– Там следы, кадет-комиссар. Одной Химере удалось уйти, так что...

Кимдэк не дал ему договорить, удивленно взглянув на сержанта, так. Что тот осекся, и замолчал. Но потом, спустя мгновение, все же, снова, покачал головой:

– Но, ведь мог он...

– Нет. – На этот раз ответ не был поспешным, и, Ким впервые увидел, как кадет-комиссар, едва заметно, улыбнулся.

– Нет... – Еще тише повторил Джонас.

Предположения Кимдэка подтвердились. Неморис был полностью вырезан и разграблен ксеносами, и теперь, стоял тенью самого себя, выпотрошенный и бездыханный, словно пустая, омертвевшая кожа. Судя по всему, зеленокожие потратили несколько дней на разграбление и уничтожение того, чему не нашли хоть какого-то применения. По всему городу, лежали искалеченные, частично выпотрошенные тела, вперемешку с их нехитрым скарбом. В самом центре города, где располагался комплекс административных зданий, разыгралось одно из самых ожесточенных сражений. Последний бой там приняло не более сотни человек. По тому, что осталось от их тел, невозможно было определить, кто именно там сражался. Хотя, косвенные свидетельства указывали, что среди павших, сражались, в том числе, и бойцы из двух рот СПО, которые были отправлены несколько дней назад в Неморис, для выяснения и ситуации, и для того, чтобы взять под контроль поселение, если выяснится, что там произошли массовые волнения рабочих, вышедших из пови-

новения. Конец последних защитников Немориса, получил- ся коротким и кровавым. Ксеносы прорвались в рукопашную схватку и, просто, разорвали их на части. Глядя на тех погибших, чьи лица сохранили посмертную маску, не были обглоданы, сожжены или обезображены иным способом, можно было догадаться, что когда озлобленные звероподобные ксеносы рвали их на части, многие, были еще живы. От осознания этого, у многих гвардейцев желудок подкатил к горлу, заставив учащенное вдыхать смердящий воздух, пропахший кровью, железом и гарью, испражнениями ксеносов, и разлагающимися трупами. Пройдя еще немного, взорам небольшого отряда предстало зрелище, от одного вида которого, желудки нескольких гвардейцев не выдержали, вывернувшись наизнанку, вместе с их содержимым. На центральной площади, перед самой ратушей, раскинулось несколько десятков пепелищ от огромных костров, с обгоревшими вертелами и смрадными, начавшими гнить, остатками страшного пиршества зеленокожих.

– Святой Защитник Бог-Император, взгляни с милосердием и добротой на верных слуг Твоих. – Разнесшийся по рядам шепот молитвы отделил мертвенную тишину, плотной завесой окутавшей Неморис.

Не стало слышно ни шагов, ни даже, дыхания, остановившихся людей. Тягостная минута тишины, была прервана Савелиусом Кимом

– Есть вещи, о которых, ничего не хочется знать. – Про-

шептал сержант, сотворив на груди знак аквилы.

– Я о таком, даже не слышал. – С трудом сдерживаясь, чтобы не проблеяться, признался, заметно побледневший Уэбб.

– Я слышал. – Подал голос Юджин, и взоры большинства гвардейцев, мгновенно обратились в его сторону. – И скажу вам честно, этим ребятам еще повезло, если их сначала убили.

На этих словах, Уэбб отвернулся, не в силах сдержать позыв рвоты.

– А ты думал. – На лице Юджина отобразился не то оскал, не то усмешка. – Это ксеносы.

Сержант Ким подошел к кадет-комиссару:

– Каковы будут дальнейшие приказы, кадет-комиссар?

– Наша основная цель не изменилась, сержант. Необходимо выяснить, что с вокс-станцией. Судя по карте, – Кимдэк сверился с инфопланшетом, – она расположена в трех километрах на северо-запад, от Немориса. Пересечем его, и выйдем к станции.

– Скорее всего, она захвачена и уничтожена, кадет-комиссар. – С сомнением в голосе произнес Ким, на что, Кимдэк строго посмотрел в сторону сержанта:

– Знаешь наверняка?

– Никак нет, кадет-комиссар. Только предположение.

– А мы обязаны выяснить точно, что там произошло, сержант. Тем более, – добавил Кимдэк, после секундного мол-

чания, – что в сложившихся обстоятельствах, связь так же ценна, как воздух, которым ты дышишь.

Была середина дня, когда они добрались до вокс-станции. Огромный шпиль выходил из каменной башни и устремлялся высоко, под самое небо, подернутое куцыми бледно-серыми облаками. Часть прожекторов, которые должны были ночью освещать ее стальную конструкцию, уходящую высоко вверх, были разбиты. Другая часть работала, несмотря на то, что был день. Однако было понятно, что интенсивность их свечения, почти, на нуле. Но не это сейчас привлекало внимание гвардейцев, заставляя в очередной раз пожалеть, что именно им выпала доля оказаться сейчас возле злополучной вокс-вышки. По всей длине ее шпиля, и на каждой небольшой платформе, которые разделяли ее на некое подобие этажей, были нанизаны, прибиты или привязаны, в самых неестественных и жутких позах, изувеченные, обескровленные и оскверненные знаками хаоса, тела мертвых людей. Над их раздутыми от паров охватившего их, разложения, телами, роились скопища мерзкого гнуса. А их монотонное жужжание от подножия каменного основания башни, напоминало звуки, издаваемые работающими не в полную мощность, когитаторами.

– Ах, ты ж, бешенного грокса мне навстречу, комиссара за плечо... – В сердцах вырвалось у сержанта, когда увиденная им картина, окончательно им воспринялась, достигнув

глубин осознания.

Кимдэк метнул строгий взгляд в сторону сержанта.

– Виноват, кадет-комиссар. – Спыхватился Ким. – Но такое зрелище.

– Не каждый день увидишь. – Холодно закончил за сержанта Кимдэк.

Кадет-комиссар развернулся к гвардейцам, взирающим на вышку вокс-связи. Некоторые одними губами шептали молитвы, обращенные к Бессмертному Императору, чтобы Он защитил их, другие стояли, молча, сцепив руки на груди в защитной аквиле. Не трудно было догадаться, что происходит на душе каждого из них.

– Гвардейцы! – Зорко следя за каждым, кто сейчас стоял перед ним, Кимдек обратился к бойцам. – Мы прибыли сюда с приказом восстановить вокс-связь, предварительно выяснив причины, повлекшие ее отсутствие. Исходя из увиденного, думаю, они понятны всем. Теперь, наша задача восстановить связь, и как можно скорее сообщить в Рэкум о вторжении на планету орков, и о деятельности еще более опасного, и коварного врага. То, что вы видите здесь – дело рук тех, кто отвернулся от Света Бога-Императора, обратив свой взгляд во тьму варпа, и к тем, кто является извечным врагом Имперума. Сержант, отберите тех, кто разбирается в технике и может оказаться полезным в нахождении и устранении неисправности, и со мной, наверх. Остальным встать на охрану периметра. Докладывать о любых измене-

ниях, и обнаружении всех, кто может оказаться потенциальным противником.

– Посмотрим, какого гребанного варпа тут происходит. – Произнес кадет-комиссар настолько тихо, что сержант Ким, стоящий совсем близко от кадет-комиссара, сначала, едва разобрал произнесенные им слова, а потом, сделал вид, что ничего не расслышал.

Створки шлюзовой двери, ведущие в основании башни, были широко раздвинуты, приглашая шагнуть в темноту за ними. При свете фонарей, мрак, скрывающий внутреннее убранство станции, разметался по углам, и взорам людей предстал небольшой коридор, заканчивающийся еще одними дверями. В отличие от внешних, эти были выломаны взрывом, и то, что от них осталось, сейчас покрывало рваными пластинами стали пол из камнебетона. Несколько когитаторов, расположенных в дальнем помещении, были покрыты разлагающейся массой растерзанных взрывом, людей. Их изуродованные тела, лежали в противоестественных позах, там, куда их отнесло взрывной волной.

Уэбб поморщился от омерзительного тлетворного запаха, окутавшего тут все, и буквально влипающего в ноздри, забывая их настолько, что глаза начинали слезиться. Осторожно ступая по неровному полу, покрытому осыпавшейся со стен крошкой камнебетона, элементами от раскуроченных когитаторов, и человеческими останками, гвардейцы, следующие

за кадет-комиссаром подошли к задней стене. Там они увидели еще одну дверь, сорванную с креплений, и крутую лестницу, уходящую вверх, к небольшому люку в потолке.

Кимдэк сделал знак двум гвардейцам оставаться внизу, поднявшись с остальными по железным, немного погнутым ступеням лестницы. Выбравшись из люка, крышка которого неплотно прилежала к творилу, они оказались в комнате, показавшейся, совсем, крохотной, из-за множества разнообразных механизмов, мигающих в душной темноте своими датчиками.

– И, поди тут, разберись. – Задумчиво протянул Уэбб, невольно закашлявшись в конце фразы.

Поднявшийся следом за Торрингтоном сержант Ким, вместо ответа только вздохнул, мысленно соглашаясь с молодым водителем: их шансы на восстановление связи стремительно сокращались.

Ощувив на себе пристальный взгляд кадет-комиссара, Уэбб тут же весь подобрался, вытянувшись в струну. Кимдек тем временем, перевел взгляд на сержанта, а затем на остальных гвардейцев.

– Много уничтожили. Многое восстановлению не подлежит. – Настолько спокойным голосом, что тот показался неуместным ситуации, произнес кадет-комиссар. – Однако восстановить связь придется. Приказ понятен?

– Так точно, понятен, кадет-комиссар. – Хором ответили гвардейцы, и Уэбб подумал, что неисполнение приказа для

них обернется чем-то еще более страшным, чем все виденное ими до этого.

РЭКУМ. ДЕНЬ 4

На смену холодной ночи, пришел непривычно яркий день. На редкость щедрые солнечные лучи, даже, начали немного припекать, заставив выступить пот под плотно охватывающей лоб, фуражкой.

Декарт Максимилиан Хариус, лично дежуривший на смотровой площадке несколько последних часов, отвел свой взгляд от монокуляра. Он снял фуражку, оттирая лоб тыльной стороной перчатки. Выждав несколько минут, капитан снова прильнул к монокуляру. Он простоял так несколько минут, прежде чем он разглядел то, что приближалось к стенам города.

– Святой Трон Терры. – Выдохнул он, не отрываясь от представшего его взору зрелища.

Смертоносная лавина из разверзшегося под ногами вулкана, в тот момент, выглядела бы менее впечатляющей, чем та, зелено-красная волна, что сейчас выходила из леса и устремилась на Рэкум.

– Визуальный контакт. – Передал по внутренней связи капитан Хариус, продолжая всматриваться в монокуляр. – Противник вышел из леса и сейчас в поле видимости. Двигается в сторону города. До столкновения с первой лини-

ей обороны 20 минут. Приблизительная численность более трех батальонов. У противника имеются бронированная техника и тяжелое вооружение.

Капитан Хариус снова оттер лоб, но теперь это был его внутренний жар.

– Император защиты. – Тихо прошептал он.

СТАНЦИЯ ВОКС-СВЯЗИ. ДЕНЬ 4

Более двух часов упорных поисков не дали никаких результатов. Единственное, чего они добились за это время, это восстановили освещение во внутренних помещениях башни и отключили внешние прожекторы, дабы избежать проявления излишнего интереса к станции, со стороны предполагаемого противника.

– Кадет-комиссар. – Подал голос Уэбб, опасливо глядя в сторону Кимдэка. – Может, проблема на самом верху. Разрешите проверить?

– Разрешите поддержать. – Согласился Кимдэк. – Здесь мы все осмотрели, и что могли, починили.

Джонас на мгновение задумался, а потом утвердительно кивнул:

– Разрешаю. Уэбб, за мной, наверх, остальным ждать здесь. – Приказал он.

Вдвоем, они выбрались через технический люк на площадку, служившую крышей и с которой, переплетением же-

лезных конструкций, уходил в небо шпиль вокс-вышки.

– И как только они это все развешивали... – Уэбб поморщился, запрокинув голову, и глядя вверх, на развешанные, искалеченные трупы.

– Думай, как найти неисправность, гвардеец. – Резко одернул его Кимдэк.

– Виноват, кадет-комиссар! – Быстро выкрикнул Уэбб.

Меньше всего он сейчас хотел вызвать на себя комиссарский гнев. И все же, через несколько минут их восхождения вверх по стальным стропилам конструкции, он снова заговорил.

– Не, ну кто-то же их сюда затащил. – Бормотал себе под нос молодой водитель. – Не могли же они сами...

Услышав тихий шепот гвардейца, громко, чтобы его было максимально хорошо слышно, кадет-комиссар заговорил, продолжая подниматься по отвесной импровизированной лестнице.

– Губительные силы, гвардеец, способны любого человека свести с ума. Именно поэтому, они так опасны, и любой гражданин Империи, вне зависимости от его статуса, положения, и места в обществе, обнаруживший еретика, обязан немедленно доложить об этом ближайшему представителю власти. Равно как, любой Имперский подданный, вне зависимости от статуса, положения и места в обществе, уличенный в ереси будет незамедлительно передан в руки Священной Имперской Инквизиции для суда, вынесения приго-

вора и последующего за этим, уничтожения.

Уэбб на мгновение зажмурился, представив, как человек поднимается по этим самым железным перекладинам, заменяющим здесь ступени, и пронзает себя насквозь, каким-нибудь ржавым штырем, пригвождая собственное тело намертво к конструкции, чтобы потом медленно и мучительно умереть. Водитель решительно мотнул головой, прогоняя страшное видение, и, тут же, мысленно поклялся, что никогда и ни при каких обстоятельствах, даже на полшага не приблизится к тому, что, хоть отдаленно, будет похоже на ересь.

Они обошли почти все площадки, которые разделяли конструкцию на некое подобие этажей, когда на одной из последней, расположенной почти у самой вершины, Уэбб, внезапно, остановился.

– Здесь, кадет-комиссар. – Указал он на одно из тел, нанизанное на погнутый выступ шпилья, и частично обмотанное, торчащими в разные стороны, проводами.

– Что.

– Вот, здесь. – Уэбб указал слегка дрогнувшей рукой в узкое пространство между начавшим разлагаться телом и одной из опор шпилья. – Прямо под... этим.

Кимдэк пригляделся и увидел разорванный кабель, тянувшийся вверх, вдоль металлической опоры.

– Глазастый. – Кадет-комиссар уважительно посмотрел на водителя. – Быстро вниз, и принеси все, что необходимо

для ремонта.

– Есть. – С радостной улыбкой на лице, Уэбб начал спускаться, а Кимдэк, проводив его взглядом, взял в руки, свисающий на груди монокуляр и, пользуясь представившейся возможностью, принялся внимательно изучать окрестности.

Вокруг было тихо и спокойно. Вдруг, внимание кадет-комиссара привлекло странное марево, появившееся ни откуда, на одной из окраин леса, где деревья образовывали небольшое пространство. Со стороны могло показаться, будто сам воздух в этом месте уплотнился, и начал переливаться радужными оттенками, собирая свои прозрачные складки в завихряющиеся гримасы. Постепенно, уплотняющееся марево сформировалось в воронку, которая начала расширяться, и увеличиваться в размерах. И наконец, в ее мерцающих глубинах, Кимдэк разглядел движение. Сначала, у краев воронки, показались большие, упирающиеся руки, потом их сопротивление было сломлено некой, еще большей силой, и, из переливающегося проема, вылетел гретчин, а следом за ним вышел здоровенный орк, что-то проорав во всю силу собственных легких. Спустя несколько минут, позади него, в пульсирующей воронке, раздался взрыв, и, из марева, вылетело покореженное нечто, в котором угадывался орочий танк. Увидев, во что превратилась боевая единица, зеленокожая тварь разразилась громкими криками гнева. Из портала (теперь, Кимдэк не сомневался, что это был именно портал), раздались ответные крики, и следом за искалеченной

техникой, вышли еще несколько орков, оттолкнув со своего пути, ставшую бесполезной, груды железа.

Молниеносно оценив ситуацию, Кимдэк устремился вниз. Уже, будучи на нижней площадке, он, еще раз, посмотрел в сторону радужной воронки. С каждым вышедшим из нее орком, она понемногу расширялась, и теперь, приобрела внушительные размеры, а перед ней, уже, собралась, перекиваясь и гогоча, изрядная толпа зеленокожих тварей.

– Сержант. – Быстро заговорил кадет-комиссар, обращаясь к Киму оставшемуся стоять на площадке. – Внизу орки. Направляется сюда. Ваша группа останется в башне, укрывшись так, чтоб орки вас не заметили. Вторая группа во главе со мной уведет их отсюда, как можно дальше. Как только зеленокожие уйдут, отвлекшись на нас. закончите ремонт, после чего, сразу возвращайтесь в Рэкум. Это, – он протянул Киму свой инфопланшет и монокуляр, – передайте Лорду-комиссару Тумидусу. Исполнять.

РЭКУМ. ДЕНЬ 4. ВЕЧЕР

Зеленокожая орда рвалась к Рэкуму с остервенением, граничащим с безумием. Словно, некая невидимая сила подстегивала орков, заставляя накатываться на защитников города, волна, за волной. Несмотря на шквал огня, обрушенного на врага из тяжелых орудий, снятых с «Химер» и установленных на стенах, количество зеленокожих не уменьша-

лось, а, казалось, только увеличивалось с каждой минутой. Они продолжали атаковать, невзирая на потери, взращивая перед стеной, окружающей Рэкум, огромный уродливый вал из орочьих тел.

Когда полковнику Райту доложили, что орки подогнали к стене самоходную платформу с тараном и несколькими тяжелыми орудиями, он лишь мрачно сдвинул брови, приказав: «продолжать удерживать позиции, и не подпускать клятых зеленозадых ближе, чем на выстрел».

Под неумолкающие звуки канонады, доносящейся из-за стен города, Алонсо Барро шел по опустевшим улицам Рэкума. Теперь, более чем в день их прилета на планету, город казался заброшенным, доживающим свои последние дни. Две молчаливые фигуры, подобно теням, неотступно следовали за инквизитором. Не сбавляя шаг, Барро миновал охрану, стоящую у входа во внутренний двор, окружающий губернаторский Дворец, и остановился только у самых дверей, ведущих в само здание. Теперь оно казалось еще более хрупким, готовым рассыпаться в любой момент. Точеные барельефы и небольшие статуи, украшавшие Дворец, его изящные лесенки и причудливые колонны, в лучах яркого солнца, навевали мысли о незащищенности и слабости этого места. При входе внутрь, это ощущение только усиливалось, когда визитер погружался в атмосферу зеркал и портиков, картин и статуй, что были выставлены на показ, очаровывая

и отталкивая своей вычурностью, одновременно. Несколько одиноких сервиторов, что-то усердно убирающих в дальнем конце, в отсутствии других слуг, лишь добавляли ощущения обреченности и ожидания скорой развязки. Перешагивая по две ступеньки из розового мрамора, Алонсо Барро, быстро поднялся по лестнице, ведущей на второй этаж. Пройдя по безлюдному, и от того воспринимаемому еще более огромным, холлу, Алонсо на мгновение приостановился перед большими дверями, ведущими в кабинет где его ждал губернатор. Слуга почтительно распахнул дверь перед инквизитором, и тот, не сбавляя шага, зашел внутрь. Слова слуги о том, что губернатор его ожидает, упали вслед его молчаливой свиты, проследовавшей за Барро, и слуга предпочел оборвать себя на полуслове.

– Аве, Император. – Произнес Алонсо, двигаясь от двери к середине кабинета, в то время как двое его сопровождающих, замерли у самого порога.

– Аве, Император. – Губернатор сидела, расположившись в одном из больших кресел, приглашая жестом Барро, занять то, что стояло рядом. – Есть новости, в которые вы бы хотели меня посветить?

– Пока никаких, губернатор.

Говоря это, Алонсо отметил, как поджались губки у Хильдегад, когда она услышала его ответ.

– Присаживайтесь, прошу вас. – Повторила Витинари, ожидая, когда инквизитор, наконец, примет ее приглашение,

однако тот продолжил стоять.

– Я должен переговорить с вашим астропатом. – Алонсо Барро окинул взглядом гобелен, красующийся на стене, на котором была изображена какая-то батальная сцена.

– С Накиром? – Хильдегад проследила взгляд инквизитора, и отвела глаза от гобелена.

Реализм, с которым его автор изобразил сцену, где огромный воин астартес разрывает какого-то ксеноса, всегда вызывал у Витинари внутренний дискомфорт.

– Я хочу узнать, как продвигаются его попытки установить связь с внешним миром. – Голос инквизитора бы сух и сдержан.

Губернатор печально покачала головой:

– К сожалению, все его попытки... – Губернатор тяжело вздохнула. – Мне сообщили, что после последнего сеанса, он почти потерял сознание, и теперь, отдыхает. Я пришлю его к вам, как только, он придет в себя.

– Известите меня немедленно, губернатор. Дело не допускает отлагательств.

– Разумеется. – Она поднялась, видя, что инквизитор не собирается задерживаться. – Милостью Императора, это произойдет скоро, я надеюсь.

– Милостью Императора. – Согласился Алонсо Барро, и покинул кабинет губернатора.

ОКРЕСТНОСТИ НЕМОРИСА. ДЕНЬ 4

Ларн не хотел умирать. Не хотел быть разорванным зеленокожим монстром, или быть застреленным из уродливого подобия оружия, которыми так любили вооружаться орки. Не хотел истекать кровью, когда та железка, которую эти монстры называли чоппой, отсечет ему какую-нибудь из конечностей, или нанесет рану на теле. Он ненавидел тех, кто остался на вышке вокс-связи, в то время как он был вынужден убегать, отстреливаясь по охваченному туманом, лесу, уводя за собой ревущую орду ксеносов. Конечно, он ничего не смыслил в том, что делать, чтобы возобновилась эта чертова связь. Он вообще не понимал во всей той дряни, которой ему приходилось заниматься почти ежедневно. Он, даже лазган, научился перезаряжать, только, с третьего раза, и до сих пор, не мог до конца выучить литанию зарядания. От этого, его оружие то и дело клинило, выходило из годности, ломалось, за что его подвергали разнообразным дисциплинарным взысканиям. Однако все это не несло ни лучшего понимания, ни рвения, вопреки убежденности командиров и, в особенности, комиссаров, что один битый, стоит двух не битых. И все же, по глубочайшему убеждению Ларна, все это никак не могло стать поводом, чтобы умирать сегодня, здесь и сейчас.

Он оглянулся на кадет-комиссара, чей силуэт мелькал

сейчас поблизости, среди стволов, отвлекая на себя орков и уводя их все дальше, в сторону Немориса.

«Хорошо ему, – думал с озлобленностью Ларн, стараясь не привлекать к себе внимания со стороны ксеносов, и все же далеко не отдаляться от своих, – живет на всем готовом, Администратум с Мониториумом его греют, еще и командует тут»

«А если я не хочу умирать за вашего Бога-Императора!» – Воскликнул он про себя.

Метнувшись вправо от возникшего с противоположной стороны, резкого шума, Ларн невольно сократил расстояние, разделяющее его и кадет-комиссара. Двое других гвардейцев, Рамирас и Колль, совершили тотальную ошибку, оказавшись слишком близко к зеленокожим, гнавшимся за ними, словно охотники, загоняющие уже изрядно измотанную, затравленную дичь. Рев звериных глоток, и последующая огневая перепалка, сначала возвестили о том, что началась активная фаза прямого столкновения, но, вскоре треск лазганов, поначалу хорошо различимый среди лающих звуков, издаваемых орочьими стрелялами, затих. Последовавший следом, победный ор, входящих в безудержный раж зеленокожих ксеносов, не двусмысленно поведал о постигшей гвардейцев, участи.

«Нет, – думал Ларн, то и дело, облизывая пересохшие от волнения, губы, – он не даст им вот так, за здорово живешь, убить себя. Он найдет способ выжить. Не важно, ка-

кой. Главное – выжить»

Кимдэк тяжело выдохнул, и с глухим стоном, припал на правую ногу. Ударной волной от залпа, пронесшегося совсем рядом, вырвало куски плоти, частично оголив кость в районе бедра. Изодранный в этом месте подол шинели, болтался лохмотьями, залитыми кровью.

Зеленокожие были совсем близко. Стиснув зубы, Кимдэк заставил себя подняться и двигаться дальше, мысленно повторяя молитву раненого. Совсем скоро орки обнаружат его и тогда...

Возможно, все закончится очень быстро. Короткая очередь или сокрушительный удар одного из орочьих рубил, а потом ослепительная вспышка боли и света прервет его жизнь. Но, возможно и такое, что орки не убьют его сразу. В этом случае, его ожидает бесконечное множество минут, полных мучительной боли, которые могут слиться в долгие часы, а быть может, дни. Кимдэк знал это, но думал сейчас о другом. Ему надо было держаться и продолжать идти, чтобы в погоне за ним, зеленокожие ушли, как можно дальше, от станции. Как можно дальше.

Ларн был совсем близко от Кимдэка, и видел, как кадет-комиссар теряет силы, и как его движения становятся все более замедленными.

«Теперь, отбегался». – Подумал он, и начал потихонь-

ку отползать в сторону, стараясь оставаться при этом, как можно, более незаметным. – «Теперь-то, его точно сцапают. И меня вместе с ним, если вовремя не убраться»

Ларну показалось, что сейчас, самое подходящее время для того, чтобы ускользнуть незамеченным, и добраться до Немориса. Там, среди руин, он смог бы найти все необходимое для выживания. Еду, укрытие, медикаменты, а возможно, и что-то более ценное. Но самое главное сейчас, было отделаться от погони орков. Выжить любой ценой, потому что важнее жизни нет, и не будет ничего. Эта мысль крепко засела у Ларна в мозгу, и теперь, двигала его вперед. Он уже собрался уходить в сторону, когда между деревьями показались оскаленные зеленые морды. Ларн тяжело сглотнул и вжался спиной в ближайший ствол.

«Император, Святые, да Кто Угодно!» – Взмолился он про себя. – «Пусть они пройдут мимо. Не заметят меня и пройдут мимо!»

Чувствуя, как на лице появляется испарина, Ларн сначала услышал шумное дыхание, и запах немых тел ксеносов, который показался гвардейцу настолько близким, что уходящий в самый низ живота, желудок, закрутило в спазме. Стало настолько страшно, что захотелось, вопреки всякому здравому смыслу вскочить, и кинуться бежать прочь отсюда, крича во всю силу своих легких. Но Ларн сдержался, и продолжил сидеть, прижимаясь мокрой до озноба спиной в ствол дерева. Перекатываясь по набухшей от пота гим-

настерке, капли испарины, превращались в мелкие холодные кристаллы, и рассыпались по телу мелким ознобом. Когда небрежный шум, издаваемый орками, сместился левее, и от того места, куда повернули зеленокожие ксеносы, раздались выстрелы, Ларн сделал первый за последнюю, столь долго длившуюся минуту, вдох. По его зардевшемуся лицу пробежали ручейки пота, липкого, как и тот страх, что спеленал его изнутри. Перестрелка еще немного сместилась, но продолжалась не долго, и вскоре окончательно стихла.

Боясь вдохнуть глубоко, на подгибающихся ногах, Ларн медленно поднялся с места, на котором сидел. Путаясь в собственных мыслях, и рваных, нервных движениях, он попытался прислушаться, в надежде определить, в каком направлении ушли ксеносы. Через несколько минут, которые показались Ларну мучительно долгими, он вновь услышал удаляющуюся перестрелку, на этот раз, справа от себя. Короткие, лающие очереди продолжилась, немного сместившись. Судя по всему, орки вышли на оставшихся гвардейцев. А потом, звуки боя начали отдаляться, и вскоре, снова затихли. Все еще дико озираясь по сторонам, Ларн сделал несколько шагов вперед, и вышел на небольшую опушку, посреди которой, он увидел лежащего кадет-комиссара.

Тело Кимдэка распростерлось на земле, с широко раскинутыми руками, словно в последнем движении, кадет-комиссар распахнул их, подобно крыльям, для полета.

«Точно, семижильный!» – С невольным восхищением по-

думал Ларн, когда увидел, как неподвижное до этого, тело кадет-комиссара дернулось, и Кимдэк открыв глаза, принял тщетные попытки приподняться на локтях.

Где-то в отдалении, не то слева, не то, справа, снова раздался треск, и Ларн вздрогнул. Еще одна группа орков двигалась по лесу в поисках тех, кого можно сделать своей добычей. Кадет-комиссар, тоже услышал этот звук. Он сделал несколько тяжелых, хрипящих вдохов, перевел мутный, рассеянный взгляд на Ларна, и хриплым натужным голосом произнес:

– Дай мне одну. – Гвардеец проследил за взглядом Кимдэка и понял, что тот смотрит на подсумок с гранатами, закрепленный у него на поясе. – Одну, а лучше несколько. Чтобы наверняка. И привлеки их. Сюда. Тех, что останутся после взрыва, уводи.

Кадет-комиссар надрывно закашлялся, и Ларн отчаянно замотал головой.

– Гвардеец, это приказ! – Кимдэк снова закашлялся, на этот раз, еще сильнее, после чего, часто и тяжело задышал.

– Нет. – Ларн увидел, как едва двигаясь, но преодолевая смертельную слабость, рука кадет-комиссара потянулась к болт-пистолету.

И тогда, ведомый внезапно вспыхнувшей ненавистью, он подскочил к раненому, и замахнулся прикладом лазгана.

– Не угадал! – Зло произнес Ларн, и, со всей силы, обрушил удар в лицо Кимдэка.

СТАНЦИЯ ВОКС-СВЯЗИ. ДЕНЬ 4

Небольшая группа гвардейцев, двигалась через лес, оставляя позади вокс-станцию.

– Разрешите обратиться. – Подал голос Уэбб.

– Обращайтесь. – Отозвался Ким.

– Как думаете, их них, кто-то выжил?

Сержант нахмурился.

– Император защищает. – Ответил он, наконец.

Уэбб замолчал, но выдержав небольшую паузу, снова заговорил.

– Как думаете, что будет, когда мы вернемся в Рэкум?

– Запомни, гвардеец, – Ким, и едва заметно усмехнулся, – сначала, переживи сегодня, а уж командование обязательно сообщит планы на то, где и как, ты должен умереть завтра. Понял?

– Так точно, сержант. Понял.

– А если больше глупых вопросов нет, тогда, по машинам! – Скомандовал Ким.

Он до крови закусил губу, чтобы не застонать и с трудом открыл, словно налитые свинцом, веки. Боль пульсировала в груди, расходясь во все стороны концентрическими кругами. На лицо, казалось, наложили плотную, тугую маску, сковывающую губы, и залившую ноздри, так что было невоз-

можно глубоко вдохнуть. Он не мог сказать, сколько пролежал без сознания, однако, но последние, слабые лучи солнца, покинули просветы между деревьями, позволив лесу погрузиться в зыбкий полумрак. Вокруг все стихло. Не было слышно ни звуков боя, ни стонов раненых. Судя по всему, орки ушли, ведомые гвардейцами из его отряда, или просто убрались, потеряв цель, которую можно преследовать. Начавшийся с приходом ночи, холод окутал все его тело, так, что Кимдэк почти его не ощущал, и лишь разламывающая грудину боль, разливалась от эпицентра посередине грудной клетки. Медленно, словно во сне, Джонас поднял руку, и попытался дотронуться до источника боли. Это движение отозвалось режью в мышцах, и новым спазмом в груди, от которого Кимдэк закашлялся. От этого кашля потемнело в глазах, заложило уши, а боль внутри груди усилилась настолько, что стала невыносимой. Ему потребовалось несколько минут, после того, как мучительный спазм прошел, для того, чтобы прийти в себя, и предпринять еще одну попытку подняться. Ему удалось это не сразу, преодолевая, разгоревшуюся от движений, боль в груди, и, сжимая зубы так, что едва не начали крошиться от напряжения. С трудом, Кимдэк поднялся на ноги, и медленно восстанавливая в памяти последние события, нащупал под шинелью, в том месте, куда пришлось ранение, небольшой сборник литаний в жестком, кожаном переплете, с инкрустированным стальным Имперским орлом. Пуля, выпущенная из орочей стрелялы, проби-

ла молитвенник насквозь, застряв где-то в груди.

Стараясь не думать о боли, Джонас зашептал, с трудом выговаривая слова:

– Хотя тело мое сломлено, хоть моя кровь льется, хоть мое время может закончиться, Бессмертный Император встретит меня, и я буду объят Его Святостью, если только я пронесу верность Ему через это время мучений.

Его мысли начали постепенно проясняться и, как будто, прибавилось сил. Он сделал несколько не твердых шагов, но тут же повалился обратно на землю, осознав что совсем не чувствует правой ноги, перетянутой наспех ремнем. Кимдэк вспомнил, как успел сделать это, еще после первого ранения. Но, не смотря на это, лохмотья, в которые превратилась нога на внешней стороне бедра, чуть выше колена, продолжали кровоточить. Джонас нащупал небольшую поясную сумку с фарматеком. Почти не гнушимися от охватившей его слабости пальцами, достал оттуда тубик с синтеплотью, и постарался залить рану на ноге, прямо поверх одежды. После чего, ослабил ремень, играющий роль жгута. Резко хлынувший в конечность, кровоток, заставил Кимдэка глухо зарычать. Справившись с этой, новой волной боли, Джонас вновь попытался подняться. На этот раз, это у него получилось, и он, то и дело, опираясь на стволы деревьев, и тяжело хромя, начал медленно продвигаться вперед, туда, где по его предположению, должен был находиться Неморис. Сознание кадет-комиссара, то и дело провали-

валось в мертвенную черноту, но даже в таком состоянии, он упорно двигался дальше, на подгибающихся ногах, почти ползком, но с непередаваемым упорством, ведомый стальной волей.

«Боль это иллюзия тела» – Повторял про себя Кимдэк в минуты, когда понимал, что вот-вот упадет, не добравшись до цели.

Сколько времени так продолжалось, он не знал, но, в конце концов, те крохи сил, что еще были в кадет-комиссаре, оставили его измученное тело. Он сделал еще несколько шагов. Впереди замаячил просвет. Лес заканчивался, и Неморис был совсем близко.

– Служение свое посвящаю Тебе, Бог-Император Человечества. – Уже теряя сознание, прошептал Кимдэк. – Требуй меня, ибо вера моя абсолютна.

Когда их небольшой отряд вышел к кромке леса, Ким сделал знак рукой, призывая остановиться. Он достал монокуляр, и начал пристально всматриваться в очертания, показавшегося впереди поселения, выискивая в нем, хоть какое-то движение. Убедившись, что таковое отсутствует и угрозы ксеносов не обнаружено, Ким уже собирался отдать приказ двигаться дальше, когда заметил едва заметное шевеление слева, на самом краю лесного массива. Он подкрутил резкость и присмотрелся. Там, едва передвигая конечностями, полз человек.

– Кажется, кто-то из наших. – Прошептал он, и повернулся к одному из гвардейцев.

– Юджин, фарматек у тебя?

– Так точно.

– За мной. – Скомандовал сержант. – Остальным ждать здесь.

Его сведенные от напряжения мышцы агонизировали, посылая в мозг сигнал немедленно остановиться. Но, стоящий рядом инструктор сурово смотрел на него и говорил суровым и непреклонным тоном:

– Плохо, кадет. Очень плохо! Повторить упражнение! Повторить! Повторить!

И он повторял. Раз за разом, отвергая мучительные протесты одеревеневшего, измученного тела. Он должен был проползти под этими треклятыми, натянутыми так низко, нейрожгутами, не зацепив ни один из них. И, раз за разом, у него не получалось. Он задевал исходящие низким гулом нейрожгуты, получая удар током, с каждым разом, все увеличивающийся.

– Плохо! Очень плохо! Повторить! Повторить! Еще раз, кадет! Еще раз!

Затем, в какой-то момент голос инструктора начал отдаляться, и его сменил голос Лорда-комиссара Тумидуса.

– Комиссар не имеет право на слабость или жалость. – Строго произносил он. – Ни к себе, ни к другим. Исполнять

долг любой ценой, только так вы должны жить.

...Внезапно, чьи-то сильные руки подхватили его и перевернули, потом, что-то коротко ударило в шею, и почти тотчас, по венам начало разливаться приятное тепло, отгоняя терзавшую его боль.

– Исполнить любой ценой. – Прошептал Кимдэк распухшими от удара губами.

– Ты выполнил. – Произнес чей-то знакомый голос, далекий и близкий, одновременно. – Все выполнил. А теперь, спи. Отдыхай.

И сказал куда-то в сторону:

– Аккуратнее, поднимай его. Ногу аккуратнее. Вот так. Понесли.

РЭКУМ ДЕНЬ 4. ПОСЛЕ ЗАКАТА

Улицы Рэкума были пусты. Прекратившие под вечер свои атаки, орки, подарили городу несколько часов передышки и тишины, давая время для подготовки к дальнейшей схватке. То, что орки скоро возобновят атаку, не вызывало сомнений. И то, что им не удалось с наскока захватить город, вовсе не означало, что проклятые зеленокожие, так запросто, отступят. Знавший об орках не понаслышке, полковник Райт снял большую часть гвардейцев с защиты главных ворот, и распределил их по периметру стены, акцентируя внимание на тех ее участках, где было бы легче всего проникнуть

в город. Райт ожидал, что именно в таких, слабых сегментах, орки постараются устроить прорыв с помощью техники либо, просто, попытаются перебраться через стены. Однако, катастрофически малая численность гвардейцев, не позволяла распределить силы так, чтобы вся городская стена была защищена должным образом. И это была главная проблема. Второй проблемой стал ограниченный запас снарядов для тяжелых болтеров. Этого незаменимого оружия в войне против орков.

Размышляя над всем этим, Гай Тумидус покинул душное помещение комиссариата и вышел на улицу. Там, в тусклом свете прожекторов и фонарей, он замер на мгновение, словно что-то взвешивая, и, после непродолжительного раздумья, отрицательно покачал головой самому себе.

«Сегодня не тот день» – Решил он, и рука, сначала потянувшаяся ко внутреннему карману шинели, скользнула обратно.

С давних пор, он уже не мог точно вспомнить, как долго, там лежала палочка лхо, изъятая в незапамятные времена у гвардейца или кадета. Гай Тумидус не помнил, точно, у кого и при каких обстоятельствах это произошло, но с тех самых пор, палочка лхо осела в глубине его кармана, и время от времени, Гай Тумидус вспоминал о ней. Часто, в такие дни, как сегодня, его рука тянулась, чтобы достать ее и закурить, но каждый раз он говорил себе, что сегодня, не самый худший день в его жизни, и, наверняка, не последний.

А значит, не лучшее время, чтобы положить начало вредной привычке.

НЕМОРИС ДЕНЬ 4. ПОСЛЕ ЗАКАТА

Кимдэк зашелся судорожным кашлем, и открыл глаза.

Невдалеке раздался чей-то голос:

– В себя приходит, сержант.

В ответ раздалось шевеление, и следом послышались шаги.

– Просили разбудить, когда очнется. – Сказал тот же голос.

– Ступай отдыхать. – Кимдэк узнал второй голос, принадлежавший Киму.

– Сержант. – Джонас заговорил с трудом, не узнавая собственного голоса. – Доложите обстановку.

– Кадет-комиссар, мы в Неморисе. – Ким склонился над раненым. – Вы были ранены. Пулевое ранение в грудь. И нога у вас сильна пострадала.

– Что со станцией? – Кимдэк говорил прерывисто, хватая воздух ртом, задыхаясь от щемящей боли в груди.

– Приведена в рабочее состояние, кадет-комиссар.

Станция работает, вокс-связь восстановлена.

– С Рэкумом связались?

– Так точно, кадет-комиссар. Связались, и я, лично, доложил текущую обстановку. Рэкум подвергся нападению ор-

ков.

На этих словах сержанта, Джонас судорожно закашлялся. На его побледневших губах, показалась кровь.

– Пуля. – Ким хмуро посмотрел на кадет-комиссара. – Ее извлечь не получилось. Мы рану синтеплотью залили, чтобы не кровило.

Кимдек тяжело задышал, восстанавливая сбитое приступом кашля, дыхание.

– Продолжайте, сержант.

– Атака зеленокожих отбита. Капитан Роглев успел предупредить о готовящемся нападении. Он вернулся на «Красавчике», вместе с теми гвардейцами, которых мы оставили его охранять. Больше, – Ким понизил голос, – из третьей роты не выжил никто.

Кимдэк, на мгновение, прикрыл веки.

– Ну, кроме нас. – Добавил сержант, после непродолжительной паузы.

– Завелся, значит. – Кимдэк говорил, тяжело выговаривая слова.

– Завелся. – Только и кивнул сержант Ким.

– Хорошо. – Джонас устало прикрыл веки, но через мгновение, снова открыл их. – Докладывайте мне обо всех изменениях. Немедленно.

– Так точно, кадет-комиссар. – Ким сложил на груди аквилу.

Затем, увидев, как веки Кимдэка, медленно закрылись,

жестом подозвал Юджина.

– Дежуришь возле раненого, и, смотри, не дай ему подняться. – В этот момент, находящегося в полузабытьи, кадет-комиссара, скрутил тяжелый приступ кашля, после которого Кимдэк тяжело и шумно задышал, очевидно, еще более проваливаясь в беспмятство.

Сержант перевел взгляд с Кимдэка на Юджина:

– Если понадобится, вколи ещё полдозы обезболивающего со снотворным. Ему необходим покой.

ОКРЕСТНОСТИ НЕМОРИСА. ДЕНЬ 5

Кимдэк пришел в себя от мерного покачивания, словно он плыл по воде. Он глубоко вздохнул, насколько это позволяла стянувшая грудь синткожа, и разлепил отекшие веки. Боль в груди была уже не настолько острой, зато слабость во всем теле чувствовалась такая, что Кимдэк, даже, не предпринял попытки, хоть немного, приподняться. Вместо этого, он закрыл глаза и зашептал молитву Императору, о придании силы.

– Сержант, где мы? – Спросил он, когда силы начали, понемногу, к нему возвращаться. – Доложите обстановку.

– Возвращаемся в Рэкум, кадет-комиссар.

Кимдэк попробовал повернуть голову.

– Как мы движемся?

– Идем напрямую, через этот, долбаный варпом, лес.

– Отставить, сержант.

– Есть, отставить. Движемся по азимуту, кадет-комиссар.

– Вам надо было оставить меня в Неморисе. – Кимдэк поморщился от очередного приступа боли. – Так было бы проще.

– Да ну, конечно. – Отозвался Ким. – Брошу раненого, а сам уйду. Прямо как гребаный культист какой.

– Не подчинились бы приказу, сержант?

– Не этому. – Твердо пообещал Ким, и с усмешкой добавил. – Ниже рядового не разжалуют, дважды не казнят.

РЭКУМ. ДЕНЬ 5

Предположения полковника Райта подтвердились. С первыми лучами солнца, орки возобновили атаку на город.

До полудня оставалось полтора часа, когда один из сегментов городской стены, рухнул, и разъяренная орда зеленокожих хлынула в образовавшуюся брешь, оказавшись на территории ремонтных цехов. Отряд гвардейцев, занимавший позиции на этом участке, и первым принявший на себя удар орочьей орды, был уничтожен, почти полностью.

...Сэмюель Ашер открыл глаза и понял, что ничего не видит и не слышит, словно на его голову накинута плотный, свисающий до груди капюшон, туго перетянув его у основания шеи. Постепенно, на смену этому образу пришел другой, менее размытый и абстрактный, и Ашер понял, что его ли-

цо залито чем-то горячим. Он попытался стереть это со своего лица, и почувствовал под пальцами кровь. В голове зашумело, и он осознал, что вопреки ожиданиям, не слышит ни выстрелов, ни криков. Вообще, ничего. Он попытался прислушаться, изо всех сил напрягая слух, но так ничего и не услышал, как будто в уши набили влажной земли, наглухо их запечатав. Он отчаянно тряхнул головой, силясь вытряхнуть то, что мешало его слуху, или в этом резком движении, вернуть себе возможность слышать. Это оказалось бесполезным. Вокруг, по-прежнему, стояла мертвая тишина.

«Не может быть» – Мысли в голове путались, цепляясь одна за другую, смещая сами себя, подобно медленно наползающим слоям оползня.

«Кто здесь? Я остался один? Мы победили? Бой кончился?»

Ашер попытался ощупать себя: руки, ноги, все на месте, ран нет.

«Почему я не вижу?»

Пальцы вновь заскользили по лицу, но было ощущение такое, словно совершенно чуждые ему обрубки касаются не его лица.

«Как много крови. Это не может быть моей кровью. Только, моей, и ни чьей больше»

В конце этой мысли, Сэмюэль хотел было открыть рот, чтобы позвать кого-нибудь на помощь, но тут же, что-то сильно неподъемное и темное, как ночь, сдавило грудь, об-

вивая его, и не давая шевельнуться. Тяжело и натужно, Ашер попытался преодолеть это давление, и глубоко вздохнуть, но незримые путы, лишь сильнее впивались в грудь, проминая ее до самых легких. В конце концов, с превеликим трудом, ему удалось чуть ослабить ужасное давление, от которого готовы были лопнуть легкие, и тогда, дышать сразу стало намного легче.

«Наверное, меня придавило каким-нибудь телом, поэтому, я не слышу шума боя и ничего не вижу» – Подумал он. – «Ну, да. Меня придавило. И чья-то кровь залила мне лицо. А бой. Бой, скорее всего, уже закончился»

Сэмюель вытянул вперед руки, чтобы сдвинуть то, что так настойчиво прижимало его к земле.

«Проклятые ксеносы отступили. – Мелькали мысли в его голове, одна за другой. – Мы же гвардия. Конечно, мы победили. Мы не могли не победить»

Что-то, вновь, схватило Ашера своей неумолимой хваткой. Он начал опять задыхаться, на этот раз, еще более жестоко, чувствуя, как крошатся под необоримым натиском, сдавливаемые ребра.

«Надо срочно позвать на помощь. Тогда меня найдут. Обязательно, найдут»

С этой мыслью, Сэмюель Ашер, из последних сил постарался вобрать в грудь, как можно больше воздуха. Со второй попытки, ему это, наконец, удалось, и он закричал...

Пуля прошила гвардейца насквозь, войдя в грудину и пе-

ребив на выходе шейный отдел позвоночника. Одна из сестер попыталась его перевязать, когда парализованное выстрелом тело, внезапно, выгнулось, и из открывшегося рта потекла кровь.

Алита Штайн, не отрываясь от гвардейца, которого перевязывала рядом, протянула молодой послушнице инъектор:

– Помоги ему.

– Но, это... – Послушница на мгновение замерла, увидев на одной из стенок, протянутого инъектора красный маркер, смертельного препарата.

– Единственное, что ему, теперь, поможет. – Отозвалась Штайн, видя, охватившую послушницу, нерешительность.

Но та, уже справилась с минутной слабостью, и уже приставила инъектор к шее смертельно раненного гвардейца.

– Прости меня. – Прошептала она, вводя мутную жидкость умирающему, в набухшую, пульсирующую вену. – Ты исполнил свой долг, а я должна выполнить свой.

Она еще не ввела всей дозы, когда обреченный гвардеец вздрогнул всем телом, и резко обмяк, словно превратился в безвольную тряпичную куклу. Сестра-послушница провела ладонью по закопченному, покрытому сажей и кровью лицу умершего, закрывая его остекленевшие глаза. В последний миг, когда под ее рукой веки павшего, дрогнув, начали смыкаться, ей показалось, что выражение его глаз поменялось. Что в его потухших зрачках, обрамленных радужкой цвета бесценного янтаря, не было больше отчаяния. Лишь

покой и умиротворение.

...Ему, все же, удалось закричать и одновременно с этим, к нему вернулся слух. Сначала, Ашер услышал шаги. А потом, кто-то позвал его по имени.

«Я здесь!» – Отозвался Сэмюель, ликуя внутренне от того, что обрел голос и слух.

Дело оставалось за малым. Вернуть себе зрение. Но это должно было произойти совсем скоро. Ашер знал это наверняка, потому что уже слышал, как чьи-то сильные руки начали раскидывать завал. Звуки пробивающихся к нему людей, становились все ближе, и с каждым мгновением дышать становилось все легче, пока не стало, совсем легко. И тогда, Сэмюель Ашер увидел долгожданный свет...

РЭКУМ ДЕНЬ 5. ПОСЛЕ ЗАКАТА

Графт поежился. Холодный порыв ветра пронизал насквозь полинялый, рабочий комбинезон, и Армений засунул руки, поглубже, в карманы. Он подумал, что теплый сезон скоро закончится, а когда им выдадут утепленную спецодежду, известно одному Императору, да еще тому... (в этом месте рабочий, задумавшись, замедлил шаг, подбирая наиболее близкое по смыслу, слово), словом, кто принимает решение, достаточно уже холодная погода, с точки зрения чиновников Муниторума, или еще нет.

Когда Графт дошел до узкого перешейка, отделяющего

рабочие квартал от административного, дорогу ему перегородила боевая машина. Армений начал огибать грозную «Химеру», и, подойдя чуть ближе, увидел, закрепленные на броне, различные инструменты, типа тех, что висели у них в заводском цеху, на пожарном щите. Среди прочих, его внимание привлек один арматурный прут, к которому была приварена полоса металла.

– Что это? – Приблизившись, он указал рукой на странный, явно самодельный инструмент, закрепленный, между топором и лопатой, обращаясь одному из членов экипажа, стоящего возле боевой машины.

– Что? – Гвардеец резко развернулся в сторону подошедшего рабочего, бросив на того настороженно презрительный взгляд.

– Эта хрень. – Графт кивнул на странный багор.

Гвардеец проследил, куда указывает человек в спецовке, и недобро улыбнулся:

– А, это... – Он оскалился еще сильнее. – Швабра. Для фарша.

– Какого фарша? – Непонимающе протянул Армений.

– Человеческого. – Уже без улыбки, с суровой ненавистью в голосе, ответил водитель. – Когда с гранатомета попадают в десантный отсек или в боеуклад... короче эта швабра, фарш из дес-отсека выгребать. Пригоревший.

На долю секунды повисло напряженное молчание, разбитое вырвавшимся у рабочего восклицанием.

– Задница на Золотом! – Выругался Графт и сплунул, представив себе, как должна выглядеть уборка такой шваброй.

– Разговоры! – Быстрым шагом, к ним подошел один из кадет-комиссаров, на ходу обращаясь к гвардейцу. – Почему стоим?

– Мотор заглох, кадет-комиссар. – Мгновенно рапортовал тот. – Ожидаю технопровидца, чтобы тот обратился к Духу Машины. Остальное отделение выполняет боевую задачу на передовой линии.

Леман Доу отрывисто кивнул и, тут же, перевел взгляд на человека в рабочем комбинезоне:

– Что здесь делаешь? Почему не в рабочей зоне? – Строго спросил он.

– Никакого умысла, господин начальник. – Армений по привычке, продемонстрировал пустые ладони, вытянув руки перед собой. – Было объявлено, чтобы все, кому известны проходы в город в обход основных ворот, немедленно сообщили.

– Располагаешь нужной информацией? – Быстро спросил Доу, сверля рабочего пристальным взглядом.

– Точно так, господин начальник. Как выйти из города через сеть подземных коммуникаций. – Голос Графта, все еще, звучал не вполне уверенно, но с каждым словом, становился все более твердым. – Под Рэкумом есть сеть старых шахт. В них можно попасть из подсобных помещений при резер-

вуарах хранения. Я был их смотрителем одно время, и знаю, как там все устроено. Все они были засыпаны в свое время, но часть грунта просела, образовав каверны, так, что они слились в тоннель, по которому можно покинуть город. Я могу по нему провести, если потребуется.

– В комиссариат. – Коротко бросил Доу, дослушав рассказ рабочего. – Расскажешь там в подробностях.

– Я туда и шел, господин начальник. – Армений продолжал все это время держать руки вытянутыми перед собой, и, стараясь не смотреть кадет-комиссару в глаза.

– Вперед. – Приказал Леман, разворачиваясь, и пропуская рабочего перед собой, чтобы сопроводить к комиссариату.

Графт, не говоря более ни слова, проследовал, как ему было приказано, и, стараясь не думать о двух вещах, думы о которых отогнать, совершенно не получалось. О болт-пистолете, на поясе кадет-комиссара, который строго следовал за ним, шаг в шаг. И о том, что меньше всего в жизни, он хотел бы оказаться в десантном отсеке «Химеры», когда туда попадет ракета или разрывной болт-снаряд тяжелого стаббера.

РЭКУМ. ДЕНЬ 6

Они спускались все ниже и ниже, пока не добрались до самого последнего этажа. Лифт не работал и все расстояние, в глубину на несколько этажей, они бежали по узкой лест-

нице с крошащимися ступеньками. Когда группа рабочих, наконец, достигла последнего уровня, Сотис, один из бригадиров, достал из-за пазухи какой-то сверток. Иранде, сразу не понравился этот большой кулек, в несколько слоев заматанный в грязную, промасленную тряпку.

– Отойдите все. – Сказал Сотис, явно, нервничая. – Сейчас я.

Люди переглядываясь, отошли от дверного проема и лестницы, по которой они спустились.

– Дальше. – Скомандовал Сотис, с нотками беспокойства в голосе.

Он взвесил на раскрытой ладони сверток и замахнулся им, как для броска.

– Еще дальше! – Крикнул он на столпившихся позади него людей.

И, когда толпа отпрянула от его окрика, словно ужаленная нейробичем, зашвырнул сверток, как можно выше по лестнице. Сотис едва успел отбежать к остальным, когда раздался взрыв, и дверной проем завалило тем, что осталось от лестницы.

– Вот так. – Произнес бригадир, и Иранде показалось, что губы его, слегка дрожат. – Теперь ксеносы нас не достанут.

Рабочие позади Сотиса зашептались, и начали затравленно переглядываться. Напуганные рассказами о зверствах орочьей орды, о том, что они делают с людьми, оказавшимися в их власти, они решили укрыться на нижних этажах

одного из жилых комплексов, и там отсидеться. Отвергнув предложенную властями возможность выступить на защиту Рэкума с оружием в руках, и не дожидаясь, когда из права это превратится в повинность, их бригада под предводительством Сотиса, пришла сюда, в огромный жилой комплекс, нижние этажи которого были теперь заброшены, после того, как численность рабочих в Рэкуме, была сокращена до минимума.

Взрыв едва успел отгреметь, и каменная пыль, посыпавшаяся с потолка еще не осела, как от толпы людей вперед выступил один в потертом комбинезоне, с рукавами спецовки, закатанными выше локтя. Руфус. Высокий, со шрамом перечеркивающим его лицо, от уха до уха. Он не любил молчать, всегда высказывался, если был с чем-то не согласен, и периодически вступал в спор с бригадирами, за что регулярно нес наказания, хоть и без видимых результатов. Иранда не знала, что было в его прошлом, до того, как три года назад, он попал на Ферро Сильва, но, в целом, догадаться было не трудно. Глядя на его прокаченную фигуру с рельефными мышцами, с широкими порами на большом мясистом лице, постоянно забитыми потом и сажой, оттого кажущимися мелкой черной дробью, вонзившейся в кожу, его прошлое представлялось боевиком в какой-либо банде или охранником мелкого клан лидера там же. На это же указывали клановые татуировки, украшавшие его руки от локтей до самых кистей рук, которые сейчас сжимались в большие увесистые кулаки.

– И как теперь мы отсюда выберемся? – Будучи на голову выше бригадира, Руфус смотрел на него сверху вниз, нависая своей массивной тушей.

– Когда все закончится, – было очевидно, что бригадир волнуется, но старается говорить ровно, и сдержано, – включат лифты и нас поднимут.

– О нас, даже не вспомнят! Нижние уровни не заселены, так что сюда никто давно не ходит. Да ради таких как мы, они, даже, жопу свою не почешут, не то, чтобы починить подъемник.

Говоря все это, Руфус медленно надвигался на бригадира, пока тот, отступая шаг за шагом, не уперся спиной в стену, рядом с заваленным выходом.

– Ты только что убил нас, выпердыш грокса. – Процедил Руфус сквозь щербатый рот, и, изо всех сил, ударил бригадира по лицу...

...Сотис, а точнее тот бесформенный кусок мяса, в который он превратился, больше не шевелился, не подавая признаки жизни. Руфус занес руку для очередного удара и остановился, внезапно осознав, что последние несколько минут, он наносил удары по безжизненному телу. Тогда, он поднялся с колен и провел ладонью по своему лицу, размазывая по нему кровь.

– Ну, хоть поживем напоследок по-человечески. – Внезапно, Руфус широко улыбнулся, демонстрируя оскал своих

неровных зубов.

Иранда содрогнулась при виде его раскрасневшегося, с кровавыми разводами лица, и, с побелевшим, теперь, казавшимся еще более уродливым, шрамом. С ужасом, Иранда подумала, что было время, когда Руфус ей, даже, нравился. Сильный и своенравный. Но сейчас, после всего случившегося, она испытывала к огромному, напоминающему огрина рабочему, только отвращение и страх.

– Что скажете, братцы, поживем? – Руфус, под слабый, замирающий гул толпы, перерастающий в согласные, одобрительные возгласы, шагнул к Иранде. – Поживем, еще как поживем. Никаким богам разврата и похоти такого не снилось, как мы поживем.

Она задрожала, пронизанная холодом, родившимся где-то внутри нее, и охватившим все ее естество за долю секунды. Завороженная нереальностью происходящего, в которое она отчаянно не хотела верить, Иранда смотрела, как медленно поднимается большая, изрисованная татуировками, рука Руфуса, и приближается к ее побледневшему от страха, лицу.

– Правда? – Он взял ее грязными, пахнущими прогоркшим маслом пальцами, за подбородок.

Иранда почувствовала себя загнанной в ловушку. Удерживаемая его руками, больше похожими на железные тиски, она озиралась по сторонам, в поисках поддержки, и не находя ее. Ее взгляд, затравленный и мечущийся, наткнулась на грубые лица, исполненные злобой, безразличием, похо-

тью и животным страхом.

– Ты ведь скрасишь наши последние часы, перед тем, как мы начнем убивать друг друга, понукаемые голодом, отчаянием и удушьем? Иран-да?

– Император защищает. – Пробормотала она.

– Император защищает. – Руфус хищно оскалился, и вдруг, грубо, разбрызгивая изо рта слюну, рассмеялся. – Защищает верных своих, и преданных своих. А на нас, он мочится! Со своего золотого, невъебенного такого, трона, мочится! Уж поверь, ему нет дела, ни до одного из нас.

– Подружкой твоей, мы тоже займемся. – Остановив потоки устрашающего смеха, Руфус кивнул в сторону еще одной женщины, стоящей неподалеку и бледной, как полотно. – Но, позже... когда ты износишься.

Руфус снова засмеялся. Показно, с вызовом и ожесточением в каждом издаваемом им, звуке. От этого смеха, мурашки поползли по спине Иранды. Она, еще раз, с бесконечным отчаянием во взоре, огляделась по сторонам, убедилась, что никакой надежды на спасение нет, и, до глубины души пожалела, что не осталась наверху, защищать город. Страшное осознание происходящего, накрыло ее с головой, как цунами накрывает беспомощного, тщедушного человека. Она поняла, что будет жалеть об этом, всю свою недолгую, оставшуюся ей, жизнь, и закрыла глаза, чтобы не видеть, что будет дальше.

РЭКУМ. ДЕНЬ 6. ПОСЛЕ ЗАКАТА

Алита Штайн, Палатина Ордена Феникс, закурила, утренняя дрожь в уставших пальцах. После заката наступление орков прекратилось, и тяжелые орудия замолчали. Но благословенная тишина не наступила. Яростный шум боя уступил место стонам раненых, шепоту молитв и предсмертным крикам умирающих. Большую часть, доставленных в их приход людей, составляло гражданское население. Сегодня, к полудню прорвавшиеся в город орки, продвинулись до жилых блоков и учинили там настоящую резню. Они убивали и калечили всех, без разбора, и в первую очередь тех, кому нечем было себя защитить. Часть рабочих предпочла спуститься на нижние уровни барачных, уходящих под землю, и спрятаться там, заваливая входы изнутри, тем самым, обрекая себя на медленную, мучительную смерть, в том случае, если верхние этажи будут полностью захвачены орками, или если им не удастся расчистить завалы и баррикады. Однако перспектива встретиться с безжалостными ксеносами прямо сейчас, пугала их еще больше. Были и те, кто, вооружаясь, чем только можно, вступали с орками в бой. Но только к вечеру, защитникам удалось отбросить зеленокожих обратно, на территорию ремонтного цеха и сортировочного сектора.

Глядя на бесконечный поток прибывающих раненых, Штайн задумалась, что совсем скоро, их количество подни-

мется до той отметки, когда сестры будут не в состоянии оказать помощь всем. Еще сегодня утром, Алита Штайн отдала распоряжение экономить медикаменты, и при операциях использовать только местную анестезию, либо обходиться, вообще, без нее, оставляя наркоз для особо серьезных случаев и операций. И теперь, глухие, плохо сдерживаемые стоны, незримой аурой боли, окутавшие госпитальные палаты, выворачивали ее душу, оглушая сильнее, чем грохот выстрелов и взрывов.

Только сейчас Алита поняла, что ничего не ела со вчерашнего вечера. Но, как только она об этом подумала, к горлу подкатил неприятный комок. Вряд ли бы ей удалось, сейчас, проглотить хоть один кусок, чтобы не выbleвать его потом обратно.

«Горячий рекаф должен помочь» – подумала она, делая глубокую затыжку.

Она уже собиралась воспользоваться выдавшейся свободной минутой и заняться этим вопросом, когда услышала сзади торопливые шаги:

– Сестра, – по голосу, Алита узнала Ванессу, – там один раненый. Ему совсем плохо.

– Что с ним? – Бросила Штайн на ходу, поспешно следуя в палату, на которую указала молодая послушница.

– Его только что прооперировали. – Невысокая ростом, Ванесса едва поспевала за широкой походкой Палатины. – Операция прошла без осложнений, но потом, у него резко

поднялась температура, и его, всего, начало трясти.

– Шок. – На этих словах, Алита вбежала в палату.

А в следующее мгновение, она увидела, как лежащий у дальней стены, раненый, в агонии, пытается сорвать с себя синткожу.

– Ремни! – Крикнула Алита, подбегая к раненому. – Быстрее!

Но Ванесса, вместо того, чтобы быстро выполнить приказ, замерла. Она смотрела, как Алита пытается удержать раненого, который вырвался, словно одержимый; слышала его стоны, переходящие в хриплый рык; и, медленно перебирала пальцами левой руки, будто, что-то пересчитывая.

– Живо! – Алита оглянулась, чтобы понять, почему медлит Ванесса.

Этого хватило, чтобы хватка ослабла, и раненый вырвался. В это время дверь в палату открылась.

– Разрешите... – Заглянувший внутрь гвардеец, молниеносно, оценил ситуацию.

В следующее мгновение, он уже был возле раненого, крепко удерживая его, пока Алита закрепляла ремни.

Убедившись, что раненый надежно зафиксирован, и больше не в состоянии себе навредить, Алита отыскала в своей набедренной сумке инъектор с необходимым препаратом, и ввела его содержимое пациенту. После этого, постепенно, движения раненого гвардейца начали замедляться и он, обессиленный, распростерся на покрытом пятнами крови,

матраце.

Штайн устало провела рукой по вспотевшему лбу, и посмотрела на гвардейца, так вовремя, оказавшегося поблизости.

– Что у вас? – Спросила она без излишней строгости в голосе, понимая, что если бы гвардеец не заперся, без разрешения, в палату госпиталя, все могло бы закончиться печальнее.

– Еще раненые, сестра. – Он кивнул в сторону двери. – В коридоре.

– Конечно. – Алита откинула со лба, упавшие волосы. – Сейчас ими займутся.

– Разрешите идти, сестра.

– Идите. – Выдохнула Штайн, и повернулась к Ванессе. – Значит так.

В ее тихом голосе клокотал вулкан, который Палатина сдерживала изо всех сил, не давая его содержимому вырваться наружу.

– Ты. Сейчас. Выйдешь отсюда. И займешься ранеными, которых только что доставили. Ты поняла меня?

Ванесса медленно кивнула головой, словно, только что отошла от тяжелого сна.

– Очень хорошо.

Штайн взяла со столика у дальней стены еще один иньектор с успокоительным, и положила его в карман своего халата, провожая глазами молодую послушницу. Затем прове-

ла рукой по растрепавшимся волосам, убирая их, обратно, под головной убор, одновременно, восстанавливая сбившееся дыхание. Тошнота улетучилась, как и чувство голода.

Алита Штайн широко растопырила пальцы, подождала, пока, мелкая дрожь в них полностью прекратилась, после чего, окинув взглядом госпитальную палату, полную раненых мужчин и женщин, и сложила на груди аквилу.

– Император, наш свет путеводный. Будь с нами в час скорби нашей, и озари к победе наш путь. – Прошептала она.

РЭКУМ. ДЕНЬ 7

Больше всего, он боялся сгореть заживо. И, каждый раз, садясь за гашетку огнемета, Ангус возносил молитву Императору, дабы Он даровал ему быстрый конец, когда наступит очередь их «Гончей», вспыхнуть умопомрачающим факелом, и превратиться в ужасающую и неумолимую плавленную печь. Однажды, Ангусу пришлось лично доставать из почерневшего остова взорванной машины то, что некогда было ее экипажем. И эта картина вгрызлась в его память, не оставляя до сих пор. Она возникала перед сержантом каждый раз, когда он занимал место стрелка, воспроизводя в памяти все краски и подробности того дня.

Три больших фрагмента, потерявшие схожесть с человеческими телами, припеклись к почерневшим стенкам «Гончей», и никак не хотели отскребаться. Синтетические во-

локна их одежды, расплавившись там, где не сгорели окончательно, надежно сцепив как клеем обуглившиеся останки со стальными листами боевой машины. Удушливый, вызывающий тошноту запах, забивался в ноздри, налипая на них отвратительной маслянисто пепельной пленкой, не давая глубоко вдохнуть. Даже противогаз не спасал от того смрада, что стоял в выгоревшем брюхе «Адской Гончей», а от рвотных позывов не спасали даже голодные желудки.

Больше, чем виденная им картина, Ангуса, с тех пор, преследовал запах, постоянно напоминая о себе, возникая в памяти. Так что, огнеметчику время от времени начинало казаться, что он, вновь, ощущает этот тошнотворный противно-сладковатый, чуть-чуть с горчинкой, шлейф в своих ноздрях. В такие моменты он делал несколько глубоких вдохов, словно хотел «продышаться», до тех пор, пока воспоминание не блекло, и не уходило из его памяти.

Вот и сейчас, ему снова почудился омерзительный запах. «Бог-Император человечества! – Ангус со всей силой вдавил гашетку огнемета, глубоко вдыхая и с шумом выдыхая горячий спертый воздух. – Защити Твоего слугу, и избавь меня от опасности».

Как будто в ответ на эту молитву, «Адская Гончая» под управлением водителя, увеличила скорость. Ответом на это, послужил звериный рев, напирających спереди, зеленокожих. ...Он ничего не почувствовал. Снаряд вошел ему точно в переносицу, принеся мгновенную смерть, без мучений.

Прорыв захлебнулся.

Идущая на острие атаки «Гончая», встала, окруженная со всех сторон зеленокожей ордой. Огнемёт потух. В мановение ока, утробно рыча, ксеносы облепили бронированную машину. И, в следующие секунды, несколько огромных орков уже вскрывали верхний люк. Им потребовалось, всего, несколько минут, чтобы справиться с этой задачей. А еще через секунду после этого, из кабины «Адской Гончей» раздалось несколько выстрелов и следом, полный боли, короткий крик, тут же заглушенный оголтелым ревом...

– Проклятые ксеносы! – Полковник Райт с размаху опустил увесистый кулак на стол.

– Вывести актуальные данные! – Уже спокойнее, приказал он, кивая адъютанту в сторону гололитического экрана.

На большом экране, закрепленном на одной из стен, тут же замигали красные огоньки. Они загорались все больше и больше, пока не заполнили весь участок, обозначенный, как склады, а часть их, распространилась на территорию космопорта. Оценив текущее положение, полковник Райт нахмурился еще больше. Потеря данного стратегического объекта, может стать решающей в битве за город, и поэтому, он готов был сейчас пойти на крайние меры, только, чтоб выбить зеленокожих из зоны космопорта, расчистив территорию, хотя бы до мастерских.

– Это все? – Он посмотрел на вытянувшегося, перед ним,

адъютанта.

– Так точно, полковник. – Отрапортовал тот. – Последние сводки.

Продолжая хмуриться, Райт развернулся в сторону кадет-комиссара Доу. По приказу Тумидуса его прикомандировали к ополченцам из рабочих.

– Как ведут себя новобранцы? Они хоть что-то умеют?

– Особых нареканий нет, полковник. – Отрапортовал Доу. – Однако низкий уровень военной подготовки и дисциплины не позволяют говорить о них, как о полноценном войсковом подразделении.

– Что имеем. – Хмуро произнес в полголоса Райт, потом посмотрел на стоящего рядом с ним, капитана Роглева. – Принимай командование, капитан. Не танкисты, не пехота, зато много и в наличии. Возьмешь огнеметный взвод, то, что от него осталось, в качестве усиления, и прорываете фронт зеленокожим здесь, здесь и здесь.

Райт отметил на экране три точки, и те мгновенно, загорелись желтым.

– Ты, капитан, – он перевел взгляд на стоящего рядом, капитана второй бронетанковой роты, Варсиана Эйба, – впиливаешься в этот сектор, и делишь зеленокожих тварей надвое. Да так, чтоб они потом не соединились. Все. Исполняйте.

Капитаны ответили коротким «Есть», и вместе с кадет-комиссаром покинули помещение, и полковник, вновь, сконцентрировал свое внимание на экране, где тревожно мигали

красные точки. Постепенно увеличивая свою численность, они медленно расползались по всему экрану, тесня те, что светились зеленым, все дальше, к административному сектору. И на этом бесконечно большом, алом поле, одиноко мерцали три желтых огонька, обозначая места будущего прорыва.

Полковник Райт сложил руки на груди в аквилу, и, склонив голову, тихо прошептал:

– Император, помоги им. Защити верных солдат Своих.

Под прикрытием огнеметной техники, сформированные из бывших рабочих, отряды шли в наступление. Поддерживаемые силами регулярных частей с флангов, они атаковали орков, противопоставляя их дикой, звериной ярости, отчаянное сопротивление тех, кому больше нечего терять. Сдерживая зеленокожую орду ценой собственных жизней, и в буквальном смысле, заваливая их натиск собственными телами, защитники Рэкума силились перевести оборону в наступление, переломив этим самым ход битвы.

Пламя неистово впивалось своими горячими языками в усиленную броню, покрывавшую «Адскую Гончую», стремясь пробиться сквозь ее огнеупорные пластины, и испепелить всех, находящихся внутри грозной машины. Их, едва не подбили, и они чудом избежали прямого попадания направленной в их «Гончую», ракеты. Она пролетела мимо,

разорвавшись совсем рядом, в один момент, уничтожив целое отделение пехотинцев, превратив тех в кровавое месиво, и смертельно ранив осколком водителя огнеметной бронемашины. Его бьющееся в смертельной агонии, тело, все еще истекало кровью, фонтаном бьющей из разорванной трахеи, когда Доу занял его место у штурвала. К грохоту и шумам, наполняющих кабину «Адской Гончей» примешались натужные хрипы умирающего водителя, которые стихли уже через минуту, когда мучимое предсмертными судорогами тело, наконец, перестало дергаться. Но, поглощенные текущей схваткой, никто из находившихся рядом с ним, не обратил на это своего внимания.

– Справа! – Крикнул кадет-комиссар огнеметчику, направляя машину на волну зеленокожих, несущуюся прямо на них.

Вихрем вырвавшееся из ствола, пламя, охватило группу здоровых орков, пытавшихся пробиться к смертоносной машине. Отвратительный запах горелого мяса, уже до этого наполнявший кабину, усилился, хоть это и казалось, невозможным.

– Центр! – Снова выкрикнул Доу, продолжая направлять охваченную по бортам машину, в сторону ксеносов.

От проникающего внутрь дыма перехватило дыхание. Бушующее снаружи, пламя, уверенно пробивалось к намеченным жертвам.

– Нужно уходить! – Крикнул Графт, понимая, что еще немного, и огонь полностью охватит кабину, и тогда...

Вместо ответа, кадет-комиссар увеличил скорость до предела, и «Адская Гончая», из последних сил рванулась вперед, уничтожая и давя, все, что попадалось на ее пути. Внезапно, Армений увидел впереди уродливую конструкцию, на которой был закреплен большой таран и несколько тяжелых орудий, и понял, куда нацелился Доу. Самоходная платформа орков, стояла, как раз, рядом с автозаправщиком, и была сейчас, как нельзя более, уязвима.

– Варп меня заberi... – Выругался Графт, осознав, что хочет сделать кадет-комиссар.

Он хотел крикнуть, что это безумие, и что он не согласен вот так, здесь, умирать, но в этот самый момент, снаружи раздался взрыв.

Армений пришел в себя, и отчаянно тряся головой, постарался оценить ситуацию. Из-под приборной доски вырывалось наружу пламя, и, уже почти, подобралось к повисшему на штурвале, кадет-комиссару. Одновременно, с осознанием того, что теперь, нет того, кто мог бы его остановить, перед Графтом замаячил слабый лучик надежды.

«Надо валить» – С этой яркой, как вспышка взрыва, мыслью, он устремился к заднему люку.

Но, должно быть Сам Император был против его спасения. Снимающий блокировку рычаг, заклинило. Осознав это, Армений услышал скрежет собственных зубов. Если бы

этот кадет не приложился головой во время последнего взрыва и не потерялся, вместе, они бы скорее, смогли вырваться из этой смертельной ловушки.

Отчаянная мысль о неминуемой смерти прибавила Графту сил, и он, с остервенением, налег на заклинивший рычаг. Тот поддался, и через секунду нижний люк был открыт. Уже приготовившись выпрыгнуть, из горящей машины, рабочий бросил еще один взгляд на потерявшего сознание, кадета.

...Он никогда никому не помогал.

Как-то, он прошел мимо парнишки, попавшегося уличной банде, которая его истязала, думая только о том, что ухмыляющиеся подонки, уже заняты, и не должны обратить внимание на него самого. Помниться однажды, он всадил нож в спину жертвы, только для того, чтобы никто не подумал, что он против жестокой расправы, которую они тогда учинили над проигравшим. В его жизни было столько насилия, грабежей и убийств, что он не смог бы сосчитать их все, даже если бы очень захотел.

Он никогда, никому не помогал, и ему, тоже, никто, и никогда...

«Да ну, какого...» – Внезапно, пронеслось у него в голове.

В один рывок, Графт оказался у водительского сидения. Едва сбив жгучие языки огня, уже облизывающие синюю, кадетскую шинель, он подхватил раненого, и подтащил к люку. Он и сам, в этот момент, не смог бы ответить на вопрос, почему он это делает. Единственная мысль, которая крутилась

у него в голове, была, что: «Не все же они, в конце концов, законченные суки, и должны же быть среди них люди».

Спроси кто-нибудь, и Армений не смог бы ответить кто такие, эти «они». Комиссары, бригадиры, арбитры, просто те, кто в свое время, не преступил через Имперский закон... Графт не знал этого, и думать об этом, сейчас, не хотел. Он просто, подтащил к спасительному люку, так и не пришедшего в сознание, кадет-комиссара, и вытолкнул его наружу.

Он уже собрался выпрыгнуть следом, когда, неуправляемая, и к тому времени, почти полностью, охваченная пламенем «Гончая», врезалась в автозаправщик...

...Невыносимая боль, подобно гигантской волне, захлестнула все его тело. За свою жизнь, в которой было всего так много, от мелких побоев, до серьезных травм и переломов, Армений, даже, не предполагал, что может быть настолько больно. Ему показалось, будто каждая клеточка его тела, корчится и извивается в жестокой агонии. Графт уже открыл рот, чтобы зыкнуть в истошном крике, но невыносимая боль, кончилась также внезапно, как и началась. И, в тот же момент, он открыл глаза, чтобы тут же прищуриться от непривычно яркого света. Непрерывно моргая, ему с трудом удалось разглядеть, приближающуюся к нему, невысокую фигуру. Остановившись рядом, пока он валялся на вздыбленном рокрите, молодой парнишка, внезапно, протянул Графту руку. Тогда, он моргнул еще раз, прогоняя коварную влагу из слезившихся глаз, и наконец, узнал его. Это

был тот самый парень, мимо которого, когда-то, прошел Ар-
мений, позволив банде с ним расправиться. И сейчас, этот
парень, как ни в чем, ни бывало, стоял над ним, совершенно
не изменившийся с тех далеких дней, и, с такой невероятной
легкостью во взоре, протягивал Графту раскрытую ладонь,
широко, и по-доброму улыбаясь.

«Ты жив?» – Армений захотел задать этот вопрос,
но в тот же самый миг, вдруг понял, что уже, знает на него
ответ.

И тогда, на его давно забывшем, что такое настоящая ра-
дость, лице, расцвела ответная улыбка, и Графт испытал ни
с чем не сравнимое облегчение. Нет, не потому, что ушла
страшная, пронизывающая все тело, до самого основания,
боль. А потому, что вместе с ней, ушел унижающий и осквер-
няющий душу, страх, который до этого, сопровождал Арме-
ния на протяжении всей его жизни; даря тем самым самую
настоящую свободу, которую, только, может обрести чело-
век...

МЕЖДУ РЭКУМОМ И НЕМОРИСОМ. ДЕНЬ 7

Предрассветное клокотание птиц, заставило Юджина
улыбнуться. Этот незатейливый пересвист, вернее любой
разведки, сообщил ему, что зеленокожих поблизости нет. Он
перевел взгляд на кадет-комиссара. Тот, проводший боль-

шую часть дня и часть ночи в тяжелом полубытьи, наконец, уснув. И теперь, беспокойно метался в тяжелом мареве сна.

– Ну, как он? – Тихо спросил проснувшийся и подошедший к Юджину сержант.

– Спит. – Отозвался гвардеец.

– Это хорошо. – Ким слегка помассировал кончиками пальцев, красные от усталости недосыпания уголки глаз, и добавил. – Рассвет скоро. Выступить пора.

Юджин кивнул. Он прекрасно понимал, чем был оправдан, заданный сержантом, темп. Ким гнал гвардейцев, до минимума сократив время на привалах и ночевках, стремясь, как можно скорее доставить раненого кадет-комиссара в Рэкум. Все они видели, что, несмотря на прилагаемые усилия, Кимдэку все труднее справляться с учащающимися приступами боли и кашля, и что он, постепенно угасает, все чаще проваливаясь в беспамятство.

– Так точно. – Согласился Юджин, и добавил вслед уходящему сержанту. – Отдохнули пару часиков, и будет.

Он собирался сказать что-то еще, но замер, замолчав на полуслове.

– Слышите? – Шепотом спросил он, обращаясь к Киму.

– Ничего. – Так же, шепотом, отозвался Ким, разворачиваясь к Юджину.

– И я нет, а должны бы.

Сказав это, гвардеец вновь замолчал, напряженно прислушиваясь. Но лес затих, и, раздававшиеся еще несколько ми-

нут назад, птичьи трели смолкли, как смолкли и все остальные звуки, указывая на то, что все вокруг замерло, в ожидании чего-то или кого-то. А потом, спустя несколько минут тревожного беззвучия, до них донесся слабый шум передвижения. Кто-то, стараясь не привлекать внимания, шел через лес.

– Не орки. – Одними губами произнес Ким.

Юджин кивнул, нацеливая по знаку сержанта свой лазган в сторону источника звуков. Остальные гвардейцы, к этому времени уже заняли огневые позиции, выцеливая потенциального врага, и готовые подавить его огнем тут же, как только он себя проявит. Но, когда среди деревьев мелькнули две синие шинели кадет-комиссаров, Юджин с облегчением выдохнул, сам удивляясь тому, насколько можно радоваться встрече с представителями комиссариата. Следом за кадет-комиссарами, показалась высокая фигура в длинном, сером плаще и шляпе с завышенной тульей, какие носят инквизиторы.

– Не достаточно скрытно, сержант. – С суровой холодностью в голосе, произнес инквизитор, чтобы быть услышанным, пока Ким поднимался в полный рост.

– Инквизитор. – Юджин услышал, как Ким обращается к Барро, и уже через секунду понял, А еще через минуту, Юджин Форхран понял, что с двух флангов от группы инквизитора движется отделение гвардейцев, на всякий случай, взявшие их на прицел.

Сержант, сложив руки на груди в аквилу, шагнул навстречу инквизитору, и Юджин последовал его примеру. Руки Барро, на секунду, взметнулись в ответном жесте.

– Доложите подробности. – Приказал он.

Сержант не успел ответить, как из-за спины Юджина послышался хриплый, изможденный голос:

– Господин инквизитор, разрешите доложить о текущей ситуации.

Сам Юджин резко обернулся на голос, и увидел кадет-комиссара, нашедшего в себе силы, чтобы сесть, и сейчас делающего попытки подняться на ноги.

– Господин инквизитор, – Ким сделал еще один шаг в сторону Барро, – кадет-комиссар серьезно ранен.

Он не успел договорить, когда шатаясь от слабости, Кимдэк поднялся сначала на одно колено, а затем встал полностью, опираясь левой рукой на одно из деревьев, а правую, прикладывая к груди в однокрылой аквиле. Одновременно с этим жестом, на лице кадет-комиссара промелькнула короткая гримаса боли, но он все равно остался стоять, лишь чуть более сильно пошатнувшись.

– Аве Император, кадет-комиссар. – Барро приблизился к Кимдэку почти вплотную.

– Аве Император. – Ответил Джонас, переводя свой расфокусированный взгляд на инквизитора.

– Вы можете лечь. – Барро протянул Кимдэку руку. – Я выслушаю вас так. – И, помогая Джонасу вновь занять го-

горизонтальное положение, сделал сержанту знак, чтобы все остальные отошли.

Кимдэк говорил тихо, то и дело, останавливаясь, чтобы восстановить дыхание, а Барро слушал его внимательно, не подгоняя и не прерывая, лишь иногда задавая сопутствующие вопросы, по ходу повествования.

– Это все? – Спросил Алонсо, когда кадет-комиссар закончил говорить.

– Так точно, господин инквизитор. – Ответил Кимдэк, и, задышав еще тяжелее, наполовину прикрыл веки.

– Отдыхайте. – Кивнул Барро, отходя от кадет-комиссара.

– Сержант. – Подозвал он Кима.

– Здесь, господин инквизитор.

– Выберете из своих гвардейцев двух человек, и возвращайтесь с ними в Рэкум. Кадет-комиссар Шульц пойдет с вами и покажет, как попасть в город, минуя орков. Оставшиеся двое пойдут со мной. Если по пути следования, вы заметите что-то необычное, что угодно, по прибытии немедленно доложите обо всем увиденном Лорду-Комиссару Тумидусу. Исполняйте.

– Слушаюсь. – Сержант тут же развернулся к гвардейцам, занявшим позиции по периметру, вокруг места их временной стоянки. – Форд, Юджин! Поступаете в распоряжение господина инквизитора. Сименс, Уэбб – со мной.

– Кадет-комиссар. – Обратился Ким к подошедшей

Шульц, после того, как она получила последние распоряжения Алонсо. – Отряд готов выдвинуться к Рэкуму.

– Выступаем. – Кивнула Клавдия.

Сименс и Уэбб уже наклонились, чтобы поднять носилки, на которых лежал Кимдэк, но Шульц, не говоря ни слова, отодвинула Уэбба в сторону.

– Я понесу. – Она прожгла взглядом, на мгновение застывшего от удивления гвардейца, и, взявшись за один конец носилок, повторила, уже громче. – Выступаем.

РЭКУМ. ДЕНЬ 7. ПОСЛЕ ЗАКАТА

Тишина ночи не принесла покоя, и, Хильдегад Витинари начала медленно массировать виски, чтобы унять зарождающуюся боль. Через несколько минут, это помогло, но сон, по-прежнему не шел. Губернатор вспомнила, как утром она попыталась поговорить с полковником Райтом, потом, с Лордом-комиссаром Тумидусом. А после, даже, с капитаном Хариусом. И, как все ее попытки оказались тщетными. Каждый из них, по-своему, в вежливой, и даже, аристократической форме, пусть и с оттенком грубости, присущим всем военным, отстранил от дальнейшего обсуждения происходящего. Ей не двусмысленно намекнули, что в той ситуации, в которой теперь находился Рэкум, и вся Ферро Сильва, командовать и принимать решения должны военные, а не губернатор, каким бы статусом и властью она не обладала на этой

планете, в мирное время. На самом деле, где-то в глубине души Хильдегад Витинари отдавала себе отчет, что ее желание поговорить с ними, с любым из них, узнать ситуацию и перспективы, на самом деле, продиктовано не чем иным, как страхом. Понимала она и то, что ее вопросы здесь и сейчас, только отвлекали офицеров от решения проблемы, имя которой было «орда», и что ее присутствие, как на территории штаба, так и на позициях, мягко говоря, не желательно. Кроме этого, Хильдегад догадывалась и о том, что ответы, полученные ею от командующих, какими бы те ни были, ни как не повлияют на исход, уготованный Рэкуму и его жителям, и что всей правды, ей, скорее всего, не сообщат. А повлиять на исход сражения могут лишь слаженность действий, отвага и мужество тех, кто сдерживал сейчас натиск зеленокожих ксеносов, ценою своих жизней, замедляя их продвижение в сердце Рэкума, и предпринимая все новые и новые отчаянные попытки, отбросить ревущую ораву назад. Она понимала. И все же, понимая все это, хотела, чтобы с ней, по-прежнему, считались, как с губернатором. Нет, она не питала иллюзий, относительно того, что сама она никак не может повлиять на результат той кровавой бойни, что шла сейчас на улицах города. Отлично понимала, почему ее, фактически, отстранили от власти, и понимала, что подобное решение продиктовано заботой об эффективности и здравым смыслом. Понимала, но ничего не могла поделать с тем нарастающим гневом, что поднимался в ее душе.

«Разве справедливо, оставлять меня в неведении, когда вокруг твориться... Такое!» – Хильдегад Витинари остановилась, не в состоянии ни продолжить мысль, ни как-то ее систематизировать.

В памяти, почему-то всплыл эпизод из далекого детства, когда ее отца только назначили на пост губернатора Ферра Сильва, и они прибыли на злополучную планету. Тогда, ей было совсем мало лет, и она восхищалась великолепием мира, который открылся перед ней. Все казалось ей, тогда, прекрасным. Высокие деревья и густые, темные, почти черные травы. И, странное, пепельное небо, нависающее над головой столь низко, что казалось, вот-вот прижмется к самой земле.

Помнила, как ее поразили Храм Императора. Сила и величие, буквально, исходило от его высоченных стен, купола, переливающегося всеми возможными цветами, и необъятных колонн, с которых свисали алые штандарты, с вышитыми золотыми аквилами.

А потом, начались серые, как местное небо, будни. Все изменилось не сразу. Не в один день. Но столь же неумолимо, как быстро сменяющие друг друга свет и темнота в коротких сутках Ферро Сильва. Витинари росла, и жизнь перестала казаться прекрасной сказкой, приобретая грубые и подчас, уродливые очертания суровой реальности. Все чаще, отец посвящал ее в тонкости управления колонией, с каждым проживаемым днем, все больше приходящей в упадок. Мир, в котором Хильдегад пришлось жить, словно бы стрях-

нул с себя праздничную позолоту, оставив лишь мрачные тона. И лишь Губернаторский Дворец своим неземным изяществом, напоминал Витинари тот прекрасный, сказочный день, когда она впервые увидела его хрупкую гармонию. Когда отец умер, Хильдегад заняла его пост. Запрос о ней, как о будущем право приемнике Себастьян Витинари подал заблаговременно, и все подготовил, словно готовился к своей кончине заранее. Когда это произошло, яркие радостные дни, уже столь редкие и непостоянные, окончательно ушли из жизни Хильдегад Витинари, похороненные со всем светлым, что было в ее жизни ранее. Началась рутина, пепельно-серая, под стать здешнему небу.

Хильдегад устало провела рукой по сбившейся прическе. Нет, она уже давным-давно не строила никаких иллюзий, и представляла свое будущее, совершенно, не в розовом свете, как когда-то, совсем в раннем детстве. Но такого конца, она, явно, не ожидала. Сама возможность скорой смерти от орочьих клинков, застала Хильдегад Витинари врасплох, и теперь загоняла в тупик, сотканный из страха и ощущения безысходности, оплетая юного губернатора отчаянием, как тонкими ремнями из сыромятной кожи. Они впивались в нее, оставляя на мыслях кровоточащие рубцы, сковывая идеи, и отдавая во власть паническому настроению.

«Мне необходимо выспаться», – подумала Хильдегад, лежа у себя в спальне, пытаюсь заснуть, и негодуя от того, что у нее нет возможности и власти, хоть что-то изменить.

Она вспомнила, какой бодрой и отдохнувшей почувствовала себя, на следующее утро, после приема снотворного. Этот чудесный препарат, который она нашла после смерти отца, среди его вещей, действительно ей помог. Хильдегад поднялась с кровати, прошла к изящному секретеру, и, отперев одну из дверей, достала оттуда старую шкатулку, куда поместила найденные капсулы. Небольшая, выполненная из черного эбена, изящная, инкрустированная самородными камнями хризоберилла, шкатулка была выстлана внутри черным нубуком, и, чуть более чем на треть заполнена овальными бледно розовыми капсулами. Ключ для их вскрытия лежал тут же, поверх них.

Хильдегад задумалась о том, каким образом это снотворное попало к ее отцу, как часто он прибегал к его помощи, и сколько этого препарата, было у него, изначально.

«Жаль, я не знаю, откуда это лекарство доставляли». – Подумала Витинари, вскрывая бархатистую на ощупь капсулу, маленьким ключиком, и рассуждая о том, насколько своевременно этот препарат был ею обнаружен.

Распечатав капсулу, губернатор положила ключик обратно в шкатулку, и, тщательно ту, заперев, вернулась в кровать. Там, забравшись под одеяло, отстроченное шелковыми кружевами, Хильдегад бережно выпила драгоценное снотворное. Затем, она растянулась во весь рост, отдаваясь нежным простыням, и с блаженной улыбкой на устах, сомкнув потяжелевшие, враз, веки, погрузилась в мир ночи без сно-

видений.

НЕМОРИС. ДЕНЬ 8

Прошло несколько дней, с тех пор, как он добрался до Немориса. За это время, хоть он и недостаточно хорошо изучил город, зато обзавелся некоторыми весьма ценными в его положении, вещами. Первой его находкой стал портативный синтезатор пищи, обнаруженный в одном из огромных зданий, почти полностью уничтоженном орками. Это решило вопрос с пищей на долгое и долгое время, так что больше Ларна этот вопрос не мучил. Впрочем, с того самого момента, как ему удалось выжить, сумев избежать преследований со стороны зеленокожих, и благополучно добраться до Немориса, Ларна более, ничего не заботило. Словно, он преодолел последнее препятствие на своем жизненном пути, и теперь, ему не о чем было беспокоиться, и нечего бояться. Предоставленный, в кои веки, самому себе, обретя одиночество, которое бывший гвардеец, упорно именовал свободой, он бродил тенью по уничтоженному городу, впитывая в себя энергию разрушения, господствующую тут на каждом шагу. Бесцельно блуждая по улицам, заваленным нехитрым скарбом, распотрошенным звероподобными ксеносами, и останками последних защитников города, Ларн наслаждался мыслью, что согревала его в пасмурные дни и безлунные, и в гнетущие своим холодом, ночи. Он выжил.

Вот и теперь, бредя по грязному рокриту, и вдыхая, ставший уже привычным, воздух, полный запахов разложения, Ларн то и дело поднимал взгляд на небо, собирающееся исторгнуть из себя очередной дождь, первые капли которого, подобно разведчикам, уже устремились к поверхности Ферро Сильва. Одна такая капля, холодная и плотная, разбилась о щеку Ларна, когда он в очередной раз посмотрел в налитые свинцовыми тучами, небеса. Следом за ней, упала еще одна, еще холоднее. Потом, еще и еще. И, внезапно для самого себя, поддаваясь внутреннему, усиливающемуся в своем безумии, ражу, Ларн засмеялся.

Он выжил, и теперь утробно хохотал, запрокинув голову, и бросая вызов, исходящему горьким ливнем, небу. Стоя под потоком далеких, чужих слез, Ларн чувствовал, как они скатываются по его векам и скользят по щекам, выплевывая хриплый смех из содранной гортани. Раскат грома, разнесшийся по округе, на мгновение перекрыл его хохот, но не смог его остановить. Подобные харканью звуки, продолжали изрыгаться из открытого рта Ларна, устремляясь ввысь, навстречу грому и дождю, и утихли лишь тогда, когда предатель насмеялся вдоволь. Он огляделся по сторонам, озираясь, словно приходя в себя от поглотившего его ночного кошмара, и мысли его начали возвращаться к реальности.

Он видел, как пару дней назад в мертвый город вошли гвардейцы. Ларн наблюдал за ними из тени наполовину разрушенных зданий, подобно голодной гиене с гнилостных ми-

ров Класхины. Испытывая к ним смесь жгучей ненависти и страха быть обнаруженным недавними собратями по оружию, он не решился ни обозначить собственное присутствие, ни напасть исподтишка, чтобы разжиться с трупов бывших товарищей чем-нибудь полезным. Немногочисленный отряд гвардейцев пробыл в Неморисе всего одну ночь, и ушел, унося с собой на носилках раненого. Ларн не видел его лица, но сразу узнал человека на самодельных носилках по кадетской шинели.

«Он, что, бессмертный?» – С ненавистью подумал бывший гвардеец.

Но, потом, решил, что кадет-комиссару, все равно, уготована судьба, где-то умереть. Не здесь, так в другом месте. И, что скорее всего, он не переживет дороги обратно до Рэкума.

«Другой бы на его месте, давно подох, – думал Ларн, вспоминая, как упрямо, исподлобья смотрел на него кадет-комиссар, требуя гранату, – а за этим проверять приходится, сам на тот свет не отправиться».

Но вскоре мысли Ларна метнулись в другую сторону, переключившись с кадет-комиссара на более насущный для него вопрос. Что делать дальше. Вернуться в Рэкум Ларн не мог. Да, и не имел этого желания. Однако оставаться в Неморисе надолго, так же, не имело никакого смысла. Орки могли вернуться сюда в любое время. И даже, если зеленокожие больше не придут в Неморис, все равно, рано или поздно, находимые Ларном запасы еды и питья должны были, за-

кончатся. Так же оставалась возможность, что его найдут имперцы и расстреляют за дезертирство, или же... Подобных «или» вставало перед Ларном множество, и все они кончались для него одинаково мрачно. В какой-то момент, Ларн, даже подумал, что для него было бы проще умереть, где-нибудь на поле боя, с криком «За Императора!». Где он будет овеян славой и почестями. Предатель в его душе, тут же, прервал эти мысли. Какая, варп ее раздери, слава? Она предназначена для генералов и комиссаров. Для таких вот, как этот кадет. Почести и слава достаются им, и им подобным. А он был просто мясом в их мясорубке, и не более.

«Я не хочу умирать». – Повторил Ларн самому себе. – «Ни за Императора, ни за кого бы то ни было, еще».

«И я не хочу, – отозвался внутри него голос, – но что ты будешь делать, чтобы и дальше, оставаться живым?»

«Что Я буду делать? Что МЫ будем делать. Ты, сам сказал, что тоже, хочешь жить» – Ответил Ларн самому себе.

И тогда, его внутренний Я засмеялся. Громче и безудержнее, чем прежде. Он раскинул руки, поднял к небу лицо и расхохотался в полный голос, глядя, как на сером небе наползают друг на друга кучные облака, и, ловил, ловил широко открытым, смеющимся ртом, искривленном в неистовом и диком веселье холодные капли все усиливающегося дождя.

РЭКУМ. ДЕНЬ 8

Кадис ощутила себя и почувствовала, как сознание медленно возвращается откуда-то, из небытия. Тупая, равномерная боль скреблась с левой стороны спины и груди, время от времени, прожигаемая яркими пронзающими насквозь, вспышками. Кадет-комиссар попыталась открыть глаза, но не смогла поднять отяжелевшие веки. В голове стояло монотонное гудение высокой частоты, как от огромного роя издающих вибрирующий писк, насекомых. Постепенно, это гудение начало складываться в голоса вдалеке, пикирующие друг на друга в каком-то странном споре.

– В таком случае, я не смогу определить, в чем причина. – Голос, несомненно, принадлежал женщине. – Признаться, до сегодняшнего дня, я не наблюдала ничего подобного в своей практике. Чтобы определить...

Голоса в голове Кадис, снова начали сливаться в монотонное гудение, разрезающее слух своими высокими вибрациями. Смертельная слабость сковала ее тело, а перед внутренним взором начали проноситься обрывки недавних событий...

...Первый, взвод второй роты, под командованием лейтенанта Ганса Рихтера Дрюлла, занимавший позицию на левом фланге фронта, проходившему, теперь, по самому центру жилого квартала Рэкума, не выдержал и дрогнул. Залп

из дальнобойных орудий и ракетометов накрыл первую шеренгу гвардейцев, и разорванные залпом тела, осели на вздыбленный взрывами, рокрит. Грохот орудий перекрывал крики живых и предсмертные вопли умирающих.

– Полный назад! – Голос лейтенанта Дрюлла попытался перекрыть общий рев, громыхающий над местом сражения. – Перегруппироваться!

– Недопустимо, лейтенант! – Взор Морзус полыхал гневом. – Вы провалите фланг, и подставите под смертельный удар ксеносов основные ударные силы!

– Нас уничтожат!

Рука Кадис метнулась к лаз-пистолету.

– Мы выстоим!

...Жар разлился по телу, отупляя сознание.

«Мы выстоим!»

«Мы воины Императора и слуги Его. Даже смерть не удержит нас на нашем пути к победе!»

...Далекие голоса продолжали кружить, то сливаясь вместе, то разделяясь настолько, что можно было понять смысл произносимых ими фраз...

– Не на этих условиях, Магос. При всем моем уважении. – Этот голос, судя по всему, принадлежал старшей сестре ордена. – То, что вы предлагаете, не что иное, как пытки.

– Я сообщу о своих выводах их Лорду-Комиссару. Окончательное решение остается за ним. – Раздался звук шагов, и голос, что-то возражавший, слился с ними, в один ритмич-

ный набат.

...Тело лейтенанта Ганса Дрюлла, распласталось где-то внизу, на залитом кровью, рокрите, вместе с другими телами. Она не помнила, как он упал, но это было не важно. Важно было продержаться до подхода «Химер» с их тяжелым вооружением, не дав атаке орков прорубиться сквозь их ряды. Она подняла вверх правую руку, сжимая в ней рукоять лазпистолета.

– Гвардейцы! Смерти нет, и нет страха! Император защитит тех, кто верен Ему! Вперед! Мы уничтожим врагов Его, что встали у нас на пути!

Почувствовавшие минутную слабость своих противников, орки, ожесточили атаку, грозя полностью смять фланговые позиции и прорваться к административному сектору. В ответ на попутку прорыва, гвардейцы ответили дружным залпом, выставив мощность лазганов на максимум. Те, у кого батареи подошли к концу, достали фраг-гранаты, встречая взрывами вырывающихся вперед, из общей массы, зеленокожих монстров.

Кадис слышала, как перемалывая под лязгающими траками тела, и скрежеща по почерневшему от взрывов, рокриту, к ним спешат на помощь бронированные машины.

– Держаться! Мы стоим на пороге победы! Император смотрит на нас! – Очередной взрыв разорвал голову набегающего на Морзус, огромного орка.

Взрывная волна ударила ее в корпус, и что-то острое вон-

зилось в грудь, пробивая ее насквозь. В глазах почернело.

«– Император защитит!» – Она не могла понять, крикнула она это вслух или подумала про себя.

Внутри, вспарывая грудь многогранной, вгрызающейся в плоть, болью горели вонзившиеся осколки. Морзус пошатнулась, не в силах вздохнуть от нарастающего жжения, словно в раны залили фосфекса.

«Боль ничто, потому что вера моя сильна!» – Она прокричала это самой себе, делая следующий шаг, и преодолевая сковавшие ее алые пути страдания и муки.

Подоспевшие «Химеры» дали залп по напирającym рядам ксеносов, отбросив их назад, неборимой стеной шквально-го огня.

– Не сейчас. О, Император, только, не сейчас. – Едва слышно прошептала Кадис, моля Его дать ей силы не упасть прямо сейчас, и довести начатую атаку до конца.

...Он ответил на её молитву. Когда боль достигла, испепеляющего сознание, крещендо, ноги подкосились, и Кадис рухнула, не в силах двигаться дальше, и, не в состоянии более сдерживать исполненный бесконечной мукой стон, их контратаку подхватили. Поднялись, обрушивая на врагов всю свою ярость, гвардейцы из соседних взводов. «Химеры», перебрасываемые с других участков на место прорыва, все пребывали, сокрушая ряды зеленокожих тварей своим благословенным огнем спаренных орудий. Наступление орков

было остановлено и отброшено назад. Но Морзус этого уже не увидела. Слепленная, нарастающим внутри жаром и звенящей болью, она лежала на обильно политом кровью рокрите, чувствуя как, постепенно, нестерпимый жар отступает, а на его место приходит, леденящий душу и кости, озноб.

...Где-то, на кромке гаснущего сознания, хлопнула одна из дверей. Проявившаяся ненадолго реальность, дрогнув, как предрассветная дымка, исчезла. Сознание Кадис, вновь, погрузилось во мрак...

РЭКУМ. ДЕНЬ 8. ПОСЛЕ ЗАКАТА

Кимдэк резко дернулся, и, не приходя в сознание, глухо застонал. На бледном лице выступила испарина, и ее холодные, липкие капли медленно покатались ото лба к вискам.

Несколько часов назад, когда Джонас окончательно впал в горячку и беспамятство, кадет-комиссар Шульц распорядилась сделать кратковременную остановку. Пока гвардейцы переводили дух, она лично зафиксировала раненного, привязав ремнями его руки и ноги к носилкам, после чего аккуратно вставила Кимдэку в рот кляп и зафиксировала его голову, еще одним, последним ремнем. Увидев все это, Уэбб лишь удивленно взглянул на сержанта Кима. Тот, так же, без слов, утвердительно кивнул, а позже, когда их группа снова двинулась в путь, сменив у носилок Сименса и Шульц, коротко бросил Уэббу:

– Мы совсем близко от Рэкума. Орки где-то тут, а раненый может застонать или закричать в любую минуту.

Услышав ответ, Уэбб промолчал, и только вновь посмотрел на раненого кадет-комиссара. Кимдек по-прежнему был без сознания, и, обливаясь потом, тяжело дышал. Затем, Уэбб перевел взгляд на Клавдию Шульц, но предпочел почти тут же, отвести его в сторону.

Они уже подходили к входу в тоннель, ведущему в город, когда тело Кимдэка сотряс очередной приступ судорог. Ким, жестом приказав Уэббу поставить носилки, склонился над раненым. Пот градом скатывался с лица и шеи Джонаса, а из-под кляпа доносились едва различимые стоны.

– Я такое уже видел, кадет-комиссар. – Сержант повернулся к Клавдии Шульц. – Раненому требуется срочная помощь.

– Сколько? – Строго спросила Шульц

– Около, тридцати минут, кадет-комиссар. Возможно, чуть больше.

– Успеем. – Отрезала Шульц, и скомандовала, берясь за край носилок. – Бегом!

В кабинете слышен был только монотонный голос Ван Калифшер, и не менее монотонный, но более тихий гул, работающих воздушных очистителей. Если бы не они, в комиссариате было бы еще жарче, и духота была бы просто нестерпимой.

Октавиан выслушал Магоса, не перебивая, и не задавая

вопросов. В самом конце ее речи, он заложил руки за спину, сцепив там, в замок, и после того, как Серафима Ван Калифшер замолчала, неподвижно стоял, еще, какое-то время, мысленно принимая решение.

– Зубы орка. – Произнес он, наконец, так, что это прозвучало, скорее, как ругательство, нежели констатация факта, о причине ранения одного из кадетов.

– Скорее всего. – Отозвалась Ван Калифшер. – Один из удаленных образцов на это указывает. Однако, сложно сказать, чем еще была поражена пациентка. Скорее всего, поражающие элементы, после проникновения, разложились уже в раневых каналах, что и стало причиной начавшегося воспаления.

– Природу которого вы, до конца, определить не можете. – Закончил за Магоса Лорд-Комиссар.

Серафима поджала тонкие губы так, что они превратились в бесцветную линию.

– Я высказала мнение о необходимости проведения ряда тестов, для выявления возможной, скрытой угрозы и, как причин ее возникновения, так и способов борьбы с нею.

Она замолчала, продолжая смотреть на Лорда-Комиссара, и ожидая, что он скажет в ответ.

– Я услышал вас, Магос. – Холодно, без эмоций произнес Тумидус. – И навещу кадет-комиссара, сегодня же. Она в сознании, может говорить?

– Нет. Лорд-Комиссар. – Возразила Ван Калифшер. – Ко-

гда я осматривала ее, она, все еще, была без сознания, однако с тех пор могло что-то измениться. О состоянии ее здоровья, лучше всего справиться у сестер. Они делают все, от них зависящее, чтобы раненые получали своевременную помощь, и как можно скорее возвращались в строй.

– Они, несомненно, Невесты Императора, и творят под час, невероятное, одними лишь молитвами Ему, не говоря о том, насколько хороши их таланты в области врачевания. – Немного сдержанно улыбнулась Серафима.

– Я встречусь с кадет-комиссаром Морзус, после чего сообщу о своем решении. – Подвел итог Гай Тумидус.

В ответ на это высказывание, Магос совершенно безэмоционально кивнула Лорду-комиссару. Она более не проронила ни слова, и покинула кабинет, распахнув дверь ровно настолько, чтобы выйти.

Октавиан проводил Ван Калифшер тяжелым взглядом, и когда дверь за Магосом закрылась, повторил:

– Зубы орка!

Но теперь, в том, что это было грубое ругательство, сомневаться не приходилось.

РЭКУМ. ДЕНЬ 9. ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Собравшихся в комиссариате было не много. Семь офицеров старшего звена склонились над большим столом, на котором было разложено несколько карт. Воздух в помеще-

нии казался спертым и душным, не смотря на то, что системы очистки воздуховодов работала исправно. Глубоко вдохнув, и оторвав взгляд от расстеленных карт, полковник Райт оглядел собравшихся. Он демонстративно расстегнул верхнюю пуговицу мундира, потом снял фуражку и положил ее на один из ящиков с боеприпасами, что стояли возле стены. Офицеры, окружавшие стол переглянулись и последовали примеру своего командира, готовые далее разговаривать без чинов.

– Итак, господа офицеры, – откашлявшись, произнес Райт, – наше положение критическое. Орки прут дуром, и за последние сутки, продвинулись на территорию жилых блоков, здесь, здесь, и здесь.

Полковник отметил захваченные сектора на карте, и с легким раздражением бросил взгляд в сторону той стены, где раньше висел большой гололитический экран. Что послужило причиной его выхода из строя, так и осталось для полковника Райта загадкой, и, пока технопровидцы бились над ее разрешением, пришлось воспользоваться старыми чертежами схемами, чудом сохранившимися в архивах Рэкума.

– Так же, ксеносами почти полностью захвачен космопорт и прилегающие к нему территории. – Продолжил Райт после секундной паузы. – Если мы не остановим их сейчас, и не отбросим...

Полковник резко замолчал, но лица, окруживших его офицеров, подсказали ему, что все присутствующие здесь,

и так, прекрасно понимали их общие перспективы, безо всяких пояснений.

– Если они нас уронят, – продолжил полковник Райт, чуть более тихо, – и если мы упадем, то, уже, не сможем подняться. Даже, всеми молитвами Золотого Трона.

– За такие слова я должен был бы тебя расстрелять. – Спокойно и, даже, чуть меланхолично отозвался Гай Тумидус.

– Конечно, должен. – В тон ему отозвался полковник. – Только, если мы, все-таки, упадем, расстреливать будет, уже, некого.

– И некому. – Добавил Лорд-комиссар многозначительно. В воздухе повисла пауза.

– Значит так. – Прервал тишину полковник Райт, и указал на обширную область, наискось заштрихованную карандашом, обозначающую космопорт. – Отсюда зеленозадых, нужно будет, выбить сегодня же. Роглев.

– Здесь. – Отозвался капитан.

– Возьмешь у Слайдера второй взвод и бросишь на этот участок. Поддержишь его атаку и закроешь оркам путь к перерабатывающему комплексу. Запомните: эти твари не должны попасть на территорию комплекса. Даже, если... – Полковник на долю секунды замолчал.

– То есть, никогда. – Подытожил он.

– Теперь Эйб. – Не услышав привычного «Здесь», полковник обвел взглядом присутствующих. – Что с ним?

– Получил серьезное ранение. – Ответил комиссар Гви-

неро, переводя взгляд с карт на полковника Райта. – Но он выкарабкается.

– Почему сразу не доложили?

– Не успели. – Хмуро отозвался один из офицеров, на котором, как раз, в этот момент, остановился гневный взгляд полковника.

– Должны успевать! – Попытался сдержать эмоции полковник Райт, и посмотрел на Гая Тумидуса. – Необходимо удержать орков, которых удалось заблокировать в ремонтных цехах, и не дать им объединиться с основными силами. Возьмете на себя, Лорд-Комиссар?

– Буду рад.

– Вот и отлично. – Райт перевел взгляд на комиссара Гвинеро. – Какие у нас потери?

– Вот предварительные подсчеты. – Комиссар нажал руну на своем инфопланшете, пересылая имеющиеся данные полковнику.

Быстро пробежав полученное сообщение глазами, лицо Райта заметно омрачилось.

– Среди погибших, – добавил комиссар Гвинеро, – капитан СПО Максимилиан Хариус.

– Как. – Голос полковника стал сухим и строгим.

– Во время вчерашней атаки. Попал в мясорубку, которую устроили зеленокожие в космопорте.

– Сразу? – Спросил Райт, но без особой надежды в голосе.

– Нет, – Карро Гвинеро покачал головой, – его нашли,

еще живого. Сестра, которая оказывала ему помощь, сказала, у него не было шансов. Она подарила ему Милость Императора.

Говоря это, Гвинеро вспомнил, с какой благодарностью смотрел на него и на Алиту Штайн, Максимилиан, в те несколько секунд, когда по его венам разливался смертельный наркотик, даря истерзанному орочьими рубилами, телу, успокоение.

Полковник Райт понимающе кивнул:

– Император защищает. – Произнес он, осеняя себя аквиллой, и его примеру последовали остальные офицеры.

Полковник, выдержал минуту молчания. В опустившейся тишине, тихо пискнул один за другим, несколько инфопланшетов, сообщая о новых сводках, поступивших с линии обороны.

– Теперь, господа офицеры, я хочу услышать каждого из вас. – Продолжил Райт. – Высказывайте свои предположения и планы, относительно будущей операции. Для победы, нам понадобится исключительная сплоченность и слаженность действий. Итак, слушаю.

Она вернулась в казарму перед самым рассветом, получив совсем немного времени на сон. Не снимая шинели, Хольмг легла на свое место, и уперлась немигающим взглядом в потолок. Спустя несколько минут, в пустую казарму вошел Тэрон Конг. Заметив Атию, он подошел к ней и сел

на соседнюю лежанку.

– Где остальные? – Спросила его Атия бесцветным голо-
сом, не отводя взгляда от потолка.

– Шульц заступила на дежурство. Раннер контролирует
труп-уборочную бригаду.

Тэрон Конг, так же, не снимая сапог и не раздеваясь, по-
валился на жесткий топчан, заменяющий им кровати, и без
особой надежды в голосе, спросил:

– О Кадис что-то известно?

– Пока ничего. – Отозвалась Атия, чувствуя одеревенение
во всем теле.

Она могла поспорить, что Тэрон сейчас испытывает то же
самое.

– Информация про Кальяса подтвердилась. – Было не яс-
но, спрашивает Конг или констатирует текущую ситуацию.

– Доу вернулся. – Вместо ответа сказала Хольмг.

Они обменивались информацией и фразами, потухшими
голосами, наполовину прикрыв налитые от усталости свин-
цом, веки.

– Выживет? – Все так же безлико спросил Конг, но на этот
раз, это все же прозвучало, как вопрос.

– Может выжить. – Так же, без надежды в голосе, ответила
Хольмг.

Ставшая уже непривычной, тишина резала уши.

– Кимдэка доставили к сестрам. – Заговорила вновь
Хольмг, после некоторого молчания. – Наверное, его, уже,

прооперировали.

– Успешно. – По голосу Конга, вновь было не понять, спрашивает он или утверждает.

– Не известно. – Отозвалась Хольмг. – Я как раз сопровождала раненых, и видела, как его принесли. Он потерял много крови, и раны серьезные.

– Через несколько часов начнется наступление. Наша задача: выкинуть орков за пределы города. – Тэрон почувствовал, как его веки медленно тяжелеют и начинают полностью закрываться.

– У нас есть чуть больше полутора часов, чтобы выспаться. – Добавил он, окончательно погружаясь в сон.

И через мгновение, до Атии Хольмг донеслось его глубокое, ровное дыхание. Она хотела последовать его примеру, но, внезапно охватившее ее, чувство тревоги не дало этого сделать. Сон сняло, как рукой, не смотря на то, что, еще совсем недавно, она готова была заснуть на ходу или стоя.

Когда, через час, за ними пришли, Атия Хольмг, так, ни разу, и не сомкнула глаз.

НЕМОРИС. ДЕНЬ 9

Ларн вжался осунувшимися плечами в холодную стену барака, наполовину обрушенного, со следами гари и копоти на обвалившихся стенах, на которых огнеметами расписались орки. От охватившего его страха, язык во рту пере-

сох и намертво прилип к небу, не желая повиноваться своему владельцу.

«Они пришли за мной» – лихорадочно думал Ларн, ища в себе силы встать и убраться отсюда, как можно дальше, но так и не находя их. Его ссутулившиеся плечи вздрагивали каждый раз, когда он делал попытку оторвать их от стены здания, и оттого лишь вжимались в нее все сильнее. Так продолжалось до тех пор, пока группа людей во главе с инквизитором не прошла мимо барака, за которым Ларн прятался, и не свернула за очередное, наполовину разрушенное здание. Только тогда, предавший Свет Императора судорожно перевел дух, и с трудом повернул голову в ту сторону, куда ушел отряд инквизитора.

Предатель был уверен, что группа людей, прибывших в Неморис, пришла по его душу, и что навел ее «семижильный» кадет-комиссар. Его синюю шинель он узнал бы из тысячи. И, хотя Ларн не разглядел его лица, он не усомнился ни на мгновение, кто скрывается под синим сукном кадетской шинели. «Семижильный». Это прозвище, данное им кадет-комиссару, плотно осело у бывшего гвардейца в голове.

«Вот тварь семижильная» – Стонал про себя Ларн со страхом, думая, что кадет-комиссар специально вернулся за ним, чтобы призвать предателя и дезертира к ответу. То, что, вместе с кадет-комиссаром, в Неморис прибыл инквизитор, лишь подтверждало догадки Ларна и усиливало его страх пе-

ред грядущим и неотвратимым наказанием. Голос разума, конечно, мог бы сказать, что израненный, потерявший много крови кадет, не смог бы сейчас, так бодро идти. Что он, вообще, не смог бы осилить расстояние от Немориса до Рэкума и обратно, без посторонней помощи. Что сам по себе, путь туда и обратно, занял бы больше времени. И, наконец, что ради поимки одного дезертира, в Неморис не отправился бы, лично, представитель Святой Инквизиции. Но все эти, и еще многие другие доводы, из тех, что мог бы предъявить Ларну его разум, были надежно похоронены под тягостной массой страха и охватившего его безумия, когда человеком начинает управлять паранойя погоняющая упряжкой маниакальных идей и фатальных предубеждений. Его разум, некогда способный мыслить, рассуждать и делать выводы, теперь был сломлен и раздавлен, под натиском разросшегося страха, постепенно поглощавшего Ларна кусочек за кусочком. Пожирающего его изнутри, и, от поглощения которого, невозможно было убежать или скрыться, а можно было лишь смирившись, принять неизбежное, и отдаться этому опустошающему душу, чувству, целиком, без остатка, растворившись в нем, окончательно.

До того, как Неморис был осквернен и уничтожен, в этом, теперь, почти полностью разрушенном здании, располагался пост блюстителей правопорядка. На это указывали, как частично сохранившиеся надписи на почерневших от выстре-

лов и запекшейся крови, стенах; так и тела тех, кто это здание защищал, облаченные в форму спец охраны шахтерского комплекса. Здание, казарменного типа, стало тем оплотом, в котором заперлись выжившие, когда стало очевидно, что зеленокожая орда одержала верх, и город перешел полностью, под контроль ксеносов. Но, в конечном счете. Пала и эта, последняя цитадель, разрушенная тяжелым ракетным оружием орков. Должно быть, даже после того, как массивные двери, ведущие в здание, были уничтожены направленным взрывом, то, что еще оставалось от правительственного строения, еще долго использовали в качестве мишени. Стены от выпущенных в них, снарядов, почернели и осыпались, а там, где остались стоять, были выкрошены выстрелами до половины, превратившись в тонкие, неровные полоски из камня, готовые вот-вот сломиться и обрушиться. Пол был завален камнями, арматурой и фрагментами тел. Медленно следуя по коридорам, официальным и подсобным помещениям, Алонсо Барро мысленно восстанавливал, произошедшие здесь кровавые события. Некоторые люди, что оказались в этом здании в свои последние часы, не дожидаясь жестокой развязки, покончили с собой. Их можно было назвать счастливыми, по сравнению с теми, кто стал свидетелем окончательного прорыва орков, на последнюю захватываемую ими территорию обреченного города. Еще живые тела тех, кто был в последней из комнат, куда ворвались зеленокожие звери, были выволочены на улицу и разорваны,

под улюлюканье дикой орды ксеносов. Энергетический след от ужаса потрошимых и свежеемых заживо людей, до сих пор витал над их изуродованными оборванными, со свисающими лохмотьями содранной кожи, телами.

Сопровождаемый своей небольшой свитой, Алонсо Барро, весь превратившийся в слух, взирал глазами своей души, разыскивая место, с которого все началось. Он почти слышал вопли терзаемых людей, улавливал тонкую вибрацию от слабого биения их сердец, и то, как они остановились, перестав отсчитывать удары. Видел орды беснующихся монстров, и то, как стекает горячая, дурманящая кровь по их оскаленным мордам, чувствовал истощенный, непередаваемый словами ужас, разивший от того, кому уготовано было судьбой стать последним выжившим человеком в Неморисе. Но все это было не то, что разыскивал сейчас инквизитор. Закрыв глаза, и ведомый под руки Авелем и «Немым», псайкером из его свиты, Алонсо считывал варп-следы, чтобы разыскать «ту самую точку», тот момент, в котором произошел перелом, место обряда или жертвоприношения, где пролилась первая кровь, с которой начался тот обряд, результатом которого стало все то, что сейчас происходило на Ферро Сильва. Почтив минутной остановкой и скорбным молчанием тех, чьи жизни закончились так страшно, инквизитор двинулся дальше, по реке звуков, продолжая восстанавливать страшные картины последних минут Немориса. Повсюду

ду были слышны отголоски предсмертных криков, воплей ужаса и отчаяния, и рев ликующих орков. Но Алонсо Барро, отвергая все это, продолжал исследовать мертвый город, шаг за шагом, каким-то невероятным чутьем, зная, что вскоре нащупает то, зачем он пришел сюда, в Неморис. Сейчас. Это было где-то здесь, совсем близко. Оно шевелилось, под плотным потоком звуков, омывающего его слух. Вот. Барро замер прислушиваясь, и напрягаясь так сильно, что он услышал слабеющее эхо собственных шагов. Стараясь не обращать внимания на ту какофонию из врап-следов, что царила вокруг, он сделал еще один шаг...

Едва различимый шепот коснулся его, обострившегося до предела, слуха. Это было, как, если бы он попытался разглядеть одинокую каплю, в нескончаемом ливне дождя, обрушившегося с небес на землю.

Шепот стал чуть различимее, превращаясь из стаккато одинокой капли. В тонкоголосое пение журчащей струйки. Алонсо ухватился за этот звук, и поплыл к нему, сквозь бушующие волны всех прочих звуков. Тихое журчание перешло в стройную мелодию горного ручья. Инквизитор напрягся еще сильнее, направляя всю свою волю, на то, чтобы услышать.

Теперь, сквозь музыку падающей воды, Алонсо Барро начал различать слова. Они звучали мягко и нежно, окутывая сознание тончайшим шелком покоя, и, в то же время, вгрызались в него, подобно тому, как впиваются в разрезаемую

ими плоть, зубья цепного меча. Слова превратились в поток. Полноводной рекой они катились, образуя волны и перекааты, впадая в огромный океан.

И в этом океане, полном созвучий, как привычных уху, так и чуждых, ранящих сам слух, среди прочих, пронзающих разум слов, было одно, которое заставило инквизитора содрогнуться. Всего одно слово. Имя. Имя одного из четырех извечных врагов человечества.

Алонсо Барро открыл глаза, и понял, что бьется в конвульсиях на раскрошенном рокрите. Он попытался крикнуть, но вместо этого, из его горла вырвался сдавленный хрип. Потом, его вырвало желчью и наконец, Алонсо Барро потерял сознание под тяжестью, внезапно окруживших его криков, стонов и проклятий, среди которых, победным гимном возвышалось и кружило над всеми прочими звуками, имя бога перемен.

РЭКУМ. ДЕНЬ 9. ПОСЛЕ ЗАКАТА

Наступление началось, как и планировалось, на рассвете. Но лишь к середине дня гвардейским частям, при поддержке ополченцев из числа рабочих, удалось существенно продвинуться и отбросить орков назад, полностью освободив жилой сектор. И только, когда светило начало скатываться по небосклону в закат, защитникам Рэкума удалось плотно закрепиться на отвоеванных позициях. Теперь, день клонил-

ся к вечеру, и, тяжелый бой был, наконец, окончен. Серые сумерки захватили в свои плотные объятия, залитый кровью, стонущий Рэкум. Оставшиеся в живых орки укрылись на территории ремонтных цехов, в самом дальнем его краю, там, где строения были меньше всего, и располагались настолько близко друг к другу, что проходы между ними, напоминали старинные лабиринты, крайне извилистые и запутанные.

Карро Гвинеро открыл глаза и обнаружил себя лежащим между двумя крупными телами зеленокожих. У одного из орочьих тел, прямым попаданием из машинного орудия, была оторвана голова; у второго отсутствовали ноги, и был полностью раздроблен низ безобразного туловища. Отвратительная, густая кровь, растекаясь от разорванных тел, заливала все вокруг, в том числе, самого Гвинеро. Комиссар зашевелился, пытаясь подняться, и отвратительная жижа, начала скатываться с его одежды жирными, дурно пахнущими сгустками. Едва не поскользнувшись в этой хлюпающей массе, состоящей из крови и вывалившихся кишок, Гвинеро медленно встал на ноги, огляделся, и понял, насколько сильно у него кружится голова.

«Слабость» – подумал он, – «сейчас пройдет».

Он сделал несколько шагов, и понял, что хромает. Посмотрев вниз, комиссар обнаружил, что его нога, чуть ниже колена, вывернута под неестественным углом, будучи,

по всей очевидности, сломанной. Однако не было ни крови, ни боли, и только непомерно раздувшаяся нога, так, что сапог стал казаться тесным, и доходящее до тошноты головокружение, указывали на сильное внутреннее кровотечение.

«Надо перетянуть», – подумал Гвинеро, и пошатнулся.

Перед глазами поплыли фиолетовые круги. Шум в голове усилился. Быстро, как только мог, он снял ремень и перетянул ногу чуть выше колена. Затем, мутным взглядом окинул недавнее поле боя, ища глазами «Командирку». Ее дымящийся остов чернел в нескольких метрах впереди, далеко или близко, Карро сказать не мог. Окружающая реальность плыла перед ним, то и дело меняя очертания, и у него ни как не получалось сосредоточиться. Он сделал несколько мучительно медленных шагов, с трудом подволакивая искалеченную ногу, и в абсолютной, неестественной тишине, как будто, кто-то совершенно лишил его слуха. Тишина была по ушам, и эти толчки горячими, глухими ударами разносились по голове, вызывая монотонную, изматывающую боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.